

Академия наук СССР  
Институт славяноведения и балканистики

В. И. КОСНК

РУССКАЯ  
И Т  
П О Л И  
В К А  
БОЛГАРИИ  
1879 - 1886

Москва  
1991

Андрее с недоумением  
и признательностью.

от автора, удивленного  
тем что его книжка  
кому-то нужна

25/III-92,

Владимир

## ОТ АВТОРА

Война 1877—1878 г.г. была завершена, но до окончательной развязки балканского узла было далеко. Старый вопрос о Константинополе и Проливах продолжал оставаться в поле зрения русской дипломатии. Россия, озабоченная проблемой контроля над Проливами, в своих геополитических планах отводила болгарскому государству одно из ключевых мест. Территория Болгарии представлялась ей плацдармом, куда легко могли быть переброшены через Дунай русские войска для наступления в направлении Константинополя. Параллельно, княжество, созданное с помощью России, виделось ей военным и политическим оплотом на Балканах, а со временем, возможно, объединительным центром стран этого региона, заинтересованных в ликвидации турецких владений и соответственного расширения своих территорий.

Ставка на Болгарию, казалось, обещала успех. В княжестве с именем России связывались надежды на объединение с Восточной Румелией, Македонией и Фракией, на укрепление национального суверенитета. Активное участие русских представителей в военном строительстве должно было обеспечить боеспособную регулярную армию, необходимую как самой Болгарии, так и России.

Встает вопрос, почему же развитие русско-болгарских отношения было прервано?

Какие причины заставляли болгарские правящие круги для урегулирования своих проблем прибегать вначале к помощи

русских дипломатов, добиваться назначения на посты министров русских офицеров, а затем настаивать, как это не раз бывало, на их смещении?

В тем причина того парадоксального положения, когда Россия в большинстве случаев переходит от поддержки правительственной партии к поискам опоры в лагере оппозиции.

Где истоки и ключ того явления, что в официальной переписке русских дипломатических представителей возникает вопрос о возможной оккупации Болгарии, совсем недавно освобожденной той же Россией?

Ответы на эти вопросы и составляют задачу настоящего исследования.

Безусловно, болгарская тема и политика России неоднократно являлись предметом исследований как русских, так и зарубежных историков, которых привлекал феномен разрыва отношений Россией с освобожденной ею страной. И здесь — в историографии вопроса — лакуны нередко заполняются общими местами, нетрадиционный подход соседствует с уже устоявшимся, наглядно виден процесс политизации истории, принявший глобальный характер. Самым опасным было именно вмешательство "властей предержащих" в науку. Наглядным подтверждением этого может служить история с переизданием блестящей монографии С.Д.Сказкина "Конец австро-русско-германского союза", напечатанной в 1928 г., где одно из центральных мест отведено анализу русско-болгарских отношений 1879-1883 гг. и критике "казенно-славянофильской" политики самодержавия. Переиздание, осуществленное в 1974 году, сопровождалось изъятием большого количества материалов, относившихся к политике России в регионе. На этом примере видна система грубого вмешательства политики в историю, однозначное напугивание специалистов на темы, не затрагивавшие острые проблемы прошлого. Однако замалчивание проблем неизбежно ведет к постановке их в более жесткой форме.

## МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БОЛГАРСКОЮ КНЯЖЕСТВА И РОССИЯ

В статье I Берлинского трактата говорилось: "Болгария образует из себя княжество самоуправляющееся и платящее дань, под главенством его императорского величества султана; она будет иметь христианское правительство и народную милицию"<sup>1</sup>. Находясь в вассальных отношениях к Порте, княжество лишалось права на проведение самостоятельной внешней политики. Однако болгарское государство с самого начала своего существования повело борьбу за утверждение себя как субъекта в области международных отношений.

При этом широко использовались легальные способы. Так, на основе IV статьи Берлинского трактата, предусматривался созыв именитых людей Болгарии для выработки Органического устава княжества, проект которого был подготовлен в Петербурге и затем отослан в Болгарию вместе с письмом министра иностранных дел Н.К. Гирса, в котором "рекомендовалось предоставить болгарскому Народному собранию полную свободу высказывать мнения по существу дела и постановлять решения"<sup>2</sup>. 10 февраля 1879 г. было открыто Учредительное собрание. На протяжении всей его работы прослеживалось стремление болгар сделать особый акцент на государственной самостоятельности.

В результате обсуждения были приняты принципиально важные поправки. Основной закон княжества получил название конституции. В новой редакции ст. 4, гласившей, что "Княжество Болгария есть монархия наследственная и конституционная с народным представительством", опускалась фраза о вассалитете страны. К статье о государственной символике - гербе и печати, была добавлена еще одна - о национальном трехцветном болгарском знамени (ст. 21-23). Была отвергнута статья проекта о государственном совете. В стране вводилась однопалатная парламентарная система. 16(28) апреля Учредительное собрание завершило свою работу. Остался вопрос о князе, для избрания которого 17 апреля было откры-

то Великого Народного собрания. Однако его созыв был профор-  
мой кандидатура была уже обсуждена и намечена великими  
державами. На болгарский трон должен был быть избран  
22-летний Александр Баттенберг (1857-1893), что и было ут-  
верждено депутатами собрания.

Кто же он был? Сын австрийского генерала принца Алек-  
сандра Гессенского, родного брата русской императрицы Мар-  
рии Александровны, сочетавшегося морганатическим браком с  
фрейлиной императрицы графиней Гауке, польской по проис-  
хождению. Александр Баттенберг был лютеранского вероиспо-  
ведания. Образование получил в Германии, где потом служил  
в гессенских драгунах, а затем был зачислен в прусскую  
лейб-гвардию. Участвовал в русско-турецкой войне. Науку  
управления Болгарией проходил в Дармштадте и Пленгайме  
"под руководством гессенского тайного советника Менгеса".  
11 мая он был представлен в качестве князя Александру II и  
был произведен в генерал-майоры русской службы. "Таким об-  
разом князь Александр сразу очутился: прусским поручиком,  
русским генералом и князем Болгарским". В своих политичес-  
ких убеждениях был нескрываемый противник "слишком либе-  
ральной" болгарской конституции. К портрету надо лишь до-  
бавить, что он обладал большой энергией в достижении целей,  
был очень самолюбив и честолюбив<sup>3</sup>.

В процессе государственного строительства Болгарского  
княжества важное место отводилось установлению дипломати-  
ческих отношений (де факто) с соседними странами  
и великими державами. Следует иметь в виду, что княжество  
не могло иметь своих представителей при европейских домах.  
Оно могло посылать и аккредитировать своих представителей  
лишь при условии согласия Порты. В то же время великие  
державы могли свободно назначать в Софию своих дипломатов.  
Турция, согласно решениям Берлинского конгресса, могла по-  
слать в княжество лишь своего представителя по вопросу о  
вакучном плуцестве. Дипломатические представители сопре-  
давших государств - Сербии и Румынии - должны были полу-  
чать согласие Порты на их аккредитацию в Софию. На этой ос-

нове и был сформирован дипломатический корпус.

Ко дню восшествия князя под именем Александра I на болгарский престол было приурочено открытие в Софии русского дипломатического агентства (27 июня 1879 г.), во главе которого был поставлен А.П.Давыдов.

Несколько слов о нем. Александр Петрович Давыдов (1838 - 1885) принадлежал к старинному дворянскому роду. В 1859 году окончил математический факультет Московского университета со степенью кандидата. Отличное знание иностранных языков и большие связи помогли ему без труда устроиться в МИД. Во время своей карьеры он последовательно занимал должности секретаря миссий и посольств в Вашингтоне, Брисселе, Гааге, Риме, Вене. Русско-турецкая война застала его в Лондоне, где он работал старшим секретарем посольства. Он оставляет свой пост и спешит на родину, где активно включается в организацию работы по оказанию помощи раненым в тылу действующей армии. В августе 1878 г. вновь был зачислен в МИД и был назначен дипломатическим агентом и генеральным консулом в Софии, что было воспринято им с откровенным неудовлетворением. Аристократ по происхождению, консерватор по взглядам он "не переваривал болгарских порядков; болгарский демократизм был для него невыносим"<sup>4</sup>.

В инструкции российского МИДа от 7 сентября 1878 г. перед Давыдовым ставилась задача, чтобы его деятельность "была направлена к утверждению нашего влияния в княжестве, которое вызвано к жизни только при нашем содействии и в котором, по всем правам, господствующим влиянием должно быть наше. Весьма важно, чтобы в народе, только что призываемом к самостоятельной политической жизни, правительство его при влиянии нашего сумело поддержать и укрепить те симпатии, которые до сего времени он питал к России". В связи с неудовлетворительными отношениями между болгарами и сербами по пограничным делам Давыдову в той же инструкции подчеркивалось, что "не в интерес нашей политики поддерживать такие отношения между единоплеменниками нашими, и потому одной из главных задач нашей деятельности будет со-

статичте работа об установлении дружественных отношений между болгарами и сербами"<sup>5</sup>. 8 июля Давидов представил Александру I свои верительные грамоты. На следующий день — дипломатический представитель Австро-Венгрии Р. Кевенгиллер-Меч<sup>6</sup>, который ранее находился на дипломатической службе в Петербурге и был хорошо осведомлен в вопросах русской политики. Искоро верительные грамоты вручили дипломаты Германии, Великобритании и других стран. Они нередко представляли не только свою страну, но и другие государства. Англия защищала интересы США, Франция — Швейцарии, Россия — Черногории и Персии, Бельгия была представлена вначале Австро-Венгрией, а затем Италией<sup>7</sup>.

Болгарское государство находилось в несравненно более тяжелом положении, обусловленном вассалитетом Порты, которая стремилась показать свою власть над страной. Так, уже при первом свидании Александра I с Абдул-Гамидом II в июне 1879 г. выяснилось, что фирман об инвеституре, т.е. официальном признании князя будет вручен в Софии. По-видимому, в Константинополе были недовольны тем, что в болгарской конституции не содержалось упоминания о сюзеренитете, поэтому турецкое правительство решило подвергнуть князя и правительство унизытельной церемонии.

В определенной степени подобная акция задевала бы и честь России, в памяти которой были еще свежи воспоминания о войне с Турцией. Глава русского посольства в Константинополе князь А.Б. Лобанов-Ростовский послал срочный запрос в Бухарест своему коллеге А. Якобсону о правилах вручения фирмана. Ответ из Бухареста не заставил себя долго ждать. В письме к Гирсу от 26 июня Якобсон сообщал, что он информировал как Лобанова-Ростовского и Давидова о том, что "при князе Карле и даже ранее при Кузе, фирман вовсе читался не был, а был только при вручении одного передан в архив. Турецкого флага здесь не поднимали и конечно салютов не было"<sup>8</sup>.

Информация из Бухареста сыграла свою роль. Министр иностранных дел княжества отказал турецкому представителю

Пертев-эфенди в чтении фирмана, сославшись на прецедент с Руманией. Ему было также сообщено, что церемониал встречи ничем не будет отличаться от приема представителей других государств<sup>9</sup>.

Первая неудача не остановила Порту, не желавшей расставаться с мыслью о потере своего авторитета. Отношения между Константинополем и Софией были усложнены еще и тем обстоятельством, что на территории княжества проживало свыше полумиллиона мусульман. (По переписи 1881 г. в стране насчитывалось два миллиона жителей). При первой беседе князя с Пертев-эфенди, состоявшейся 29 июля (10 августа), выявились разногласия по ряду вопросов. Один из них касался назначения турецких торговых представителей в Софию, Тырново, Русдук (совр. Русе) и Варну. Предложение Порты о коммерческих агентах противоречило решению Берлинского конгресса, согласно которым в княжестве предусматривался лишь пост турецкого комиссара по вакуфным делам. Опасным было и то, что не были определены функции и полномочия этих представителей. По мнению Давидова, они могли служить посредниками в сношениях мусульманского населения княжества с Константинополем и, безусловно, их миссии могли служить своеобразными политическими центрами для тех турок, которые враждебно относились к новым болгарским властям<sup>10</sup>. Точка зрения Давидова совпадала с позицией болгарского правительства, отказывавшего признавать официально турецких коммерческих агентов, действовавших на территории княжества.

Однако основная проблема в двусторонних отношениях была связана с турецкими беженцами и возвратом им земельных владений. Она имела свои глубокие исторические корни. За время многовекового османского владычества в Болгарию переселились сотни тысяч мусульман. Им принадлежали значительные площади обрабатываемой земли, леса, пастбища, большей частью захваченные незаконно у болгар. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. веледствие "формально-ного" приказа турецких властей оставить страну, занятую

гяурами" <sup>11</sup>, мусульманское население бросало свое имущество и переселялось в Турцию. Спустившие же земли занимали болгарские крестьяне. Но после заключения Сан-Стефанского предварительного договора и принятия решений Берлинского конгресса начался обратный приток беженцев. Первоначально вопросами возвращения недвижимой собственности занималась временная русская администрация, возглавляемая А.М.Дондуковым-Корсаковым. Русские чиновники, бесспорно, отдавали себе отчет в том, что реставрация турецкого землевладения даст возможность Порте вмешиваться во внутренние дела создаваемого княжества. Чтобы не допустить этого, Совет императорского российского комиссара принял 2 августа 1878 г. особое решение, вошедшее в историю под названием "Журнального постановления". По нему за беженцами признавалось право возвращения на старые земли, но с одной оговоркой, что те из мусульман, которые виновны в каком-либо преступлении против болгарского народа, при возвращении немедленно будут преданы военному суду <sup>12</sup>. Как писал Н.Т.Левинтов, "значимость этой меры можно оценить, лишь учитывая зверские формы национального угнетения..., масштабы и жестокость подавления Апрельского восстания 1876 г." <sup>13</sup> Одновременно передача имущества шла через судебные органы, которые выносили решения только при предъявлении беженцами документов, подтверждающих их право владения этим имуществом. Фактически это затрудняло получение земель, так как в большинстве случаев у турок не было каких-либо юридических документов. Вместе с тем, чтобы облегчить покупку турецкой земли болгарам, был подписан приказ органами русской администрации о восстановлении земледельческих касс, сформированных еще в 60-х гг. XIX в. для помощи крестьянам на базе их взносов. Благодаря этому распоряжению болгары могли получать "заимобразно определенную сумму денег на хозяйственные надобности из текущих доходов... края" <sup>14</sup>.

Вопрос о беженцах и наделении их землей долгое время был предметом переписки между Сопией и Константинополем и, в частности, явился причиной конфликта. Так, осенью 1880 г.

Народное собрание приняло закон о передаче земель невозвратившихся турецких феодалов сельскому населению. Эта мера, предпринятая в интересах безземельного крестьянства и направленная на окончательную ликвидацию крупного турецкого землевладения, вызвала резкое обострение отношений. В феврале 1881 г. Порта потребовала от болгарского правительства, чтобы официальные отношения поддерживались в дальнейшем не через министерство иностранных дел, а посредством "бюро для привилегированных провинций"<sup>15</sup>. Понимая всю серьезность ситуации, болгарская сторона обратилась за помощью к русскому посольству в Константинополе, но его усилия не принесли положительных результатов<sup>16</sup>.

К концу 1881 г. отношения между Болгарским княжеством и Османской империей еще более осложнились. Напряженность была вызвана решением правительства в Софии о переходе в государственную собственность земель, не обрабатываемых в течение трех лет. Действия болгарских властей вызвали вмешательство великих держав, считавших это нарушением Берлинского трактата, в котором какой-либо срок не предусматривался. Для решения спорного вопроса был вынужден собраться совет министров: тремя голосами против двух время возвращения земель было продолжено до 1 ноября 1882 г.<sup>17</sup> Расчет болгарского правительства, сделавшего ставку на "покладливость" Порты оказался верным. Правящие круги Османской империи решили уступить. В Петербурге между турецким послом Шакир-пашой и Гурзом начались переговоры. Согласно договоренности, достигнутой между ними, болгарский представитель в Константинополе должен был обращаться по всем политическим вопросам в министерство иностранных дел, по остальным - в соответствующие департаменты<sup>18</sup>. Русское дипломатство в Софии, руководствуясь указаниями Гурза, возобновило переговоры с князем по этому же вопросу, которые закончились согласием Александра I принять текст договоренности за основу<sup>19</sup>.

Детали соглашения должна была обсудить специальная болгаро-турецкая комиссия. В самом начале ее работы возник-

ли затруднения, связанные с определением понятия "политические вопросы", так как турецкие представители отказывались причислять к ним вопросы болгаро-турецких отношений<sup>20</sup>. Фактически такая трактовка сводила к нулю самостоятельность княжества в его отношениях с Османской империей.

В этой ситуации болгарская сторона в июне 1882 г. обратилась к России с просьбой об оказании содействия по устранению возникших затруднений<sup>21</sup>. В Петербурге с готовностью откликнулись на эту просьбу. В Константинополе между российским посольством и турецким правительством начались активные переговоры. В октябре 1882 г. посол А.И.Нелидов сообщал в МИД, что ему удалось добиться принятия Портой "ноты болгарского представителя, заключающей все требования болгарского правительства, а также отправки ответной ноты турецкого министра иностранных дел о приведении в исполнение условленного порядка сношений"<sup>22</sup>. Достижению соглашения способствовало и то обстоятельство, что княжеское правительство обещало турецкой стороне не применять в октябре 1882 г. указа о сроке возвращения беженцам их земель<sup>23</sup>.

Министр иностранных дел Г.Яковлев расценивал результаты соглашения как благоприятные для княжества. В письме к Александру I от 7 января 1883 г. он подчеркивал, что соглашение придает болгарскому агентству репрезентативный характер. Болгарский дипломат, аккредитованный при Порте, отныне должен был выступать в качестве полномочного представителя своей страны, а не посредника, как это было ранее<sup>24</sup>.

Спор, длившийся более полутора лет, был закончен. Используя земельный вопрос, болгарское правительство не только добилось отмены решения Турции о включении княжества в униженные для нее "привилегированные провинции", но и получило ряд определенных льгот в статусе своего агента в Константинополе. Несомненно, успеху способствовали действия русской дипломатии, много сделавшей для урегулирования конфликта, защиты национально-государственных интересов княжества.

Отношения болгарского государства с Сербией и Румынией строились на иной основе. Народы этих стран объединяла в недавнем прошлом борьба с турецким владычеством. Перед молодыми княжествами стояли схожие задачи и цели по развитию своей государственности. Однако отношения между ними нельзя назвать устойчивыми и бесконфликтными. Соперничество великих держав на Балканах за сферы влияния, создание новых союзов и заключение договоров значительно сужало возможности развития отношений между этими странами, осложненными и без того взаимными претензиями в основном по территориальным вопросам.

В таких условиях русская дипломатия, не заинтересованная в нагнетании напряженности, оказывала помощь и поддержку Болгарскому княжеству в становлении и нормализации его отношений с Сербией и Румынией.

Характерным примером служит история установления отношений с Сербским княжеством. Дело заключалось в том, что пограничные эксцессы, являвшиеся следствием неупорядоченности новых границ, существенно влияли на готовность двух стран к установлению добрососедских отношений. Едва начавшиеся контакты между княжествами могли прекратиться, если бы не советы Давыдова, который предупреждал болгарского министра иностранных дел М. Балабанова о том, что его переписка с главой сербского правительства Й. Ристичем, содержащая взаимные претензии, не приведет к положительным результатам. Используя традиционный способ разрешения спорных вопросов, Давыдов посоветовал Балабанову обратиться к Ристичу с предложением создать смешанную комиссию. Подсказанная Давыдовым инициатива болгарской стороны имела успех. Сербское правительство согласилось на формирование пограничной комиссии, что способствовало определенному снятию напряженности<sup>25</sup>.

Первым дипломатическим представителем Сербского княжества был назначен полковник Сава Груич, окончивший в Петербурге Военную академию, побывавший военным министром в 1876-1878 гг. За время его пребывания в Болгарском княжестве

по Груич написал такие работы, как "Основы военного устройства в Болгарском княжестве", "Государственные приходы Болгарского княжества". В болгарской прессе деятельность сербского агента и его помощника Д.Боди получила высокую оценку<sup>26</sup>.

Сербский дипломат вручил свои верительные грамоты князю 6 сентября 1879 г. Небезинтересно заметить одну деталь. Во время приема Александр I подчеркнул Груичу, что "Сербии остается только ждать дня, когда моя страна организует свою армию, которая может оказать Сербскому княжеству услуги"<sup>27</sup>. Князь имел в виду возможность заключения военного союза с Сербией. Однако, по иронии судьбы, дело обернулось в 1885 г. войной с Сербией, когда последняя была спасена только благодаря вмешательству великих держав.

В свою очередь в Белград на должность дипломата был назначен Д.Кирович, работавший одно время врачом в рядах русской армии, затем служивший при Милоше Обреновиче. Он был известен как автор брошюры "Восточный вопрос и славяне на Балканском полуострове", изданной в Петербурге в 1876 г. Принимал участие в освободительных войнах 1876 - 1878 гг.<sup>28</sup>

Несмотря на вассальную зависимость болгарского государства, сербский князь согласился принять Кировича как дипломатического агента, признав за ним все те права, которыми пользовались его коллеги из других стран. В начале сентября 1879 г. болгарский представитель прибыл в Белград.

Русская пресса благожелательно относилась к установлению международных контактов Болгарского княжества. Газета "Новое время" писала, что "первым представителям двух родственных государств предстоит не легкая, но высокая задача, расчистить почву, искоренив из нее все, что могло бы рождать раздоры и неприязнь и заложить твердый фундамент взаимно дружественных и братских отношений между двумя княжествами-соседями"<sup>29</sup>.

Параллельно с установлением дипломатических отношений с Сербией, Болгарское княжество обменялось и с Румынией дипло-

матическими агентами. Осенью 1879 г. в Софии стал работать А. Стурдза, в Бухаресте — Ев. Георгиев.

Начало болгаро-румынских контактов широко освещалось в румынской прессе. Весьма интересна в этом отношении пере- довица в газете Н. Росетти "Romaniul" где подчер- кивалась мысль о создании союза балканских стран для ней- трализации аннексионистской политики западных держав. При- мечательно, что она была перепечатана официозом сербского правительства газетой "Исток"<sup>30</sup>.

Как видно, укрепление международно-правового положения княжества шло неравномерно, но вследствие помощи русской дипломатии, особенно в области болгаро-турецких отношений, болгарское государство установило необходимые ей связи на должном уровне. Старая же идея о балканском союзе, в кото- ром была заинтересована и Россия, была пока неосуществима: по целому ряду причин. В частности, политическая борьба, вспыхнувшая в Болгарском княжестве по конституционному во- просу, надолго отодвинула в сторону эту давнюю проблему.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сборник договоров России с другими государствами 1859-1917 М., 1952. С. 182.
2. Овсянний Н. Р. Русское управление в Болгарии в 1877-1879 гг. Т. 2. Спб., 1906-1907. С. 56.
3. Паренсов П. Изъ прошлого. Спб., 1908. Ч. 4. С. 32-35, 128, 144, 242.
4. Там же. С. 82-83; Русский биографический словарь (под ред. Половцева А. А.), Спб., 1905. Т. 6. С. 10.
5. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. Т. 3. М., 1967. С. 222.
6. Новое время. 1879. 24 июля/5 августа. № 1221.
7. Иречек К. Княжество България. Ч. I. Пловдив, 1899. С. 315.
8. АВПР, ф. Главный архив У-А/2, д. 301, л. 141 и об., А. Ягросон — Н. К. Гирсу, 26 июня/8 июля 1879.
9. Там же, д. 913. Ч. 2, л. 423 и об., А. П. Давыдов — Н. К. Гирсу, 2/14 августа 1879.
10. Там же. Ч. 1, л. 362 об. — 364, А. П. Давыдов — Н. К. Гирсу, 12/24 июля 1879.
11. Там же, д. 915. Ч. 2, л. 135. К. Н. Дашин — Н. К. Гирсу, 17 апреля 1879.
12. См.: Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877-78-79 гг. Спб., 1906, вып. 5.

С. 283-285.

13. Левинтов Н.Г. Аграрные отношения в Болгарии накануне освобождения и аграрный переворот 1877-1879 годов. - Ч. кн.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1953. С. 204.

14. Овсяний Н.Р. Русское управление..., Т.2. С. 23.

15. Външната политика на България. Документи 1879-1886 г. София, 1978. Т.1. С. 209, 214; архив БАН, ф. 26, а.е. 76, л. 5, М. Балабанов - А. Баттенбергу, 17 февруари/1 март 1881.

16. Външната политика на България... С. 239; АВПР, ф. Политархив, д. 957, л. 36 об. Е.П.Новиков - МЦД, 24 февруари/8 март 1881.

17. Мречек К. Български дневник 1879-1884 гг. Шювдив - София, 1930. Т.2. С. 51.

18. АВПР, ф. Главния архив У-А/2, д. 920, л. 21-23 об., М.А.Хитрово - Н.К.Гирсу, 18/30 априля 1882.

19. Там же, л. 23 об. - 25, М.А.Хитрово - К.Степелову, 5/17 априля 1882.

20. Корреспонденция по министерството на външните работи и на изповеданията (от 4 февруарий 1881 г. до 27 октомварий 1882 г.), София, 1883. С. 30.

21. АВПР, ф. Главния архив У-А/2, д. 920, л. 76 и об. С.В.Арсенъев - Н.К.Гирсу, 25 юния 1882.

22. АВПР, ф. Политархив, д. 958, л. 274 и об., выписка из депеша А.И.Налидова в МЦД, 14 октябрия 1882.

23. ЦПА, ф. 321, оп. 1, а.е. 60, л. 186, И.Цанов - МЦД, 28 октябрия 1882.

24. Външната политика на България..., С. 397.

25. АВПР, ф. Главния архив, У-А/2, л. 913. Ч.2, л. 435-437 об. А.П.Давидов - Н.К.Гирсу, 16/28 августа 1879.

26. Новое время. 1879. 12/24 июля. № 1209; Български глас. 1882. 6 октябрия № 77.

27. АВПР, ф. Главния архив У-А/2, д. 275, л. 136 об. А.И.Персиани - Н.К.Гирсу, 6 октябрия 1879.

28. Там же, л. 913. Ч.2, л. 438 и об. А.П.Давидов - Н.К.Гирсу, 16/28 августа 1879; Новое время. 1879.

3/15 сентябрия № 1262; Известия на Българското историческо дружество. Кн. 22-24. София, 1948. С. 433-435.

29. Новое время. 1879. 3/15 сентябрия № 1262.

30. Исток. 1879. 28 сентябрия № 114.

## ПЕРВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И РУССКАЯ ПОЛИТИКА

Первоочередная задача, вставшая перед Александром I, заключалась в формировании правительства. Вопрос был далеко не простым, учитывая соперничество между консерваторами и либералами<sup>1</sup>. Сам князь выступал в пользу формирования кабинета министров из консерваторов. Либералы представлялись ему "вроде коммунистов, разрушителями во всяком случае"<sup>2</sup>. Но существовало и другое мнение. Его автором был бывший филиппопольский губернатор полковник А.А.Шепелев (1841-1887), оставленный в Болгарии "для окончания счетов и дел по оккупации княжества" и с расчетом, что он станет советником князя в делах управления<sup>3</sup>. По мнению Шепелева, составление правительства из одних консерваторов могло повлечь раздоры с либералами, обладавшими большей популярностью в стране. Исходя из этой ситуации он и предложил князю план по образованию так называемого "министерства слияния"<sup>4</sup>.

Однако эта идея по формированию смешанного кабинета министров, в который бы вошли лидеры либералов Д.Цанков<sup>5</sup> и П.Каравелов<sup>6</sup> вместе с представителями соперничающей партии Г.Начович<sup>7</sup> и Д.Греков<sup>8</sup>, не была реализована, вследствие отказа либералов. Причем Каравелов, вначале соглашавшийся войти в правительство, был вынужден изменить свое намерение под нажимом Цанкова<sup>9</sup>. Упорство Цанкова, пользовавшегося в стране громадным авторитетом, может быть объяснено двумя причинами. Первую надо искать в характере самого Цанкова, привыкшего к роли лидера, и, возможно, недовольного тем, что в будущем правительстве ему предлагался пост не премьер-министра, а только портфель министра внутренних дел. Вторая связана с первой. Это - нежелание работать со своими политическими соперниками, особенно в условиях, когда либералы представляли собой более сильную группировку в стране.

Неудавшаяся попытка составить смешанное правительство

привела к образованию консервативного кабинета министров из Т.Бурмова<sup>I1</sup>, Д.Грекова, Г.Начовича, М.Балабанова<sup>II</sup> и П.Д.Паренсова<sup>I2</sup>. Председателем совета министров и министром внутренних дел стал Бурмов. Некоторое время он управлял и министерством просвещения, которое впоследствии возглавил Атанасович<sup>I3</sup>.

Декрет о формировании правительства был обнародован 5(17) июля 1879 г. Создавалось парадоксальное положение: консервативное меньшинство выступило в качестве правящей партии, а либералы остались в оппозиции. Положение нового кабинета министров, забывшего соборности такую формальность как принесение присяги конституции<sup>I4</sup>, было осложнено тем, что большинство министров не имело авторитета в стране, их имена не были связаны с яркими эпизодами борьбы за освобождение. Интеллигенция либерального направления "им не прощала ни умеренности по общенародному вопросу, т.е. по вопросу воссоединения с Восточной Румелией, ни их противопоставления демократическим принципам Тырновской конституции"<sup>I5</sup>.

Деятельность кабинета Бурмова по вопросам внутреннего управления в определенной степени подтверждала подозрения либералов в том, что их политические соперники будут стремиться к укреплению консервативно-монархических начал.

Поводом для начала атак на консерваторов послужил мелкий формальный вопрос о титуловании Александра I, который согласно конституции имел лишь право на титул "Светлость". Однако князь, придавая исключительное значение своему положению как монарху, сумел настоять и убедить министров на титуловании его "Высочеством". Исключение составил лишь Паренсов, вставший на формальную точку зрения и видевший в сохранении конституции основу для ограничения самодержавных устремлений Александра I.

Здесь необходимо остановиться и кратко охарактеризовать первого военного министра, много сделавшего в деле организации болгарской регулярной армии. Петр Дмитриевич Паренсов (1843-1914) в 1867 г. закончил курс академии Генштаба. Во время кампании 1877-1878 гг. Паренсов был участником многих сражений. Кроме орденов св.Владимира с мечами 4 и 3 степени,

золотого оружия был награжден медалью "За оборону Шипки". Для характеристики общественно-политических воззрений достаточно сказать, что он был почитателем Аксаковых, Хомякова, Киреевского, Тютчева, чьей настольной книгой была "Россия и Европа Н. Я. Данилевского"<sup>16</sup>.

В своей кампании против консерваторов либералы стремились использовать каждый промах неопытного правительства, подвергая жестокой, часто неоправданной, критике ту или иную меру центральной власти. Конечно, министры пытались ограничить деятельность своих соперников, но это приводило лишь к расширению их влияния. Например, многочисленные увольнения либерально настроенного чиновничества еще более усилило оппозицию, получавшей в глазах населения "орел мученичества". Понижение курса серебряного рубля<sup>17</sup>, повышение пошлины на привозную соль, отмена выборного начала в общинном управлении - все это расшатывало положение кабинета Бурмова.

Ставя вопрос об обоснованности этих мер и их трактовке либералами, следует подчеркнуть, что обе партии имели все основания так поступать. Так, например, издание первых двух указов было вызвано чисто экономическими причинами. Снижение курса серебряного рубля до 3 фр. 70 сантимов объяснялось наплывом серебряной монеты из Румынии, где ее ценность ранее была понижена до этого уровня<sup>18</sup>. Повышение пошлины на соль для владельцев соляных складов с 8 % до 30 % с обязательством доплатить разницу между прежней и вновь утвержденной пошлиной было продиктовано скорее всего стремлением правительства пополнить государственную казну. Как указывал болгарский историк М. Петров, разницу торговцам возмещал болгарский народ<sup>19</sup>.

Либералы, ведя под флагом защиты конституции кампанию против этих мероприятий, убеждали население в их незаконности и ослабляли положение правительства. Оппозиция достигла успеха, хотя их кампания и нанесла значительный ущерб государственным финансам. Плательщики отказывались от взноса податей под предлогом, что кабинет Бурмова не имел права,

минуя Народное собрание, проводить девальвацию рубль, ведущую к повышению косвенных налогов, а также вводить новые пошлины. Отказ платить подати поставил правительство в затруднительное положение: к ноябрю 1879 г. было собрано около 6 млн. фр. из предполагаемых 23 млн. фр.<sup>20</sup>.

В то время как оппозиция завоевывала все большее влияние среди избирателей в будущее Народное собрание, кабинет Бурмова практически бездействовал. Пытаясь найти объяснение подобной пассивности, надо исходить из того, что консервативное правительство по своей сути оказалось затворником в Софии. Загруженность текущими и совершенно новыми для них делами была такова, что, как отмечал Давыдов, они не имели времени для поездок по стране для ознакомления с положением дел и контроля за чиновниками<sup>21</sup>. В этих условиях какая-либо агитационная деятельность членов кабинета министров была практически невозможна. Безусловно, в преддверии выборов в очередное Народное собрание, назначенное на осень 1879 г., они не могли не обсуждать вопросов, связанных с угрозой своего поражения. Имеющаяся информация позволяет говорить о том, что основную надежду для себя они видели в князе и его ненависти к либералам<sup>22</sup>.

Политика либералов с их жесткой линией по отношению к консерваторам и самому князю не могла не вызывать обмена мнениями и в среде русских представителей. Давыдов, в частности считал и признавал необходимым изменение конституции, причем немедленного, с целью избежать компрометации власти князя и, соответственно, устранения угрозы "полевания" страны<sup>23</sup>. Представители военного ведомства Паренсов и Шепелев придерживались несколько иной точки зрения. Как и Давыдов, они также замечали недостатки в управлении и полагали, что конституция не соответствует уровню развития болгарского общества. Но в своем анализе политической ситуации они не находили целесообразности в срочной ревизии основного закона, особенно при непопулярности кабинета Бурмова. Шепелев писал Милютину осенью 1879 г. о том, что "необходимо предоставить ход дел естественному течению и не

прибегать ни к каким чрезвычайным средствам"<sup>24</sup>. Рассматривая варианты формирования будущего кабинета министров, Шепелев указывал на необходимость составления либерального правительства в том случае, если попытки по составлению кабинета национального единства будут безрезультатны. Возвращаясь к вопросу об изменении конституции, он подчеркивал, что оно возможно только при согласии и поддержке Александра II. По его мнению, к голосу царя "следует прибегать с крайней осмотрительностью и лишь в важные, решительные минуты, а не делать его орудием известной партии"<sup>25</sup>. В этих словах содержалось многое: скрытое недоверие к консерваторам, не имевшим достаточного влияния среди народа, и ясно выраженный намек Милютину, чтобы император не сделал ошибки, поддержав консерваторов.

Это было излишним. Зная тяжелое состояние России, еще не оправившейся после кампании 1877-1878 гг., Милютин слыл противником любых внешнеполитических авантур. Будучи сторонником проведения конституционных реформ в России, Милютин выступал последовательным защитником Тырновской конституции. Поэтому к замыслам болгарского князя он относился крайне отрицательно.

Безусловно, разделяя взгляды Шепелева, Милютин повел расчетливую игру. Зная о донесениях Давыдова, равно как и то, что их содержание известно царю через Гирса, он, бесспорно, считал для себя самым главным не допустить одобрения Александром II планов князя. В остальном можно было и уступить. Именно этим можно объяснить его письмо к Шепелеву, в котором он предупреждал своего корреспондента, чтобы он действовал вместе с Давыдовым и "всегда в одинаковом смысле"<sup>26</sup>. Тайна этого "смысла" раскрывается в письме Гирса к одному из своих корреспондентов. Признавая, что он не может оправдывать действия Бурмова "не основанные на законности и возбуждающие общественное мнение против правительства", Гирс, тем не менее продолжал придерживаться мнения о необходимости преобладания консервативных начал в стране<sup>27</sup>.

Тем временем Шепелев продолжал в своих письмах к Милотину отстаивать свои взгляды. Он по-прежнему подчеркивал опасность принятия таких чрезвычайных мер, как роспуск приближавшегося Народного собрания с последующим изменением конституции, на чем настаивал Давыдов в своих донесениях к Гирсу<sup>28</sup>. Шепелев справедливо указывал, что причины для такого роспуска не существует, что нужно дать либералам доказать на деле свою способность к управлению. В противном случае, роспуск Народного собрания скорее всего приведет к тому, что и в новом своем составе, избранном через четыре месяца, оно будет либеральным<sup>29</sup>.

Последующие письма Шепелева из Софии становились все более тревожными. Сообщая в Петербург сведения о князе и намерениях кабинета Бурмова, он подчеркивал, что правительственный вариант состоит в том, чтобы, преувеличив какие-либо нарушения предвыборной кампании либералов, склонить Александра I к отсрочке на неопределенное время созыва Народного собрания. Тем более, продолжал Шепелев, что князь, убеждаемый министрами в том, что оппозиция состоит из радикалов и нигилистов, был "непрочь, в случае враждебного настроения палаты к кабинету, решиться на coup d'état"<sup>30</sup>.

Но молчание Александра II, отсутствие единого мнения у российских представителей по этому вопросу сдерживало намерения князя. Именно поэтому он был вынужден отказать своим министрам в их просьбе распустить Народное собрание<sup>31</sup>.

21 октября было созвано II Обыкновенное Народное собрание, где большинство депутатов принадлежало к либеральной партии. Его председателем был избран Каравелов. В члены постоянного бюро были также избраны либералы. В создавшейся обстановке кабинет Бурмова подал в Отставку. Но князь, надевшийся на улучшение соотношения в пользу консерваторов после прибытия опоздавших депутатов, не принял ее. Однако надеждам Александра I не суждено было сбыться. Из 170 депутатов только 30 были сторонниками правившей партии. Теперь оппозиция имела полное право на формирование будущего правительства.

В создавшейся ситуации князь должен был выбрать один из трех путей: пойти на роспуск Народного собрания и ревизовать конституцию; дать согласие на формирование либерального кабинета; решиться на формирование смешанного правительства. Первый путь отвечал его интересам, но, как уже отмечалось, он опасался предпринимать такой акт без санкции императора. Второй путь — гравить вместе с либералами, заявлявшими в предвыборном воззвании, что "самоуправление народа — единственный источник власти, Народное собрание — единственный представитель народа, а это народное представительство должно руководить народным правительством"<sup>32</sup> — был для Александра I совершенно неприемлем. Оставался третий путь — образование смешанного кабинета министров. Об этом варианте писал и Гирс к Давыдову, указывая, что к "распушению палаты следовало бы прибегнуть только в самом крайнем случае, после испытания всех возможных комбинаций для образования смешанного министерства"<sup>33</sup>.

Однако на пути реализации этого варианта после принятия князем отставки (13 ноября) кабинета Бурмова возник ряд трудностей, связанных с вопросом о титуле Александра I, с адресом Народного собрания, в котором князю в нетактичной форме предписывалось выразить признательность русскому императору при открытии Народного собрания<sup>34</sup>. В конце концов эти неприятные для князя моменты были сглажены. Осталась главная задача — формирование смешанного правительства.

Либералы были категорически против включения в состав будущего кабинета Грекова и Начовича, чьи кандидатуры были предложены Александром I. Позиция либералов объяснялась тем, что Греков принимал активное участие в создании комиссий, занимавшихся вводом турецких беженцев во владение их недвижимостью<sup>35</sup>. Начовичу ставилось в вину его деятельность в вопросах налогообложения населения<sup>36</sup>. Лидеры либеральной партии были согласны включить в правительство Стоилова<sup>37</sup>, а также И.Гешова, видного политического деятеля в Восточной Румелии. Однако это предложение было сорвано в

связи с отказом Стоилова, который дал себя угрворить Александру I не участвовать в этом правительстве<sup>38</sup>.

В дальнейшем переговоры все больше и больше заходили в тупик: Народное собрание отвергало княжеских кандидатов, князь был против кандидатур либералов. Прикрываясь фразой, что монарх должен стоять вне партий и над партиями, Александр I в то же время стремился привлечь в правительство уже известных ему людей по прошлому кабинету министров, чья программа требовала развития монархического принципа управления страной<sup>39</sup>. Чем же еще объясняется это упорство князя в выдвижении именно нежелательных либералам кандидатур бывших министров? Скорее всего стремлением сорвать переговоры, недопустить либералов к власти, распустить Народное собрание и при этом создать видимость соблюдения условия российского МЦД об испытании всевозможных комбинаций по образованию смешанного правительства.

В ходе этой политической игры дипломатические представители Германии, Австро-Венгрии и Франции поддерживали Александра I в его желании распустить Народное собрание и советовали ликвидировать конституцию<sup>40</sup>.

В этих условиях попытки Шепелева повлиять на князя и получить его согласие на образование либерального правительства успеха не имели<sup>41</sup>. Расчет Александра I, формально выполнившего требование официального Петербурга, оказался точным. Теперь он мог приступить к роспуску Народного собрания и образованию правительства с временными полномочиями до выборов и созыва депутатов по истечении четырехмесячного срока. В новый кабинет министров вошли: епископ Климентис<sup>42</sup> — глава правительства, Греков, Начович, Гешов и позднее Т.Икономов<sup>43</sup>.

Вем временем князь, выиграв время, планировал идти дальше, вплоть до полной победы, т.е. отмены конституции. Замоксел Александра I сводился к тому, чтобы из Петербурга, куда он выезжал в январе 1860 г. на празднование 25-летнего юбилея царствования Александра II, направить в княжество ультиматум с требованием "приостановки конституции на 7 лет

и передачи власти полностью в его руки<sup>44</sup>.

Таким образом князь как бы самоустранился. Основная тяжесть ложилась на Паренсова, который, оставаясь наместником Александра I, должен был объявить ультиматум и в случае неповиновения народа применить военную силу. Но военный министр, узнав от Давыдова о существовании плана и своей роли в нем, а самое главное, что он предпринимается без санкции императора, категорически отказался от подобной акции<sup>45</sup>.

Следует отметить, что это была уже вторая попытка использовать армию для государственного переворота. Первая была сделана министрами первого правительства Начовичем и Грековым. Незадолго до своей отставки они предложили Паренсову приостановить конституцию и передать власть князю в целях установления в стране "сильной власти". К их разочарованию Паренсов отказал им в содействии, подчеркнув, что хотя он и не республиканец, "но тем не менее не сторонник произвола, что сосредоточение власти в руках одного князя, молодого, неопытного, к тому же с явно выраженными немецкими тенденциями... будет губительно для молодого славянского государства"<sup>46</sup>.

Наставало время подводить итоги и делать выводы. Попытки министров-консерваторов и князя с их идеей верхушечного переворота при помощи русских штыков провалились. План Александра I был осужден и в Петербурге. Было принято решение отозвать Давыдова, который после неудачи с планом переворота не мог больше оставаться дипломатическим агентом в Софии<sup>47</sup>. В ожидании приезда князя в Петербурге по распоряжению Александра II был проведен ряд совещаний по конституционному вопросу. В них участвовали Гирс, Милютин, бывший глава гражданского управления А.М. Дондуков-Корсаков, а также Шепелев, прибывший в столицу для личных объяснений по этому вопросу с царем. Совещания проходили в острях спорах между защищавшим Давыдова Гирсом и остальными участниками.

Дондуков-Корсаков подчеркивал в одной из бесед, что "отнять у Болгарии дарованное ей под русским знаменем политическое устройство, значит играть на руку австрийцам и

другим врагам славянства"<sup>46</sup>. Вместе с ним и Милютин с Шенелевым стремились убедить Гирса в том, что для Александра I общей фразы "оставаться на легальной почве" явно недостаточно, тем более, что она "ничего не определяет в практическом исполнении". Они доказывали министру иностранных дел, что князя следует отклонить от "разных вредных и невыгодных стремлений и затей"<sup>49</sup>. В известной мере дебаты были плодотворными, судя по тому, что по приезде Александра I в Петербург Милютин теперь уже вместе с Гирсом старались убедить князя проявлять больше терпимости. Однако, как пессимистически замечал в своем дневнике Милютин, от Александра I "ничего хорошего ожидать нельзя"<sup>50</sup>. Поэтому для предупреждения самостоятельных действий князя была подготовлена новая инструкция преемнику Давыдова. В ней подчеркивалось, что Александр I без "испрошения особых указаний государя" не может изменять или отменять конституцию<sup>51</sup>. Озаконенный с этой инструкцией князь должен был признать свое поражение. В Петербурге пошли на уступку лишь в вопросе отзыва Паренсова, которому приписывалась поддержка "радикалов и нигилистов". Однако настоящей причиной, заставлявшей Александра I настаивать на замене военного министра, было то, что, как признавался впоследствии сам князь, он не мог в случае переворота рассчитывать на армию, во главе которой продолжал бы стоять Паренсов<sup>52</sup>.

На вакантную должность российским правительством был рекомендован генерал Г.К. Эррот, на чью кандидатуру Александр I дал свое согласие, но по-видимому князь был несколько разочарован, когда будущий министр отказался дать ему обещание в том, что он "будет безоговорочно подчиняться всем его требованиям, даже в случае насильственного переворота"<sup>53</sup>.

Князь покидал Петербург не в самом лучшем расположении духа. Хотя он и добился замены военного министра, но инструкция новому дипломатическому агенту А.М. Кумани не позволяла ему осуществить свою старую идею. К тому же сам преемник Давыдова, как позднее оказалось, стал проводить иную

линии от своего предшественника, поддерживая либералов.

Кто же он был? Алексей Михайлович Кумани пришел в дипломатию с флота. В 1853 г. кн. А. С. Меншиков, будучи в Константинополе для переговоров с султаном, обратил внимание на молодого офицера, блестяще владеющего восточными языками, и перевел его в МИД. За время своей службы Кумани побывал во многих странах. Назначая Кумани в Софию, руководство МИД учитывало, что близкое знакомство с болгарскими племенами во время его предыдущей службы в Константинополе — сначала драгоманом, затем первым секретарем посольства в 1865—1869 гг., советником посольства в 1871—1872 гг. — поможет ему на новом посту. Кумани, действительно, быстро прошел политическую акклиматизацию и сблизился с либералами. К идее князя о перевороте относился резко отрицательно, считая своим долгом препятствовать ему в этом насколько возможно<sup>54</sup>.

В этих условиях Александр I по приезде в марте в Софию был вынужден последовать советам, данным ему в России — "попробовать управлять с либералами"<sup>55</sup>, одержавшими уверенную победу на выборах в очередное Народное собрание. Приняв отставку министерства Климента, князь вступил в переговоры с победителями. В результате соглашения был сформирован кабинет министров, в состав которого вошли Цанков, Каравелов, Хр. Стоянов, Г. Тилев, И. Гюзелев<sup>56</sup>.

Обращает на себя внимание тот факт, что состав правительства был идентичен тому, который предлагал Каравелов в ноябре 1879 г.<sup>57</sup> Можно предположить, что в новых условиях Александр I решил вернуться к старому предложению либералов, чтобы не получить более радикального правительства. В свою очередь, либералы желали продемонстрировать князю свою лояльность.

Перед либеральной партией открывались широкие возможности доказать на практике свое право на управление страной. Мероприятия нового кабинета министров охватывали важнейшие стороны жизни Болгарского княжества. Достаточно упомянуть, что на сессиях Народного собрания за 1880 г. было обсужде-

по около 50 законопроектов, в том числе об устройстве администрации, суда, финансов. Выполняя свое предвыборное обещание, правительство ликвидировало комиссии по вводу турецких бекетов во владение их недвижимым имуществом. Их функции были переданы судам, которые должны были в своей работе руководствоваться "Журнальным постановлением" и променными судебными правилами при решении вопросов о принадлежности земель. Правительство Цанкова продолжало в аграрном вопросе курс Дондукова-Корсакова.

Один из наиболее интересных законопроектов либерального правительства относился к созданию на демократических принципах народного ополчения руководимого ЦК, в который входили бы два высших офицера, назначаемых князем, и шесть гражданских лиц, избираемых Народным собранием<sup>58</sup>. Формирование подобного ополчения было вызвано решением усилить военную мощь княжества с учетом подготовки соединения с Восточной Румелией. Но, как пишет И.Димитров, "либералы придали совсем другой смысл народной гвардии - от средства для осуществления планов князя, они ее обратили в стража политических прав народа"<sup>59</sup>.

Именно поэтому законопроект, внесенный на рассмотрение Народного собрания в мае 1880 г., был подвергнут критике со стороны консерваторов и дипломатических представителей великих держав, увидевших в организационной структуре этого ополчения революционную организацию<sup>60</sup>. Утверждение законопроекта зависело от князя, честолюбив которого льстила мысль встать во главе намечавшегося движения по воссоединению болгарских земель. Но в то же время его монархическим убеждениям претила зависимость ополчения не от него, а от Народного собрания. В этой ситуации Александр I предпринял безукоризненный маневр, обусловив свое согласие передачей руководства ополчением совету министров и военному министерству, возглавляемого русским генералом. Тем самым, использование народного ополчения зависело бы от позиций России.

Либералы, не желая обострения отношений со своим монар-

хом, а также возлагая надежды на помощь России в случае со-единения, пошли на уступку Александру I. Но князь продолжал испытывать к либералам нерасположение, искусно подогревае-мое Стоиловым, умевшим представлять те или иные поступки правительства перед князем в черном цвете. Это нерасположе-ние после истории с законопроектом об ополчении, считавше-гося одним из самых радикальных, превратилось у него, как пишет Рацев, в "ненависть, которая порождает у владельцев страх"<sup>61</sup>.

При всех нововведениях либерального кабинета министров Александр I по-прежнему не мог рассчитывать на поддержку Петербургом своего плана по изменению конституции. Это яс-но проявилось в благожелательном приеме Каравелова Алексан-дром II и Милутиным во время его посещения России, куда он выезжал осенью 1880 г. для обсуждения ряда вопросов, свя-занных с железнодорожным строительством, чеканкой болгарс-кой монеты<sup>62</sup>.

Внутри страны князь также не мог рассчитывать на по-мощь российского дипломатического агента, который в своем частном письме к Гирсу писал, что изменение конституции требует не только соблюдения законности, но и может быть совершено лишь по прошествии многих лет, когда либералы утратят свои доминирующие позиции в княжестве<sup>63</sup>.

Позиция официального Петербурга и его дипломатического агента, безусловно, не мешала укреплению либерального прав-ительства, начавшего активно применять в государственной жизни свои концепции.

Наряду с вопросами внутренней политики, правящие круги занимались и внешней политикой, где также высказывали себя радикалами. Ярким подтверждением этого является история го-ловоания болгарского делегата осенью 1880 г. в Дунайской международной комиссии по проекту правил и контроля судо-ходства в среднем бассейне реки<sup>64</sup>.

В сжатой форме история такова. Александр I обещал Ке-венцаллеру поддержать проект, гарантирующий господство Ав-стрии на этом участке Дуная. С своим решением князь извест-

... который уже дал согласие румынскому диплома-  
ту А. Балдиано на совместное выступление де-  
путации от румын и защиту прав прибрежных молодых госу-  
дарств. В этой крайне деликатной ситуации Цанков пренебрег  
инструкцией своего монарха австрийскому дипломату и не стал  
уважать уже данную инструкцию болгарскому представителю  
К. Цанкову. В конечном итоге проект, подготовленный делега-  
тами от Австро-Венгрии, Германии и Италии был провален. Но  
история с неожиданным голосованием К. Цанкова и скандальная  
роль в ней болгарского премьер-министра получили широкую  
огласку. По требованию Александра I он был вынужден оста-  
вить свой пост, а позднее совсем выйти из правительства,  
которое возглавил Каравелов (28 ноября 1880 г.). Новый  
премьер-министр повел решительный курс по сосредоточению  
власти в своих руках. Этому благоприятствовало и само гро-  
моздное большинство в Народном собрании (из 157 депутатов  
опозиция имела за собой не более 30)<sup>65</sup>. Перед закрытием  
осенней сессии депутаты предоставили лично Каравелову пра-  
во "законодательных полномочий". Теперь правительство могло  
принимать законы в промежутки между сессиями Народного  
собрания. Этот антиконституционный акт, как писал Радев,  
равно как и жесткая и непоследовательная политика властей  
в финансовом вопросе были использованы консерваторами в  
их критике правительства<sup>66</sup>. Безусловно и то, что либералы  
по-прежнему не вызвали "восторгов" у князя, с тревогой  
читавшего их печатный орган "Независимость". В частности,  
в ее статьях, принадлежавших перу радикальных элементов в  
либеральной партии, выдвигалась теория о том, что только  
Народному собранию может принадлежать законодательная  
власть, все остальные органы управления являются лишь про-  
стыми исполнителями. Поэтому в конституцию требовалось  
вносить некоторые изменения и дополнения. Так, князь не  
должен иметь права откладывать или роспускать Народное со-  
брание. Министры назначались не монархом, а избирались и  
утверждались бы Народным собранием. Указывалось на необхо-  
димость периодических пересмотров конституции Великим На-

родным собранием, которое должно было собираться для этой цели через каждые три - пять лет.<sup>67</sup>

Эта своеобразная критика "слева" Тырновской конституции еще больше убеждала князя в необходимости теперь уже экстремнейшего изменения основного закона страны. Безусловно, опасения Александра I были не напрасны. Подобная агитация, в случае ее успеха, была чревата самыми серьезными последствиями как для самого князя, так и для страны, чья государственность делала только первые шаги. Но для того чтобы осуществить давно лелеяемый замысел необходимо было согласие Петербурга, чья позиция по конституционному вопросу была Александру I известна. Только случай мог помочь князю, либо событие в корне менявшее политику царя и его окружения.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. В ходе работы Тырновского учредительного собрания выделились два традиционных политических течения - консервативное и либеральное, оформившихся позднее в партии. Первое поддерживало князя в его стремлениях ограничить основной закон и выступало за усиление монархического начала. Не обладавшее популярностью в народе, которому всегда больше импонирует "левая" фраза, нежели прагматичность возрений, консервативное течение ставило своей задачей найти опору в князе. Второе течение надеялось на сохранение основ Тырновской конституции, боролось за укрепление народного представительства в стране.

2. Радев С. Строители на съвременна България. София, 1973. Т. I. С. 184.

3. Овсянник Н. Р. Русское управление ... С. 97.

4. Там же. С. 137-138.

5. Драгев Цанков (1828-1911) - первоначальное образование получил в Габровском училище, затем обучался в Одесской семинарии, гимназии в Киеве и в тамошней духовной академии, Венском университете. Работал учителем в Галаце и Константинополе. В 50-60 гг. - один из лидеров униатского движения в Болгарии. Ряд лет работал в турецкой администрации. Награжден орденами империи. Много времени отдавал журналистике. После поражения Апрельского восстания вместе с М. Балабановым по поручению экзархата предпринимает поездку по европейским столицам с целью ознакомить общественность с болгарским вопросом. В период Временного русского управления - вице-губернатор в Свидове, Тырново, Русе.

6. Петко Каравелов (1843-1903) - основное образование получил в Московском университете. Вернулся в Болгарию вме-

тил Цанкова, который уже дал согласие румынскому дипломатическому агенту А.Белдимано на совместное выступление делегатов обеих стран в защиту прав прибрежных молодых государств. В этой крайне деликатной ситуации Цанков пренебрег обещанием своего монарха австрийскому дипломату и не стал изменять уже данную инструкцию болгарскому представителю К.Цанкову. В конечном итоге проект, подготовленный делегатами от Австро-Венгрии, Германии и Италии был провален. Но история с неожиданным голосованием К.Цанкова и скандальная роль в ней болгарского премьер-министра получили широкую огласку. По требованию Александра I он был вынужден оставить свой пост, а позднее совсем выйти из правительства, которое возглавил Каравелов (28 ноября 1880 г.). Новый премьер-министр повел решительный курс по сосредоточению власти в своих руках. Этому благоприятствовало и само громадное большинство в Народном собрании (из 157 депутатов оппозиция имела за собой не более 30)<sup>65</sup>. Перед закрытием осенней сессии депутаты предоставили лично Каравелову право "законодательных полномочий". Теперь правительство могло принимать законы в промежуток между сессиями Народного собрания. Этот антиконституционный акт, как писал Радев, равно как и жесткая и непоследовательная политика властей в финансовом вопросе были использованы консерваторами в их критике правительства<sup>66</sup>. Безусловно и то, что либералы по-прежнему не вызвали "восторгов" у князя, с тревогой читавшего их печатный орган "Независимость". В частности, в ее статьях, принадлежавших перу радикальных элементов в либеральной партии, выдвигалась теория о том, что только Народному собранию может принадлежать законодательная власть, все остальные органы управления являются лишь простыми исполнителями. Поэтому в конституцию требовалось внести некоторые изменения и дополнения. Так, князь не должен иметь права откладывать или роспускать Народное собрание. Министры назначались не монархом, а избирались и утверждались бы Народным собранием. Указывалось на необходимость периодических пересмотров конституции Великим На-

родным собранием, которое должно было собираться для этой цели через каждые три - пять лет.<sup>67</sup>

Эта своеобразная критика "слева" Тырновской конституции еще больше убеждала князя в необходимости теперь уже скорейшего изменения основного закона страны. Безусловно, опасения Александра I были не напрасны. Подобная агитация, в случае ее успеха, была чревата самыми серьезными последствиями как для самого князя, так и для страны, чья государственность делала только первые шаги. Но для того чтобы осуществить давно лелеяемый замысел необходимо было согласие Петербурга, чья позиция по конституционному вопросу была Александру I известна. Только случай мог помочь князю, либо событие в корне менявшее политику царя и его окружения.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. В ходе работы Тырновского учредительного собрания выделились два традиционных политических течения - консервативное и либеральное, оформившихся позднее в партии. Первое поддерживало князя в его стремлениях ограничить основной закон и выступало за усиление монархического начала. Не обладавшее популярностью в народе, которому всегда больше импонирует "левая" фраза, нежели прагматичность воззрений, консервативное течение ставило своей задачей найти опору в князе. Второе течение надеялось на сохранение основ Тырновской конституции, боролось за укрепление народного представительства в стране.

2. Радев С. Строителяте на съвременна България. София, 1973. Т.1. С.184.

3. Овсяний Н.Р. Русское управление ... С.97.

4. Там же. С.137-138.

5. Драган Цанков (1828-1911) - первоначальное образование получил в Габровском училище, затем обучался в Одесской семинарии, гимназии в Киеве и в тамошней духовной академии, Венском университете. Работал учителем в Галаце и Константинополе. В 50-60 гг. - один из лидеров униатского движения в Болгарии. Ряд лет работал в турецкой администрации. Награжден орденами империи. Много времени отдавал журналистике. После поражения Апрельского восстания вместе с М. Балабановым по поручению экзархата предпринимает поездку по европейским столицам с целью ознакомить общественность с болгарским вопросом. В период Временного русского управления - вице-губернатор в Свишове, Тырново, Русе.

6. Петко Каравелов (1843-1903) - основное образование получил в Московском университете. Вернулся в Болгарию вме-

сте с русскими войсками. Назначен русской администрацией вице-губернатором в Видин. Депутат Учредительного собрания.

7. Григор Начовит (1845-1920) - учился в греческом училище в Свищове, французском католическом колледже в Константинополе, затем в Париже и Вене. По окончании учебы занимается торговлей. Оказывает значительную материальную помощь повстанческому движению, равно как и болгарской молодежи, обучающейся за рубежом. Во время войны 1877-1878 гг. работает при штабе русских войск. Депутат Учредительного собрания.

8. Димитр Греков (1847-1901) - завершил образование во Франции, где получил степень "доктора права". До Освобождения работает по специальности. Принимал участие в деятельности БЧБО. В 1878 г. назначен руководителем Софийского областного суда. Депутат Учредительного собрания.

9. Радев С. Строители на... С.169.

10. Тодор Бурмов (1834-1906) - закончил Духовную академию в Киеве, учительствовал в Габрове, Константинополе, занимался журналистикой. С 1867 по 1878 гг. - переводчик и советник по болгарским делам в русском посольстве в Константинополе. Во время русского управления был вице-губернатором Пловдива. В мае 1879 г. назначен губернатором Софийи.

11. Марко Балабанов (1837-1921) - светское образование получил в Афинах, Гейдельберге, Париже, с 1870 г. работал в Константинополе как адвокат и журналист. В 1876-1877 гг. совершил вместе с Д.Цанковим поездку по Европе (см. Д.Цанков). Во время русского управления - вице-губернатор в Свищове и Русе.

12. По взаимной договоренности между императором и князем военное министерство возглавлялось российскими генералами. Военный министр назначался официально князем с разрешения царя. Деятельность министра была подчинена задаче создания и обучения болгарского войска. Держа вместе с русскими инструкторами под своим командованием болгарскую армию, военный министр выполнял двойную функцию - носителя княжеской власти и, одновременно звавший русских интересов, подчиняясь императору.

13. Георги Атанасович (1821-1892) - по образованию врач. После Парижа, где после учебы он защитил докторскую диссертацию, работает с 1849 г. в Бухаресте. Во время Крымской кампании - в рядах русской армии. После ее завершения занимался в Румынии преподавательской и административной деятельностью по специальности. Участник русско-турецкой войны.

14. Паренсов П. Изъ прошлаго... С.75.

15. Радев С. Строители на... С.177.

16. Паренсов П. Изъ прошлаго... С.304.

17. В то время болгарское княжество еще не имело собственной монеты. В обороте были российские серебряные рубли, турецкие лиры, французские франки. В 1880 г. был принят закон о чеканке болгарской монеты.

18. Паренсов П. Изъ прошлаго... С.140.
19. Петров М. Стоянов Ив. Политиката на първото българско правителство след Освобождението (юли - ноември 1879 г.) - Исторически преглед. 1980. Кн.2. С.26-27.
20. Паренсов П. Изъ прошлаго... С.176.
21. АВПР. Главний архив У-А/2, д.915, ч.П, л.43 об.
44. А.П.Давидов - Н.К.Гирсу, 18/30 январа 1880 г.
22. Паренсов П. Изъ прошлаго... С.177.
23. В своей записке к Гирсу, кроме конституционных вопросов, Давидов обращал внимание на кадровый вопрос, связанный с отсутствием специалистов в области права, финансов, железных дорог, эксплуатации лесов и добычи руды. Русский дипломат выступал за приглашение иностранных специалистов как из России, так и из Европы. По мере подготовки национальных кадров иностранные специалисты подлежали замене. В то же время Давидов подчеркивал, что все посты министров и другие значительные должности должны занимать только болгары. - АВПР, Главний архив У-А/2, д.915, ч.П, л.40 об.-48 об. А.П.Давидов - Н.К.Гирсу, 18/30 январа 1880 г. - В сущности план Давидова находился в логической связи с прежней деятельностью русского гражданского управления, срок действия которого был недостаточен для подготовки кадров.
24. Цит. по: Паренсов П. Изъ прошлаго... С.148.
25. Там же.
26. Там же. С.151.
27. АВПР, ф.Главний архив У-А/2, д.913, ч.Ш, л.886 об. Н.К.Гирс - Т.Н.Минкову.
28. Там же, л.821.
29. Цит. по: Паренсов П. Изъ прошлаго... С.178-180.
30. Там же. С.177.
31. Требование роспуска было выдвинуто перед открытием князем Народного собрания, когда консервативному кабинету министров стал ясен их неизбежный провал. Министры просили князя использовать в качестве причины предлагаемой ими меры - нарушения в избирательной кампании. - Стойлов К. Дневници. Политическата криза в 1879 г. - Български мисъл. 1925. Кн. I. С.13.
32. Цит. по: Радев С. Строителите... С.194.
33. АВПР, ф.Главний архив У-А/2, д.913, ч.Ш, л.863. Н.К.Гирс - А.П.Давидову.
34. Стойлов К. Дневници. ... С.16.
35. По прибытии князя в Софию турки подали ему большое количество петиций, в которых жаловались на процедуру введения их во владение своим недвижимым имуществом. Александр I поручил своим министрам изыскать средство для урегулирования этой аграрной проблемы. По решению консервативного правительства с этой целью для каждого района были образованы специальные комиссии. - АВПР, ф.Главний архив У-А/2, д.913, ч.П, л.380-381 об. А.П.Давидов - Н.К.Гирсу, 25 июля/6 августа 1879 г. - Их созданные было одобрено Турцией и европейскими странами, прежде всего Англией, которая особенно резко выступала против "Журнального постано-

вления".

36. Стойлов К. Дневници. ... С.144.
37. Константин Стойлов (1853-1901) - завершил образование в Гейдельберге, Лейпциге, Париже. Массон. Доктор права. В 1878 г. возвращается в Болгарию, где работает в юстиции. С 1879 г. - главный секретарь канцелярии князя, затем начальник его политического кабинета, созданного в 1880 г.
38. Стойлов К. Дневници. ... С.19-20.
39. Там же. С.18.
40. Там же. С.18, 148; АВПР, ф.Главный архив У-А/2, д.913, ч.111, л.833.
41. Паренсов П. Изъ прошлого ... С.221-222.
42. Климент (Васил Друмев) (ок.1840-1901) - окончил Одесскую семинарию, затем Киевскую духовную академию в 1869 г. Участник движения за освобождение Болгарии. Принимал участие в работе Учредительного собрания и Великого Народного собрания в 1879 г. Известен и как журналист, писатель, поэт.
43. Тодор Икономов (1838-1892) - завершил образование в Киевской духовной академии. После возвращения в Болгарию в 1865 г. работает учителем, занимается журналистикой и просветительством. Участник Учредительного собрания. Был вице-председателем Великого Народного собрания.
44. Паренсов П. Изъ прошлого ... С.260-261.
45. Там же.
46. Там же. С.191.
47. Милотин Д.А. Дневник 1878-1880. М., 1950. Т.3. С.191.
48. Там же. С.209.
49. Там же. С.213.
50. Там же. С.229.
51. Там же. С.230.
52. Паренсов П. Изъ прошлого ... С.266.
53. Милотин Д.А. Дневник ... С.230.
54. Паренсов П. Изъ прошлого ... С.264; Радев С. Строители ... С.200.
55. Милоков П.Н. Болгарская конституция. - Русское общество, 1904, № 9. С.29.
56. Христо Стоянов (1842 или 1845-1895) - закончил Московский университет в 1868 г. В Болгарии работал педагогом, занимался журналистикой. По освобождении страны был губернатором Софии. Участник Учредительного собрания; Георги Ташев (1847-1926) - завершил духовную академию в Вене. После освобождения Болгарии занимал ряд административных должностей. В 1879 г. был вице-председателем Народного собрания; Иван Гюзелев (1844-1916) - получил богословское образование в Одессе, в 1871 г. завершил физико-математический факультет Новороссийского университета. Автор и переводчик ряда учебников. Организатор учебного дела в Болгарии. Участник Учредительного собрания.
57. Стойлов К. Дневници ... С.144.

58. Радев С. Строители ... С.205.  
 59. Димитров И. Князът, конституцията и народът. София, 1972. С.30.  
 60. Там же.  
 61. Радев С. Строители ... С.203, 205.  
 62. Там же. С.229; Милютин Д.А. Дневник ... С.276-277.  
 63. АВПР, ф.Главный архив У-А/2, д.915, ч.II, л.566 об.  
 А.М.Кумани - Н.К.Гирсу.  
 64. Подробнее см.: Стателова Е. Дипломатията на Княжество България 1879-1886. София, 1979. С.19-39.  
 65. Милюков П.Н. Тырновская ... С.29-30.  
 66. Радев С. Строители ... С.246-249.  
 67. Милюков П.Н. Тырновская ... С.31.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1881 Г.  
 СОЮЗ АЛЕКСАНДРА I И ЭНРОТА

Гибель царя от взрыва бомбы, брошенной членом "Народной Воли" И.Григневичем 1 марта 1881 года, стала тем событием, которое сыграло свою роль как в истории России, так и Болгарского княжества. С похоронами Александра II были похоронены и надежды вступления Российской империи на конституционный путь развития. Реформы М.Т.Лорис-Меликова, заручившегося по странной игре случая в день убийства согласием императора на их введение с условием обсуждения в совете министров, подверглись ожесточенным нападкам со стороны К.П.Победоносцева, С.Г.Строганова, М.Н.Каткова. Милютин писал в своем дневнике о выступлении Победоносцева при обсуждении 8 марта предложений Лорис-Меликова: "Речь Победоносцева, произнесенная с риторическим пафосом, казалась отголоском гуманных теорий славянофильских; это было отрицание всего, что составляет основу европейской цивилизации. Многие из нас не могли скрыть нервного вздрагивания от некоторых фраз фанатика-реакционера".<sup>1</sup>

Охранители переходят в наступление, стараясь убедить нового царя повернуть государственный курс не "влево", а "вправо".<sup>2</sup>

Это было не трудно, учитывая обстоятельства воцарения Александра III. (Следует подчеркнуть, что его политика по болгарским делам свидетельствует об определенной сдержанности. Самообладание начало изменять ему, начиная с 1883 г., когда его пометы на донесениях из Софии и Константинополя пестрят не совсем дипломатическими выражениями по адресу болгарского монарха. Но эта ненависть к князю не помешала ему разрешить поставку оружия во время событий 1885-1886 гг. Безусловно и то, что та же ненависть к вышедшему из доверия Петербурга Александру I и его защитникам, все больше проявлявшим самостоятельность, толкнула царя на разрыв отношений.) Тот же курс "выправо" берет в княжестве и консервативный блок с Александром I. Болгарский монарх начинает зондаж европейских правительств. Оппозиция развертывает пропагандистскую кампанию против либералов. В газете "Български глас" консерваторы подчеркивали, что "язва, которая угрожает современной цивилизации, в Германии называется социализмом, в России - нигилизмом, а в Болгарии - либерализмом"<sup>3</sup>. Александр I едет в Петербург на похороны императора. Во время своего пребывания в российской столице он, вероятно, как утверждает в своей монографии Сказкин, вновь получил заверения в общей форме о возможности изменения конституции в отдаленном будущем на почве законности<sup>4</sup>. Об этом свидетельствует и подготовленная инструкция от 11 апреля новому дипломатическому агенту М.А.Хитрово. В ней излагалась известная позиция российского правительства по конституционной проблеме, что "болгарская конституция в ее теперешнем виде была... принята при всеобщем голосовании и признана Европой. Поэтому только с крайней осторожностью и законным путем можно было бы попытаться при случае, путем конституционной реформы улучшить государственный порядок, ... с другой стороны следует избегать серьезных столкновений и бесплодных волнений в стране... Эти вопросы, впрочем, однажды возникнув в Болгарии, не стоят сейчас на повестке дня, т.к. Болгария следует нашим

советам об умеренности"<sup>5</sup>. В период, когда еще не был окончательно решен вопрос о реформах для России, содержание инструкции, практически, и не могло быть иным.

После отъезда из России Александр I едет в Берлин и Вену. Цель визитов – как сообщал адъютант князя Корвин-Мишину иностранным делам Н. Стойчеву – "заручиться согласием и нравственной поддержкой этих двух кабинетов по поводу задуманного им переворота". На замечание Стойчева о том, что "главное условие успеха заключалось бы в согласии России на затеянный князем шаг", последовал ответ: "Россия так занята теперь своими собственными делами, что князь нашел неудобным отвлекать внимание государя болгарскими неурядицами". Адъютант добавлял, что в Вене "в один голос восхваляли мудрое решение князя и предсказывали ему полный успех, если он энергично поведет дело до конца"<sup>6</sup>. Однако донесения Шепелева, имевшего встречу со Стойчевым пришло в Петербург поздно.

Благоприятный прием Александр I встретил и в Берлине, где обсуждал будущую акцию с Отто фон Бисмарком и кайзером.<sup>7</sup> Поддержка Вены и Берлина может быть объяснена тем, что их правящие круги опасались превращения княжества в рассадник либерализма и в источник нежелательных процессов для других стран балканского региона. Но нельзя исключать и того, что поддерживая Александра I Запад стремился усложнить характер русско-болгарских отношений.

В середине апреля князь возвратился в Софию. Внутри страны еще в больших размерах развертывалась кампания, поднятая консервативной прессой против либерального правительства. На ее страницах находили место "все сплетни, интриги, мельчайшие, ничтожнейшие... Мельчайший инцидент был поднимал до важности политического события. Безобиднейшее слово в кафе толковалось как министерская декларация"<sup>8</sup>.

В этих условиях либералы, предупрежденные Кумани о возможности пересмотра конституции, заняли выжидательную позицию. Они полагали, что их авторитет среди народа достаточно велик, чтобы одержать победу при выборах в Вели-

кое Народное собрание, правомочное рассматривать вопросы по изменению основного закона, и не допустить его ревизии<sup>9</sup>.

Особняком стоит вопрос о политической линии временно управлявшего российским дипломатическим агентством К. Лишина, военного министра Эрнота и прибывшего в мае Хитрово.

Позиция Лишина хорошо известна в исторической литературе. Его донесения Гирсу ясно показывают, что их автор не был защитником либералов. Каравелова он обрисовывал как диктатора, чья деятельность вызвала недовольство у всех "разумных людей"<sup>10</sup>. Посылая донесения о приближении кризиса, он не желал в то же время брать на себя какую-либо ответственность за грядущие события, вмешиваться в них.

Эту функцию взял на себя Эрнот, прибывший в мае 1880 г. в княжество на пост военного министра<sup>11</sup>.

Казимир Густавович Эрнот (1833-1913) во время последней русско-турецкой войны командовал II пехотной дивизией, был тяжело ранен. Во время своей работы на посту военного министра он снискал, несмотря на свою суровость, уважение армии и Народного собрания. Будучи по своим убеждениям сторонником политики "твердой руки", Эрнот с нескрываемым неодобрением относился к любым проявлениям либерализма в правящих сферах княжества. Сами лидеры либералов - Цанков и Каравелов - не внушали ему ни малейшего доверия: в их политике он видел дискредитацию князя и страны, стремление к установлению над монархом контроля<sup>12</sup>. В распространении либерализма в княжестве Эрнот, несомненно, видел угрозу развала княжества, созданного Россией. Последние события - убийство Александра II, дошедшие до него слухи об устраиваемых по этому случаю банкетах в Болгарии, как например Каравеловым, одобрявшим этот теракт - привели Эрнота к заключению о необходимости принятия жестких контрмер. 18 апреля он пишет своему близкому знакомому М.А. Домонтовичу: "Я советую князю, не отлагая в долгий ящик поставить вопрос ребром, т.е. созвать Великое Собрание и если не получит необходимых полномочий в течение 7 или 5 лет для пригос

товления здешней почвы для конституционных учреждений — немедленно абдикировать... Дело русского агента дать понять болгарам, что у них собственно выбора между автономным режимом под властью князя Александра или чем-то другим, которое по всей вероятности будет мало сообразно с желаниями болгарского собрания"<sup>13</sup>.

Свои советы он облек в форму меморандума, представленного Александру I 22 апреля: В нем Эррот прямо указывает, что "Попытка правления... в духе нынешней конституции очевидно показывает, насколько мало этот основополагающий закон приспособлен к реальным условиям, существующим в стране", что консерваторы и либералы "продемонстрировали равное отсутствие способностей, а лидеры либеральной партии, сверх того, — неслыханную злонамеренность по отношению к вашему высочеству"<sup>14</sup>. Далее, генерал ставил вопрос о создании Государственного совета из иностранцев славянского происхождения: "Несколько просвещенных, заботливо подобранных должностных лиц хватило бы для формирования Государственной совета, обладающего правом решать спорные вопросы и конфликты между существующими "властями". Эти же должностные лица могли бы... работать над усовершенствованием правосудия и администрации страны". Указывая на невозможность проведения реформ при помощи Народного собрания, по своему составу либеральному, и подчеркивая настоятельную необходимость добиваться законным путем частичного и временного приостановления действия конституции — Эррот приходил к выводу о скорейшем созыве Великого Народного собрания как высшего органа выражения воли нации. Свой меморандум он завершал изложением проекта статей, на чье принятие должно было быть испрошено одобрение Великого Народного собрания. Согласно параграфу первому, князь "облекается чрезвычайными полномочиями на учреждение Государственного совета, имеющего право получать сведения и выносить решение по любому спорному вопросу или конфликту между законодательными, судебными и исполнительными органами власти". Князю "предоставляется право вводить улучшения в

правосудие и в различные ветви администрации. Соответствующие декреты... будут иметь силу закона и в течение семи лет их исполнению не смогут препятствовать положения конституции и существующих законов". Следующий параграф гласил, что "осуществляется с этой целью ежегодный кредит в размере 700 тыс. франков, передаваемых в распоряжение вассального высочества, начиная с текущего года". По параграфу третьему "Очередная сессия палаты в этом году откладывается. Бюджет, вытиснутый на 1881 г., будет иметь силу и на 1882 г." Последний, четвертый параграф, был добавлен по желанию Александра, которому "предоставляется полномочие до истечения 7-летнего срока созвать Великое Народное собрание для дальнейшего пересмотра нынешней конституции в духе, более отвечающем нуждам страны, в соответствии с приобретенным опытом"<sup>15</sup>.

Характер плана соответствовал стремлениям князя к расширению своих прерогатив и указывал на участие Александра I в его составлении. (Центральный пункт об отмене основного закона на семилетний период выдвигался Александром I еще в 1879 г. Тогда его желание не было осуществлено из-за отказа Паренсова без разрешения царя участвовать в реализации антиконституционной акции<sup>16</sup>).

24 апреля Лишин послал в МИД короткую телеграмму о том, что Александр I принял изложенный Эрнротом план действий, "не уклоняющийся от законности обращения князя к народу"<sup>17</sup>. Подобное сообщение с акцентом на "законность" действий князя не вселяло особых тревог в правящие сферы России. В МИДе, по-видимому, были уверены, что болгарский монарх ничего не предпримет до прибытия Хитрово.

Но Александр I планировал иначе. Он рассчитывал, что российскому правительству будет трудно не считаться с уже совершившимся переворотом. При этом князя мало смущало то обстоятельство, что Эрнрот дал заверения Кумани о том, что он не сделает ни одного шага для реализации антиконституционного плана до приезда в Софию нового дипломатического агента с его инструкцией<sup>18</sup>.

27 апреля/9 мая Александр I опубликовывает свое обращение к народу, где объявляет о скором созыве Великого Народного собрания. Там же заявлялось, что только в случае узаконения неких условий, необходимых для управления страной, он может остаться на престоле<sup>19</sup>.

Одновременно объявлялось решение князя о роспуске Второго обыкновенного Народного собрания и правительства либералов. По распоряжению князя Эррот формирует временное правительство, в котором занял важнейшие посты - главы кабинета, военного министра и министра внутренних дел. Остальные министерские портфели были распределены между лицами, не замешанными в борьбе партий. Создавался якобы надпартийный кабинет, основная задача которого сводилась к подготовке страны к Великому Народному собранию в обстановке "полной свободы и беспристрастия на выборах"<sup>20</sup>.

Однако этой "свободой" могли воспользоваться в полной мере лишь консерваторы, надеявшиеся в будущем захватить власть. Можно добавить, что помощником Эррота по министерству внутренних дел становится Греков. Руководство консерваторов развертывает широкую и активную предвыборную кампанию.

Внутренняя ситуация складывалась не в пользу либералов. Крестьянство было недовольно жесткой налоговой политикой. Сама власть и влияние местного либерального чиновничества были ослаблены, вследствие назначения в округа чрезвычайных комиссаров из числа русских штаб-офицеров болгарской службы. По официальной версии они были назначены "с целью ближайшего наблюдения цел и для принятия заявлений и жалоб"<sup>21</sup>. В действительности, комиссары осуществляли контроль в своих округах над армией, полицией, администрацией. В их задачу входило недопущение либералами волнений. Но не комиссары или крестьянство представляли главную опасность для Каравелова, Цанкова и их сторонников. Она заключалась в том, что либералы, в отличие от консерваторов, не могли официально воспользоваться именем России для укрепления своих позиций. В Петербурге неадаптированно поддерживали

Александра I.

В связи с этим следует подробнее остановиться на этом вопросе. Болгарский историк Цв. Тодорова защищает тезис, что российское правительство знало о готовящемся перевороте и Эрнрот действовал с его санкции<sup>22</sup>. Но концепция Скаскина убеждает в другом. Следует лишь напомнить, что в инструкции МИДа от 11 марта 1880 г. Кумани предписывалось поддержать князя в случае его выступления с ревизией основного закона. Однако в той же и последующих инструкциях подчеркивалась необходимость использования всех законных методов, прежде чем решиться на пересмотр принципов государственного управления. Из инструкции же Хитрово известно, что Петербург не был осведомлен о ближайших планах Александра I. Позднее, как князь, так и военный министр объявили через печать о самостоятельности своих действий<sup>23</sup>.

Информация о появлении обращения к народу Александра I, проявившего основательную предприимчивость и быстроту вступе со своим советчиком Эрнротом, вызвало разноречивые суждения в дипломатических сферах России.

Хитрово стоял на позиции "поддерживать авторитет князя, препятствуя во чтобы то ни стало тому, чтобы дело, которое нам стоило так много жертв могло быть скомпрометировано"<sup>24</sup>. Под "компрометацией" Хитрово, безусловно, подразумевал если не отречение, которым Александр I угрожал, то потерю княжеского авторитета, ослабление принципа законности. Следствием этого могло быть установление в стране верхушечного либерального парламентаризма, что, в свою очередь, вело к опасным последствиям как для княжества, так и для Российской империи.

В отличие от Хитрово, старый знакомый князя Шепелев в приемах к Милютину из Вены придерживался иных взглядов. Шепелев в резко отрицательных тонах отзывался о совместной акции Александра I и Эрнрота. Не веря в искренность прорусской ориентации князя, он обращал внимание Милютина на то, что "какими бы громкими фразами о долге и благе страны ни прикидывался князь в... прокламации, болгар не

разуверить в том, что цель задуманного переворота заключается в предоставлении князю бесконтрольного распоряжения средствами Болгарии, и что средства эти пойдут на служение не болгарским и не русским интересам на Балканском полуострове. Эти опасения... далеко не безосновательны, и смущают находящихся здесь болгар, начиная со Стойчева, спрашивающих, неужели Россия одобряет подобный образ действий князя, направленный в сущности против ее же законного влияния... Диктатура же, с помощью русских офицеров, насильственно навязывающих стране князя, нарушившего торжественную клятву в верности конституции, была бы, по моему мнению, не менее пагубна для нашего влияния". Далее Шепелев приходил к фаталистическому выводу: "исход один и тот же: конец русскому влиянию между балканскими славянами и возбуждение в них, нами же самими, ненависти и недоверия к русскому правительству"<sup>25</sup>.

Болгарский конституционный вопрос в донесениях Хитрово и Шепелева был, в сущности, сравним со спорами в правящих сферах России о выборе пути. Как известно, спор был решен не в пользу конституционного развития империи. 29 апреля публикуется написанный Победоносцевым манифест об укреплении самодержавия, в котором подчеркивалась решимость "стать бодро на дело правления, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких поползновений". Сторонники реформ, возлагавшие надежды на Лорис-Меликова, Милютина и некоторых других, потерпели крах.

Тем самым была, в сущности, predetermined позиция императорского правительства в болгарском вопросе. Милютин пытался предупредить нового царя об опасности такого курса. В ней он сообщал ему, что полностью разделяет известные императору взгляды Шепелева, "с которыми согласны все близко знакомые с делами Болгарии и дорожащие влиянием России на Балканском полуострове"<sup>26</sup>. Но царь остался глух к предостережению Милютина, написав на полях записки, что "Шепелев слишком в мрачном свете описывает положение дел в Бол-

гари"<sup>27</sup>.

Со своей стороны Гирс в записке к царю подчеркивал, что "положение наше весьма деликатное, так как с одной стороны нельзя не сознаться, что дело тут идет о настоящем *сoup d'état*, а с другой стороны нам, мне кажется, нельзя не поддержать князя, уже потому, что удаление его неминуемо повлечет полную анархию в Болгарии и вызовет бесконечные дипломатические затруднения"<sup>28</sup>.

Фактическое совпадение взглядов Александра III и Гирса не случайно, если учитывать то немаловажное обстоятельство, что действительным, настоящим министром иностранных дел был сам император, а Гирс — лишь "послушным исполнителем его державной воли". Эту фразу Карцова о Николае Карловиче нужно продлить его следующими словами: "Н.К. Гирс был политик проникательный, чрезвычайно гибкий, но гением он себя не воображал и им не был. Им его был чисто аналитический. Широкие планы были чужды его природе и он ими не задавался... Политика Гирса соответствовала обстоятельствам времени, была последовательна и достигла своей цели: России она обеспечила продолжительный период мира... Девизом ее было: каждому дню своя забота. Какие бы исторические задачи у России ни были, Николай Карлович со спокойной совестью клал их под сукно до наступления времени более благоприятного"<sup>29</sup>. Карцову вторит Паренсов, подчеркивавший, что целью деятельности Гирса было "избегать всего того, что могло бы нарушить спокойствие"<sup>30</sup>.

Ход русско-болгарских отношений подтверждает политическую характеристику Гирса, полученную согласно царя, чтобы Хитрово "поддерживая князя, не принимал бы, конечно, он на себя ответственности и вообще действовал бы с осторожностью"<sup>31</sup>. Одновременно, как писал Милотин в своем дневнике, правительство решило дать наставления Александру I и Эрпроту "в смысле укрепления их склонности к насильственным мерам"<sup>32</sup>.

Фактическое благословение переворота подняло в громадной степени пафос княжеско-консервативного блока на победу.

Однако напряжение политической обстановки в стране не спадало, а наоборот, увеличивалось. В первую очередь это было связано с публикацией Эрнротом княжеских условий, на которых он соглашался остаться на престоле. Обнародование этого исключительного по своей важности документа (11 мая) было предпринято вопреки желанию Хитрово и консерваторов. Хитрово прямо писал об Эрнроте Гирсу, что ему "очень трудно следовать за ним в его настойчивом желании огласить... подробности предложения, которое князь намерен сделать Собранию". Подчеркивая опасность подобного шага, он продолжал: "Сегодня либеральная пресса враждебна князю. Зачем ей нужно предоставлять материалы, ставя ее... в курс проектируемых реформ. В общем, чем меньше времени на болтовню, тем лучше. Таково мнение всех хорошо осведомленных лиц, знающих страну..., с которым я имел случай совещаться по этому вопросу. Генерал Эрнрот утверждает, что эта публикация необходима, чтобы страна не могла обвинить правительство, что ей не было дано времени для размышления"<sup>33</sup>. Жалоба Хитрово не возымела действия. В Петербурге понимали, что задержка публикации условий князя поставит под удар самого Эрнрота как главу правительства.

Опубликованные условия князя были почти идентичны статьям, которые были выдвинуты в меморандуме Эрнрота. Отсутствовала лишь статья о выделении кредита в 700 тыс. франков для проведения реорганизации управления. Вероятно, Александр I не решился поставить ее, чтобы не дать либералам возможности обвинить себя в чрезмерных тратах на государственнейший аппарат.

Содержание условий вызвало, как и опасался Хитрово, резко отрицательную реакцию в либеральной прессе.

Для нейтрализации либералов и разъяснения своей программы населению князь активно включается в пропагандную кампанию. Без особых усилий ему удается подловить к своим посланиям по стране Хитрово с целью укреплением доверия к себе в народе. Для самого российского династиче- участие в объезде страны было определенным нарушением инструкции Гир-

са об осторожности. Оправдывая перед Гирсом свою весеннюю поездку с Александром I необходимостью оказания ему нравственной поддержки, Хитрово как бы вскользь упоминал о тревоге германского дипломата Тилау, вызванной положением дел в стране. По словам Хитрово, "Тилау более всех советовал князю прибегнуть к принятым им решительным мерам. Теперь он несколько испуган положением дел... опасается за результаты предпринятого переворота и сознает долю ответственности на него падающую"<sup>34</sup>. Если не принимать во внимание глубокую попытку Хитрово свалить на Тилау вину за переворот, то русский дипломат действительно был встревожен.

Поездка князя по стране показала, что в городской среде наблюдалась усиленная деятельность приверженцев Каравелова и Цанкова. Либералы стремились убедить народ в том, что в Петербурге порицают образ действий Александра I, что оно мешало ему завладеть крупной суммой денег, оставленной русскими после своего ухода в 1879 году из Болгарии<sup>35</sup>.

Попобная тактика либералов побудила Хитрово составить и разослать циркуляр российским консулам в княжестве, где опровергались эти утверждения либералов и подчеркивалось желание императорского правительства поддержать князя<sup>36</sup>.

Если акция Хитрово укладывалась в рамки его дипломатической деятельности, то тактика Эрнота с его чрезвычайными мерами была построена на запугивании приверженцев оппозиции. Обоснование их неотложности содержалось в докладе совета министров от 23 мая. В нем говорилось о нарушениях некоторыми служащими своих служебных обязанностей, о принятии ими участия в возбуждении населения против князя посредством лжи, и вследствие этого нельзя допустить того, чтобы органы полицейской и административной служб стали бы подстрекать народ к неуважению правительства и неповиновению власти. Совет министров предлагал учреждение специальных военных судов, которым будут предаваться те чиновники, "которые бы себе позволили действия, имеющие характер возбуждения к мятежу и неподчинения законно установленной власти"<sup>37</sup>. 24 мая указ о создании таких судов был подписан

князем. Согласно указу, они могли выносить два типа приговора — месячное тюремное заключение и смертную казнь, утвержденную только Эрнротом.

Хитрово был глубоко возмущен появлением такого распоряжения. Несмотря на заявление Эрнрота Хитрово о том, что высшая мера им никогда не будет применена (он сдержал свое слово. С момента провозглашения указа до созыва Великого Народного собрания и отъезда Эрнрота не было зафиксировано ни одного случая применения смертной казни за политические преступления. — В.К.) российский дипломатический агент подчеркивал в своем донесении Гирсу свою уверенность в ошибочности указа, принятого под нажимом Эрнрота. Хитрово писал, что Эрнрот совсем не думает о впечатлении в Европе и либеральной прессе в княжестве, для которой этот указ представлял прекрасную тему для кампании против Александра I и его премьер-министра. По мнению Хитрово, спасение ситуации заключается в вере болгарского народа в императора и его правительство<sup>38</sup>.

Опасения Хитрово были лишь отчасти верными. Европейские правительственные круги в преддверии заключения союза трех императоров (6/18 июня 1881 г.) не желали вмешиваться в болгарские дела. Обращения либералов к Гладстону, Манчипи, Гамбетте остались тщетными. В то же время русский дипломат был прав относительно газетной кампании, поднятой либералами. В "Независимости" высказывалась, например, такая надежда, что Великое Народное собрание вместо голосования за княжеские полномочия последует примеру Конвента, осудившего на смерть Людовика XVI, и мексиканских революционеров, расстрелявших императора Максимилиана<sup>39</sup>.

Одним из наиболее ярких политических воззваний было открытое письмо Цанкова к Хитрово. В этом документе от 25 мая в резко отрицательных тонах характеризовались условия, выдвинутые Александром I, деятельность временного правительства, поведение российских представителей в стране. Анализируя его следует обратить внимание на обвинение князя в незаконности выдвинутых им условий, как например, со-

зав Великого Народного собрания без санкции Обыкновенного Народного собрания. Действительно, по конституции (ст. 167-169) князь мог созвать Великое Народное собрание для изменения или пересмотра конституции только после получения одобрения на этот акт со стороны двух третей состава Обыкновенного Народного собрания. Однако Александр I поставил вопрос о фактической отмене основного закона, требуя для себя чрезвычайных полномочий. Либеральное же по своему большинству II Обыкновенное Народное собрание им было пренебрежительно распущено. Только Великое Народное собрание избравшее его болгарским князем в 1879 году, могло разрешить его судьбу как монарха и, следовательно, путь страны. Учитывая неординарность ситуации, некоторую неясность формулировок самих статей конституции, трудно говорить о законности процедурной стороны дела. С уверенностью можно сказать лишь одно, что это был переворот, спиравшийся на имя императора и русское военное присутствие в стране.

Касаюсь выступления Цанкова против российских представителей, — оно может расцениваться только как акт отчаяния потому что оно давало консерваторам отличный предлог чернить своих политических противников, показывая их врагами России — освободительницы болгарского народа.

Либералы, объявив Хитрово и Эрпрота подкупленными "князем и немцами"<sup>40</sup>, сохранили все же определенные иллюзии к Александру III, которому они посылали телеграммы с просьбой о помощи. Однако их надеждам был нанесен сокрушительный удар. 30 яни в официальном правительственном органе газет "Държавен вестник" была помещена перепечатка из петербургского "Правительственного вестника" сообщения императорского правительства о том, что оно "считает своей долгою обязанностью объявить, что избранный и утвержденный Европой князь является залогом действительного благосостояния Болгарии. желает, чтобы болгарский народ сохранил свою нормальную связь с князем и не поддавался на соблазны честолюбивых агитаторов, которые хотят разрушить это согласие"<sup>41</sup>. Это заявление не нуждается в обширных комментариях. Либерализм

должен был быть подавлен.

Потерпев неудачу на внешнеполитической арене, либералы, особенно их умеренное крыло во главе с Д.Цанковым попытались договориться с консерваторами с целью достичь компромиссного соглашения на базе создания умеренного конституционного режима. Но начавшиеся контакты и консультации не были успешными, главным образом по причине неуступчивости консерваторов и разногласий внутри самой либеральной партии<sup>42</sup>.

В этих условиях либералам почти не оставалось никакой надежды на передел в настроении населения. Без поддержки российского правительства их провал был гарантирован. Награждение Александра I одним из высших орденов Российской империи — орденом Александра Невского — должно было еще раз показать болгарскому обществу, что царь одобряет действия князя. Для самого же болгарского народа выборы, как писал Радев, означали не просто политическую борьбу партий. Вопрос ставился по иному: голосовать за князя или за Цанкова<sup>43</sup>. В этой ситуации княжеско-императорский танцем был обречен на успех.

Как отмечал Димитров, либералы не сумели организовать борьбу народа, чтобы опираясь на него, сохранять в то же время и законность<sup>44</sup>. Отсутствие руководства со стороны центра, терявшего надежду выиграть выборы, сказалось на действиях сторонников либералов на местах. Во время проведения выборов во многих населенных пунктах произошли столкновения, нередко вооруженные, между либералами и защитниками княжеско-консервативного блока. В Плевенском округе и Раховской околии, где они приняли чрезвычайно острый характер, было объявлено военное положение. Выборы там не проводились.

В целом избирательная кампания закончилась ожидаемой победой князя. I сессия в Свилове Великое Народное собрание под аплодисменты утвердило полномочия Александра I. Страна вступала в новый этап своего государственного развития, известного под названием "режима полномочий".

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Милотин Д.А. Дневник ... Т.4. С.35.
2. Идеология и истоки охранительства блестяще показан одним из его защитников К.Н.Леонтьевым. В условиях все большего распространения жадных идей прогресса с его ограниченностью в духовной сфере Леонтьев видел спасение России только в следовании принципам византизма, несовместимым с конституционными началами. Лишь этот путь мог не только спасти Россию от унификации, но и дать ей возможность выжить при определенных условиях спасительницей славянства, все больше переходившего к конституционализму. Как восклицает Леонтьев: "Не для того же русские орлы перелетали за Дунай и Балканы, чтобы сербы и болгары высживали бы после на свободе куриные яйца мешанского европейства а la Вирхов, а la Кобден или Жюль Фавр" - Собр. соч. М., 1912. Т.5. С.388.
3. Цит. по: Димитров И. Князят, ... С.50.
4. Святкин С.Д. - Конав ... С.238, 241-242.
5. АВВР, ф.Политархив, д.7, л.63-82 об.
6. АВВР, ф.Главный архив У-А/2, д.918, л.450-451.
7. А.А.Шепелев - Д.А.Милотичу, 28 апреля/10 мая 1881 г.
8. Тодорова Ца. Отново за "преврата" през 1881 г. и рожима на пълномощията. - Известия на Българското историческо дружество. София, 1983. Кн. XXXV. С.94.
9. Радев С. Строителище ... С.261.
10. Димитров И. Князят, ... С.54-55.
11. АВВР, ф.Главный архив У-А/2, д.917, ч.1, л.103.
12. К.Н.Литин - Н.К.Гирсу, 25 февраля/9 марта 1881 г.
- II. Согласно статьям № 65 и 66 конституции иностранные подданные могли быть приняты на службу лишь с разрешения Народного собрания. Но в секретных протоколах Тырновского учредительного собрания указывалось, что эти статьи не относятся к русским. - Паренсов П. Изъ прошлаго ... С.127.
13. ЦГБМА, ф.242, оп.1, л.6. К.Г.Эрнрот - М.А.Домонтовичу, 11 декабря 1880 г.; там же, л.10. 17 января 1881 г.
14. Там же, л.14. К.Г.Эрнрот - М.А.Домонтовичу, 18 января 1881 г.
15. Эрнрот емал в виду случай с голосованием в Дунайской международной комиссии, а также с законом о народном ополчении.
16. АВВР, ф.Главный архив У-А/2, л.917, ч.1, л.179-182.
17. Копия меморандума, врученная Александру I Эрнротом 22 апреля/4 мая 1881 г.
18. Паренсов П. Изъ прошлаго ... С.260-261.
19. АВВР, ф.Главный архив У-А/2, л.918, л.174, К.Н.Литин - ММД, 24 апреля/С мая 1881 г.
20. Там же, л.448. А.А.Шепелев - Д.А.Милотичу, 28 апреля/10 мая 1881 г.
21. Радев С. Строителище ... С.269-270.
22. Там же. С.270.

21. АВВР, ф. Главный архив У-А/2, д.917. Ч.1, л.198, копия с циркулярного предписания российского императорского дипломатического агента в Болгарии российским консулам в Русуке, Видине и вице-консулу в Варне от мая 1881 г.

22. Тодорова Цв. Отново за "преврата" ... С.93-94.

23. Алманах на българската конституция. Пловдив, 1911, С.456. - Заявление князя корреспонденту "Дейли нюз"; Русская старина, ноябрь, 1886. С.477 - Письмо К.Г.Эрнота в журнал.

24. АВВР, ф.Главный архив У-А/2, д.917. Ч.1, л.189 об. - 193. М.А.Хитрово - Н.К.Гирсу, 7/19 мая 1881 г.

25. Там же, л. 448-451, А.А.Шепелев - Д.А.Милотину, 28 апреля/10 мая 1881 г.

26. Там же, л. 453 об., Д.А.Милотин - Александру III, 3 мая 1881 г.

27. Там же.

28. АВВР, ф.Полиархив, д.5, л.12 и об., Н.К.Гирс - Александру III, мая 1881 г.

29. Карцов К.С. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879 - 1886. СПб., 1906. С.357, 359.

30. Паренсов П. Изъ прошлого ... С.283.

31. АВВР, ф.Главный архив У-А/2, д.918, л.369, Н.К.Гирс - Александру III, 6 мая 1881 г.

32. Милотин Д.А. Дневник ... Т.4. С.76.

33. АВВР, ф. Главный архив У-А/2, д. 917, Ч.1, л. 194 и об., М.А.Хитрово - Н.К.Гирсу, 7/19 мая 1881 г.

34. Там же, л. 216, М.А.Хитрово - Н.К.Гирсу, 19/31 мая 1881 г.

35. Как писал Хитрово, речь шла о том, что русские "уходя, оставили здесь какие-то 20 млн. рублей - которыми будто бы князь хотел завладеть, в чем встретил сопротивление Каравелова". - АВВР, ф.Главный архив У-А/2, д.917. Ч.1, л. 198, копия с циркулярного предписания российского императорского дипломатического агента в Болгарии российским консулам в Русуке, Видине и вице-консулу в Варне от мая 1881 г.

Говоря об оставленных миллионах, надо сказать, что по свидетельству Н.Р.Овсяного "Болгария получила от русского оккупационного управления 15,5 млн. франков сбережений". - Овсяный Н.Р. Русское управление ... Т.2. С.97.

36. Там же.

37. Цит. по: Головин А.Ф. Князь Александр I - болгарский (1879-1886), Варна, 1897. С.193-194.

38. АВВР, ф.Главный архив У-А/2, д.917. Ч.1, л.224.

М.А.Хитрово - Н.К.Гирсу, 27 мая/8 июня 1881 г.

39. Радев С. Строителят ... С.284.

40. Там же. С.285.

41. Държавен вестник. 1881, № 36, 30 мая.

42. Димитров И. Князът, ... С.78-80.

43. Радев С. Строителят ... С.298.

44. Димитров И. Князът, ... С.81.

## РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ГЕНЕРАЛЬСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ ВО ВРЕМЯ РЕЖИМА ПОЛНОМОЧИЙ

Введение полномочий автоматически влекло за собой укрепление консерваторов в стране. В новой обстановке им было, фактически, гарантировано большинство и в Народном собрании, которое по манифесту князя от 2 июля должно созываться для обсуждения важнейших проблем. Этим маневром Александр I мог отвести от себя подозрения либо обвинения в диктаторстве.

В политической жизни княжества наступило время перехода от княжеских деклараций к их реализации. Наиболее трудная задача в этой ситуации возлагалась на министерство внутренних дел. Именно оно должно было обеспечить монарху и, остававшимся пока в тени, консерваторам порядок. По признанию князя и его консервативного окружения в стране не было кандидата на пост главы этого министерства<sup>1</sup>. Поэтому, после отъезда Эрнста на освободившееся место в новом правительстве был временно назначен в июле русский офицер подполковник А.А. Ремлинген, хорошо зарекомендовавший себя в должности одного из чрезвычайных комиссаров. Это отвечало интересам княжеско-консервативной коалиции, видевшей в нем русскую гарантию своим планам. В то же время оно было выгодно и российской дипломатии, получавшей дополнительную возможность контроля над положением дел в княжестве и, главное, подстраховать свои интересы в железнодорожном вопросе<sup>2</sup>. (Ведомство общественных работ, куда входило и железнодорожное строительство, подчинялось МБД.)

Первые княжеские указы касались различных областей внутренней жизни страны. Были провозглашены прогрессивные реформы в области налогообложения и торговли. В целях увеличения своей популярности 30 августа князем были изданы указы об отмене института чрезвычайных комиссаров и

их помощников, об амнистии для лиц, обвиняемых в политических преступлениях.

Но основная реформа - введение Государственного совета - встретила ряд трудностей. Князь рассчитывал, что в его прерогативы будет входить назначение членов формируемой верхней палаты. Русский дипломатический агент в Софии придерживался несколько иной точки зрения.

Несколько слов о нем. Михаил Александрович Хитрово с весны 1881 г. был аккредитован в Софии. "Ради того, что он считал интересом России, он, во всякое время, готов был посвятить на карту служебную карьеру" - писал о нем Карцов<sup>4</sup>. По приезде в княжество Хитрово оказал действительную поддержку князю. Но первоначальное убеждение его в необходимости поддержки Александра I постепенно исчезало, уступая место сильнейшим подозрениям в том, что князь является орудием некоей австро-германской интриги. Не меньшую подозрительность у него вызывали и консерваторы из ближайшего окружения Александра I, так как достаточно ознакомленный с состоянием дел в железнодорожном вопросе он считал, что консерваторы будут препятствовать его разрешению в желательном для России смысле.

В этом и была основная причина как зондажа Хитрово почвы для контактов с либералами, так и его настойчивости на выборности членов Государственного совета. Тактика русского дипломатического агента была ясна - не допустить превращения верхней палаты в вотчину консерваторов.

Забегая вперед следует добавить, что Хитрово возлагал большие надежды на Государственный совет как на орган, который мог бы решить задачу формирования смешанного правительства. По его мнению, такое правительство было бы гарантией защиты русских интересов от случайностей и нежизнеспособностей, обусловленных "игрой в политические партии", и нестабильности самого правительства, пытающегося опереться то на одно, то на другое политическое течение. Но пока Государственный совет не окрепнет и не подготовит почвы

для создания смешанного правительства (удобного для России - В.К.), министерство внутренних дел должно оставаться в руках русского ставленника!<sup>4</sup>

План Хитрово по обеспечению контроля над положением дел в княжестве, занимавшим важное место в стратегических планах России, был ясен. Однако его осуществление зависело от многих факторов, в том числе и от принципов строительства и деятельности Государственного совета.

Как известно, в сентябре 1881 г. был разработан и утвержден устав этой верхней палаты. Ее структура была такова: из 12 советников, входивших туда помимо министров, 8 избирались населением, 4 назначались князем. Туда же, кроме них, входил представитель духовенства, избираемый архиереями. Госсовет имел законодательные, совещательные и контрольно-административные функции.

Предвыборная борьба проходила в сложных условиях. Как либералы, так и консерваторы испытывали определенную тревогу. Для либералов одна из трудностей состояла в том, что ряд их активных деятелей (т.н. "непримиримых") после государственного переворота перешел в Восточную Румелию. Оттуда "непримиримые" повели кампанию против режима полномочий, подвергая острой критике примиренческую тактику умеренных либералов, решивших принять участие в выборах. Консерваторы из ближайшего окружения князя также испытывали опасения. Это видно из письма одного из лидеров консерваторов Г. Начовича к своему корреспонденту: "внутренние дела в руках наших неприятелей. Причина зла в Хитрово и Дринове, который хочет либеральничать. Эти две личности лгут князю и управляют Болгарией как им видится. Их намерение повернуть положение, которое было до 27 апреля"<sup>5</sup>. Можно с уверенностью сказать, что подобные нападки Начовича были вызваны опасением, что власть может ускользнуть из рук консерваторов. Реально такая опасность существовала ввиду тесной Хитрово с консерваторами и проектируемого гласно назначения М. Дринова, бывшего основным автором при-

нятого устава Государственного совета, на пост главы этого высшего учреждения.

Однако, ни Хитрово и ни Дринов не оказывали воздействия на ход выборов в Государственный совет. Этим лицом был Ремлингген, действовавший, вероятно, без согласования с Хитрово. (Надо заметить, что подобная несогласованность между военными и дипломатическими представителями России в княжестве случалась и ранее. - В.К.). Так, Ремлингген, которому после отмены института чрезвычайных комиссаров мерещилась победа либералов, разослал по округам циркуляр. Согласно этому документу сельское неграмотное население, поддерживавшее в своей массе князя и консерваторов, допускалось в обход избирательного закона к выборам. Акция Ремлинггена и предопределила исход выборов. Большинство голосов собрали кандидаты из консервативного лагеря.

И в дальнейшей своей деятельности Ремлингген проводил жесткий курс по искоренению либерализма в любой форме. Можно перечислить такие распоряжения как запрет и прекращение выхода либеральных изданий, даже приостановку печатного органа консерваторов - газеты "Български глас" за выпад против правительства, приказ о запрещении чиновникам заниматься политической деятельностью, введение тайной полиции. Однако его работа в министерстве внутренних дел продолжалась лишь до конца года. Причина столь короткого пребывания в правительстве объясняется стремлением консерваторов заместить его своим ставленником не столько из-за желания избежать контроля вспыльчивого и подозрительного Ремлинггена, обвинявшего Грекова и Начовича в антирусских настроениях, сколько из-за стальной настойчивости его преодолеть режим наибольшего благоприятствования русской компании в железнодорожном строительстве. Консерваторы же, требуя свободы конкуренции, разрешили другим компаниям производить изыскания. В конечном итоге консерваторам удалось добиться у князя приказа (от 31 декабря) о назначении на пост министра внутренних дел Начовича. Ремлингген

же стал начальником военного училища.

Надежды Хитрово на помощь Ремлингена в железнодорожном вопросе срывались. Его благополучное разрешение усложнилось, хотя князь старался заверить Хитрово в том, что Начович подчинит свою политику в этом вопросе интересам России<sup>8</sup>, и что сам он "во что бы то ни стало желает, чтобы постройка болгарской линии попала в руки русской компании, а именно компании Гинцбурга"<sup>9</sup>. Но каких-либо твердых гарантий Александр I не мог дать. Сам Хитрово писал в МИД, что имя Гинцбурга было в высшей степени непопулярным в княжестве и внушало "болгарам какой-то панический страх: им мерещится целые наводнение страхи еврейми и передачи в их руки финансового положения страны"<sup>10</sup>. (Перспектива монополизации Гинцбургом железнодорожного дела в княжестве не отвечала интересам болгарской буржуазии, стремившейся самой, как излагается ниже, принять участие в строительстве и извлечь соответствующую выгоду - В.К.). Князь давал гарантии лишь после получения прямого императорского распоряжения по железнодорожному вопросу. Однако в Петербурге, куда выехал Хитрово в декабре 1881 г. для обсуждения по болгарским железным дорогам, уклонились от каких-либо деклараций. Таким образом, поездка Хитрово потерпела неудачу. Она была обусловлена нежеланием правящих кругов России явно входить в конфликт с Австрией, претендующей на первоочередное выполнение княжеством своих международных обязательств по железнодорожному вопросу, а также отказом министра финансов Н.Х. Бунге предоставить заем на строительство линии София - Дунай.

После посещения Петербурга Хитрово был вынужден изменить свою политику. Он старался убедить болгарское правительство, что "Россия отнюдь не имеет в виду навязывать во что бы то ни стало Болгарии ни обязательства немедленной постройки ее железно<sup>9</sup> дороги, ни преимуществ той или другой компании, и что всякая иная комбинация, могущая вполне гарантировать Болгарию от подчинения иностранному

влинию в железнодорожном вопросе будет встречена императорским правительством сочувственно"<sup>11</sup>. Но, как писал далее в своих донесениях от 14 /27/ февраля Хитрово "именно эти-то разговоры моих и такового моего образа действий (князь В.К.) и не может мне простить ... Князь повторяет неоднократно как мне, так и другим лицам - да, должно же наконец русское правительство понять, что от болгар в железнодорожном вопросе без прямого давления России ничего не добьешься; они денег на постройку железных дорог ни за что не дадут, а мне железные дороги непременно нужны. Для этого необходимо, чтобы было объявлено болгарам, что это неперменное желание государя императора, тогда они дадут денег на постройку дорог, и я добьюсь, чтобы концессия была дана русской компании Гинцбурга"<sup>12</sup>.

Создавшаяся ситуация напоминала обстановку весны 1831 г., когда Александр I вместе с военным министром Эрартом разработали и осуществили план по приостановке конституции. В данном случае, можно думать, что князь пытался склонить Хитрово к несанкционированному Петербургом заявлению, что Александр III якобы выразил желание о необходимости железнодорожного строительства. Но Хитрово, имея собственный план, не шел навстречу Александру I.

Главной задачей для Хитрово было получение от князя реальных гарантий в том, что поддержка, оказываемая Александру I Россией, не обернется против нее самой. Их суть сводилась к назначению министров по совету российского правительства, т.е. образованию смешанного министерства, и введению на определенный срок в его состав русского ставленника на пост министра внутренних дел<sup>13</sup>. Осуществление этой задачи позволило бы ускорить разрешение железнодорожного вопроса в том виде как его представлял Хитрово.

Идеи Хитрово об укреплении русско-болгарских отношений распространялись на экономику и военное дело. Он выступал за установление прямых сообщений между Россией и

Болгарией, за прочные экономические связи в области торговых сношений. Касаясь ситуации, когда часть русских офицеров продолжала выполнять полицейские функции, возложенные на них еще Эрбертом, Хитрово предлагал упорядочить их положение, т.е. дать им право заниматься своими прямыми обязанностями по обучению болгарской армии<sup>14</sup>.

Укрепление позиций России в Болгарии было естественной задачей Хитрово. Но надо признать, что его идеи о "советах", равносильных по своему существу приказам в вопросе формирования смешанного министерства, особенно о необходимости русского министра внутренних дел в болгарском правительстве, должны расцениваться объективно, а именно, как вмешательство во внутренние дела княжества.

Но следует одновременно отметить, что этого вмешательства, особенно по вопросу русского министра внутренних дел, желали как либералы, стремившиеся не допустить абсолютного господства крайних консерваторов в управлении, так и их противники, которые ввиду усиления либерального движения внушали с конца февраля 1882 г. князю мысль о русском министре внутренних дел<sup>15</sup>.

Вероятно, та настойчивость, с которой Хитрово пытался склонить Александра I к реализации своих замыслов, направленных против самовластной политики консерваторов, связи Хитрово с либералами, его критика княжеской политики, послужили поводом к письму князя на имя Александра III с жалобами на Хитрово. По-прежнему доверявший князю и крайне враждебно относившийся к либералам император в своем ответе уверить Александра I в том, что Хитрово получит предписание не вмешиваться в борьбу политических течений, а также и то, что он одобряет опыт управления с консервативным кабинетом министров. Относительно железнодорожного вопроса император писал, что "вопрос касается прежде всего Болгарии: она должна взвесить свои интересы и средства"<sup>16</sup>.

Поддержка политического курса князя Александром III значительно подорвала положение Хитрово. Газета "Български

глас", стремясь еще больше дезавуировать русского дипломата, передала в искаженном виде смысл императорского послания. В заметке подчеркивалось, что "Александр III приказал своему дипломагическому агенту в Софии состоять совершенно под приказаниями князя и исполнять все его законные требования"<sup>17</sup>.

Таким образом, идеи Хитрово по составлению смешанного или нейтрального правительства, с тем чтобы не опираться исключительно на вождей той или иной партии, увлеченных страстями политической борьбы, были близки к краю.

Действительно, в стране бушевала политическая борьба: движение либералов, несмотря на ряд жестких мер правительства, приобретало все больший размах. Оппозиционные выступления особенно усилились после интернирования в г. Враца одного из опытейших и популярных деятелей Болгарии лидера умеренных либералов Д.Цанкова.

Не терявший надежды Хитрово рассчитывал, что тревожная ситуация в княжестве убедит официальный Петербург в правильности его позиций. Представляя свои доводы в пользу активизации русской политики в княжестве, Хитрово писал Гирсу, что дальнейшее невмешательство лишило бы политические течения "всякого умеряющего на них влияния, способного удерживать либералов от опасных увлечений, а консерваторов от излишеств, компрометирующих князя (явный намек на интернирование Цанкова - В.К.), которому в конце концов окажется возможным опереться лишь на русских офицеров"<sup>18</sup>. В то же время русский дипломат, намекая на покровительство, оказываемое князем императором, подчеркивал, что "князь привык быть уверенным, что он может заставить наше императорское правительство делать все, что ему заблагорассудится, действуя на нас путем совершившихся фактов ... До тех пор пока князь не потеряет этой веры, у кабинета ... не будет ни минуты спокойствия: наша политика должна будет всегда быть готовою бежать вдогонку за выходками самыми неожиданными, за случайностями

самыми непредвиденными"<sup>19</sup>. В целом, характер его донесений был довольно прозрачен: в Петербурге должны были бы наконец убедиться в том, что для русского правительства опасны не столько либералы, как князь с окружающими его крайними консерваторами.

Предвзято относившийся к Александру I, Хитрово старался в своих донесениях представить его как вождя консерваторов и обвинял князя в дискредитации русского правительства, и в пренебрежении к нему — полномочному представителю России<sup>20</sup>. Подозрительность у Хитрово вызывало и сближение князя с рядом русских офицеров, занимавших влиятельное положение при княжеском дворе и в военном министерстве. В этом сближении Хитрово видел опасность для русской политики, так как князь, которому он все больше не доверял, мог бы воспользоваться армией в целях, не отвечавших дипломатии Петербурга. В сущности, он боялся "преторианства" на болгарской почве<sup>21</sup>. Однако в Петербурге доверяли князю и не обнаруживали явной склонности верить Хитрово, пытавшегося убедить МИД в некоей австро-германской интриге, орудием которой был Александр I и окружавшие его консерваторы.

Князь, со своей стороны, также находился в сложном положении. Ухудшение отношений с Хитрово, сознание своего бессилия сломить все более усиливавшееся движение оппозиционных слоев общества под лозунгами недоверия правительству, которому предстояло провести ряд важных мероприятий — все это вынуждало князя к обращению за помощью к царю. Александру I и поддерживавшим его консерваторам надо было решиться еще раз на привлечение в правительство русского ставленника. В своем общем собрании консерваторы постановили просить в Петербурге назначения в княжество русских министров — внутренних дел и военного<sup>22</sup>. Таким образом, правящие болгарские круги, не имевшие ни сил, ни достаточного авторитета для того чтобы справиться с оппозицией, рассчитывали поправить положение с помощью очередных рус-

ских министров, за которыми стояла Россия, продолжаящая обладать авторитетом среди болгарского населения, Либералы также были убеждены "что без призыва русского министра, действующего по определенной программе, обойтись в настоящее время едва ли возможно"<sup>23</sup>. Здесь надо сделать оговорку, что такое заявление, вероятно, было обусловлено надеждой, что новый министр будет оказывать им поддержку, равно как и поддерживавший их Хитрово останется в Софии.

15 апреля 1882 г. Александр I выехал из Софии и вскоре объявился в Петербурге.

Хитрово в отсутствие князя продолжал заниматься вопросами, стоящими перед болгарским обществом. Но судьба его, равно как и всех русских представителей, вступавших ранее в конфликт с князем, была решена. 7 мая 1882 г. он был отозван из Софии. Оценивая его деятельность следует сказать, что Хитрово с его предложениями по созданию смешанного правительства пытался исправить в какой-то мере просчет русского правительства, поддержавшего переворот 1881 г. Но его основная идея о введении в болгарское правительство русского министра была ошибочной, что доказали последующие события. Расценивая же политику Хитрово в железнодорожном вопросе, следует сказать, что она была обречена на неуспех, вследствие причин как внутреннего, так и международного характера.

Как известно, просьба князя в Петербурге о приискании русских кандидатов в болгарские министры в конечном итоге завершилась согласием императора на назначение в правительство двух генералов - Л.Н.Соболева и А.В.Каульбарса.

8 июня 1882 г. Александр I вернулся в Софию, а 23 июня было составлено правительство, где Соболев занял пост председателя совета министров и министра внутренних дел, а Каульбарс был введен в должность военного министра. Портфели министров финансов, правосудия, народного просвещения, иностранных дел и исповеданий были распределены между Начовичем, Грековым, Теохаровым<sup>24</sup>, Бялковичем<sup>25</sup>. По

своей сути в этом консервативном правительстве командные посты принадлежали генералам.

Вначале несколько слов об Александре Васильевиче Каульбарсе (1844-1929). После завершения Николаевской академии Генштаба был назначен в Туркестан, где посвятил немало времени - с 1869 по 1873 гг. - географическим изысканиям и работам. По результатам опубликованных исследований удостоен двух золотых медалей Императорского Географического общества. За Хивинский поход 1873 г. - золотым оружием. Отличился в русско-гусецкую войну, где командовал 8-й кавалерийской дивизией. Участник международной комиссии по определению границ Сербии по Берлинскому трактату.

Особо важная роль в правительстве отводилась Соболеву. Кто же он был и с какой программой ехал в Софию? Леонид Николаевич Соболев (1844-1913) в 24 года закончил Николаевскую академию Генштаба, работал ряд лет в Главном штабе, отличился в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., принимал участие в формировании администрации княжества. У него было две программы: одна княжеская, другая - собственная. Программа князя, объявленная Соболеву, была в общих чертах такова: "сохранение полномочий, постройка железной дороги, восстановление сначала энергичными средствами, после - посредством примирения нарушенного мира в стране" с последующим введением "органической окончательной конституции, которая бы заменила оказавшуюся неудовлетворительной Тырновскую конституцию"<sup>126</sup>. Программа самого Соболева состояла из следующих пунктов: "1. Строго стоять на почве законности и права; 2. Не склоняться на сторону ни консерваторов, ни либералов, ибо эти партии не много здесь стоят, да и не существуют в строгом смысле; 3. Не душить прессу, а давать ей высказываться; 4. Воздерживать князя от увлечения чрезвычайными полномочиями и склонять его к конституционному образу правления, добиваясь созыва Народного собрания; 5. Поддерживать, елико возможно, политическую и экономическую связь между Болга-

рией и Россией, нисколько не нарушая однако независимости княжества, которое должно выработаться в самостоятельное, крепкое государство при дружеском содействии России"<sup>27</sup>. Остановливаясь на программе Соболева надо подчеркнуть два момента. Во-первых, отчетливо прослеживается близость программы с политическими установками Хитрово. Во-вторых, ясно видна наивность пункта о политической нейтральности Соболева.

Начало деятельности Соболева обычно связывается историками с принятием нового избирательного закона, в котором более жестко, по сравнению с преддущим, регламентировалась выборная система. В частности, почти в четыре раза сокращалось количество депутатов Народного собрания (до 15 человек), двухступенная система выборов, двойной избирательный ценз. Этот закон был подписан Соболевым в июле и утвержден князем в августе 1882 г. Налицо было противоречие между заявленным политическим нейтралитетом Соболева и подписанием консервативного закона. Сам Соболев так пишет об этом: "меня умоляли подписать закон. Требовалась подпись русского генерала. Я его подписал, ибо он еще сам по себе, при честном его применении, не мог нанести большого ущерба народу. В законе были и хорошие стороны. Но я заявил, что буду требовать соблюдения закона. Однако, при выборах осенью 1882 г. в депутаты III Обыкновенного Народного собрания, я был не в силах исполнить своего обещания - и в этом я вижу самый крупный промах, сделанный мною в Болгарии"<sup>28</sup>. Но, по моему мнению, сам Соболев был активным участником в деле выдвижения закона. Моя гипотеза основывается на следующем. Во-первых, Соболев был, вероятно, ознакомлен с одним из последних донесений Хитрово в МИД, в котором развивается идея изменения системы выборов, весьма схожие с запроюктированными в новом законе"<sup>29</sup>. Во-вторых, в личном фонде К. Стоилова имеется письмо его корреспондента А.Ф. Головина, в котором указывается на прямую причастность Соболева к выдвижению и отстаиванию перед

князем указанного закона<sup>30</sup>. Поэтому, можно заключить, что Соболев был исполнителем воли русского МИД, продолжавшего поддерживать князя и консервативное управление. Соответственно, Соболев и был вынужден пойти на нарушение закона, чтобы обеспечить победу консерваторов на выборах. Следовательно, это был не "промах" Соболева, а последовательный, хотя и несколько вынужденный, курс русской политики в княжестве.

Основной целью своей деятельности Соболев считал укрепление русского влияния и создание прочной материальной основы для него. Именно по такому "материальному вопросу" как железнодорожный возникли трения между Соболевым и его коллегами по министерству. Так, Соболев разработал проект строительства железнодорожной сети в основном за счет государства. В частности, для строительства линии София-Дунай предлагалось привлечь деньги резервного фонда в сумме 15 млн. фр. и ежегодные отчисления из госбюджета (5-6 млн. фр. в год), значительная часть которых, как показывала практика, шла на покрытие непроизводительных расходов. Для постройки болгарского отрезка линии Вена-Константинополь планировалось сделать заем в Австрии, как наиболее заинтересованной стороны в этом строительстве. К строительству привлекалась бы компания Гинцбурга. Консерваторы же имели другой план, заключавшийся в получении русской дотации и привлечении частного капитала, в основном, болгарского предпринимателя Хаджиенова. Как писал историк Милоков

"князь и консерваторы находили, что вовсе не дурно, если барыши от построек попадут в болгарский карман Хаджиенова, вместо Полякова и Гинцбурга"<sup>31</sup>. Сложная ситуация сложилась и вокруг выкупа у английских концессионеров железной дороги Руссе-Барна. Соболев, подозревая консерваторов в желании получить комиссионные, решительно воспротивился выкупу дороги за 44 млн. фр., требуемых уполномоченным владельцем. Сумма же в 35 млн. фр., окончательно предложенная Соболевым, не устраивала английского посредника. После предложе-

ния им вятки Соболеву переговоры были прерваны. Соболев отмечал, что споры по железнодорожному вопросу все больше убеждали его, что консервативная верхушка с князем пре-  
следует своекорыстные интересы и даже стремится вовлечь  
Перанию в русло австро-германской политики.<sup>32</sup>

Трудности разрешения железнодорожного вопроса натолкнули Соболева, упорно стремившегося добиться гарантий по обеспечению русского влияния, на идею использовать для этой цели оккупационный долг Болгарии за войну 1877-1878 гг. Долг Болгарского княжества и Восточной Румелии составлял примерно 50 млн. фр. Соболев решил добиться утверждения конвенции об уплате причитающихся с княжества 25 млн. фр. (По данным, приводимым Сказкиным в его монографии - 28 млн. фр. - В.К.). Соболев так писал о своем плане: "Если будет заключена конвенция согласно моему предложению, то Россия будет, в течение 12 1/2 лет получать от Болгарии по 2000000 фр. в год... Когда Румелия сольется с Болгарией, русское правительство предъявит новое требование на 15000000 фр. ... Это будет материальная сила в его руках. Силою этой можно воспользоваться с целью укрепить связь Болгарии с Россией. Можно будет учредить в Софии хорошие высшие школы для мальчиков и девочек, и подготовить целое поколение в русском, или, вернее, в общеславянском духе. Можно развить русское и болгарское пароходство по Дунаю и ослабить германизацию на берегах сей реки. Можно, наконец, на эти потребности затратить всего 15 000 000 фр., а остальные 35 000 000 фр., употребить на сооружение флота на Черном море, словом - на создание могущества близ Босфора"<sup>33</sup>.

Предложения Соболева можно понять как этап на пути к русификации Болгарии или превращения ее в фактическую за-  
дунайскую провинцию России, как это делает Сказкин<sup>34</sup>. Но насколько они были реальны перспективы достижения этой цели? Вот основной вопрос! Пример с Польшей наглядно показывал всю зыбкость подобных расчетов, омываемых кровью в

случае их реализации. Открытие школ совершенно не гарантировало достижения желательного результата, тем более что "общеславянский дух" был слишком раздираем национальными и политическими противоречиями.

Постановка вопроса о "завязывании материальных узлов" лишь дополнила трудности в отношениях между консерваторами и Соболевым. Взаимное недоверие и подозрительность только способствовали возникновению конфликтных ситуаций. В начале 1883 года вспыхнул спор генералов со своими коллегами по кабинету министров по "драгунскому вопросу". Суть его заключалась в том, что болгарские министры выдвинули в Народном собрании предложение о ликвидации драгунского корпуса, выполнявшего жандармские функции, и замены его местной полицией под руководством гражданских властей. Консерваторы преследовали двойную цель: добиться популярности у населения, недовольного жандармерией, лишив тем самым генералов использования ее для своих целей. Однако Соболев, оказав давление на князя, добился от него распоряжения, по которому совету министров предписывалось "сохранение жандармерии в том виде, в каком она существует ныне"<sup>35</sup>. Консерваторам была сделана лишь небольшая уступка в отношении пеших жандармов, на содержание которых не выделялись деньги. В целом же, победа осталась за генералами, использовавшими полномочия князя для сохранения в своих руках жандармерии.

Жесткая, если не диктаторская, политика Соболева неизбежно должна была привести к новому столкновению с министрами. По странному стечению обстоятельств, как пишет Соболев в своих воспоминаниях, 24 февраля 1883 г. - в день урегулирования "драгунского" вопроса - возник другой, связанный с высылкой из Софии по распоряжению Синода митрополита Мелетия. Этот принудительный отъезд митрополита, поддерживавшего Соболева, устроили консерваторы вместе с митрополитом Григорием, занявшим место Мелетия в столице. В сущности это была не антирусская, а антисоболевская акция; возможно, своего рода месть за неудачу в "драгунском" вопросе. Попытка Соболева задвинуть Мелетия провалилась: не-

просе. Попытка Соболева заставить Мелетия провалиться: несмотря на его приказ задержать высылку, министр иностранных дел и исповеданий поспешил отправить с жандармами Мелетия из Софии.

Вспыхнувший конфликт осложнился прямолинейной политикой генералов, которые под угрозой своей отставки вынудили князя на вывод Стоилова из правительства. 28 февраля Стоилов вышел в отставку, вместе с ним вышли из правительства Греков и Начович, заявив тем самым протест против вмешательства Соболева в церковные дела.

Министерский кризис, вызванный "генеральской" политикой, просуществовал недолго. 3 марта состав правительства был обновлен, в соответствии с политикой Соболева. Главой министерства строительства, земледелия и торговли был назначен князь Хилков (будущий министр путей сообщения России - В.К.), что должно было обеспечить Соболеву приемлемое разрешение железнодорожного вопроса. В МИД был назначен К.Цанков, министерство финансов было передано Соболевым А.Бурмову. Как Цанков, так и Бурмов получили определенную поддержку либералов, с удовлетворением встретивших известие об отставке триумvirата - Стоилова, Грекова, Начовича.

Говоря о новом правительстве следует подчеркнуть два момента: Во-первых, переходной характер нового кабинета, отразившийся в том, что новые руководители были назначены князем лишь в должности управляющих министерствами. Во-вторых, после устранения триумvirата власть генералов еще более укреплялась. Как писал Соболев, власть они "намеревались передать в руки народной партии, понимавшей необходимость идти вместе с Россией, а не оставлять ее в руках партии, желавшей обратить Болгарию, подобно Сербии, в провинцию Австрии"<sup>36</sup>.

Следует отметить, что эта навязчивая идея, присутствующая в среде русских представителей в княжестве о проавстрийской ориентации княжеско-консервативной коалиции пред-

ставляется преувеличенной. Сама болгарская армия, находящаяся под контролем русских инструкторов, была достаточным гарантом от подобных "увлечений". К этому надо добавить, что надежды, питаемые болгарами на разрешение национального вопроса, связывались прежде всего с Россией, выступившей в свое время с созданием Сан-Стефанской Болгарии. (В своих стремлениях придать истинность своим утверждениям русские представители использовали самые различные поводы. Одним из таких была известная история с подпиской в пользу повстанцев в Герцеговине, когда Хитрово предложил князю также внести свою лепту. Безусловно, со стороны русского представителя это было провокацией — просить князя внести деньги на помощь восставшим против соседней империи. Естественный и закономерный отказ Александра I был преподнесен Хитрово в Петербурге как доказательство неискренности князя и его проавстрийских симпатий. Весьма подробно о "подвигах" Хитрово на почве помощи повстанцам излагается на страницах монографии Сказкина.)

Отношение князя к действиям своего премьер-министра было внешне благожелательным. После отставки триумvirата он предлагал Соболеву стать единственным министром княжества, как это практиковалось на родине князя, в Дармштадте. Возможно, как писал отказавшийся от этого назначения Соболев, ему хотелось вызвать недовольство болгар и подать повод Европе "кричать об обращении княжества в русскую провинцию"<sup>37</sup>. Но возможно и другое истолкование предложения князя. Ликвидация правительства позволяла бы Александру I не допустить прихода к власти либералов и тем самым выиграть время для проведения задуманных изменений в управлении. В обстановке же фактически расширявшейся власти князя и наличия консервативного Народного собрания и госсовета генерал Соболев не мог бы эффективно выступать против консервативной политики.

Касаясь триумvirата и его сторонников, следует подчеркнуть, что свои надежды на возвращение к власти они

связывали с заключением соглашения с умеренными либералами. Параллельно, ими была подготовлена и вручена князю обширная записка от 22 марта 1883 г. Триумвират подчеркивал в ней, что иностранные генералы "ведут дела в духе совершенно противном интересам Болгарии", что формируемый альянс между генералами и либералами чреват опасностью для самого князя, власть которого может свестись к роли монарха, "который царствует, но не управляет". По мнению авторов записки, князь мог выправить положение только путем созыва Народного собрания с постановкой в нем вопроса о ситуации в стране и выходе из кризиса<sup>38</sup>. (Фактически же о целесообразности дальнейшего присутствия генералов в правительстве.)

Оставляя в стороне риторичность таких высказываний в записке как "всякий народ предпочитает дурное управление своим хорошему управлению иноземцев, навязанному ему силой"<sup>39</sup>, следует сказать, что авторы ее были абсолютно правы в своих оценках сближения генералов с либералами. Как писал Димитров, "В союзе с либералами генералы видели опору русской политики, либералы - средство для восстановления конституционного режима"<sup>40</sup>.

В условиях все возрастающей активности либералов князь решил прибегнуть к старому средству и удалить генералов посредством своего обращения к императору. По-видимому, предложение консерваторов использовать Народное собрание для решения этого вопроса казалось Александру I чреватым опасностью вызвать недовольство в Петербурге. В начале апреля князь выехал из Софии и в мае уже был в российской столице, где пытался добиться удовлетворения своей просьбы и присылки Эрнота с задачей сохранения полномочий. Однако его миссия встретила ряд трудностей, обусловленных, в частности, деятельностью Соболева, также прибывшего в Петербург. Премьер-министр княжества выступал в правительственных сферах за прекращение полномочий и созыв Великого Народного собрания для пересмотра конституции и утвержде-

ния такого основного закона, "который обуздает как чрезмерное народовластие, так и произвол княжеского правительства"<sup>41</sup>. Победу одержал Соболев, чьи донесения о княжеско-консервативной коалиции и её якобы проавстрийской направленности сыграли не последнюю роль в решении императорского правительства прекратить поддержку режиму полномочий.

В Софию командировался не желанный князю Эрмрот, а опытный русский дипломат А.С.Ионин.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. АВПР, ф. Отчеты МИД за 1881 г., л. 140об.
2. Железнодорожный вопрос был предметом фундаментальных исследований многих ученых, среди них имена Л.Берова, А.Пантева, С.Д.Сказкина, Е.Стателовой, В.П.Султанова, Цв.Тодоровой. Сложность его решения заключалась в узаконенных Берлинским трактатом правах западных частных компаний и Австро-Венгрии по строительству и использованию железных дорог, пролегающих по территории княжества; причем, политические круги Австро-Венгрии, Англии и России стремились использовать этот вопрос в своих интересах, диктуемых экономическими, военными и политическими целями. В частности, Австро-Венгрия настаивала, согласно решению Берлинского трактата, на первоочередном проведении Болгарией работ по завершению строительства, проходящей по ее территории части международной линии Вена-Константинополь. Для России же было желательнее скорейшее проведение дороги, связывающей Дунай с Софией и Балканами. Равно как и дипломатов, вопросы железнодорожного строительства в княжестве интересовали и русских дельцов. Этот естественный симбиоз, характерный не только для России, но и для западных стран, наглядно проявлялся в княжестве.
3. Карцов Ю.С. Семь лет ... С. 140.
4. АВПР, ф. Главный архив У-А, д. 919, л. 7-9, М.А. Хитрово - Н.К.Гирсу, 31 января /12 февраля/ 1882 г.
5. БИА-НЕКИ, ф. 14, а.е. 142, л. 1, Гр. Начович - Иванову, 23 сентября 1881 г.
6. АВПР, ф. Отчеты МИД за 1881 г., л. 145об.-146.
7. Радев С. Строители ... С. 321, 324-328; Сказкин С.Д. Конец ... С. 273-275.
8. Сказкин С.Д. Конец ... С. 279.
9. АВПР, ф. Главный архив У-А, д. 919, л. 128об., М.А. Хитрово - Н.К.Гирсу, 14 февраля 1882 г.
10. Там же, д. 920, л. 230об. Выписка из донесения М.А.Хитрово - МИД, 14 февраля 1882 г.
11. Там же, д. 919, л. 131, М.А.Хитрово - Н.К.Гирсу, 14/27 февраля 1882 г.
12. Там же, л. 131-132.
13. Там же, ч. 285, М.А.Хитрово - Н.К.Гирсу, 14 фев-

раля 1882 г.

14. Там же, д. 920, л. 243-246, экстракты депеш М.А.Хитрово - МИД от 31 января по 12 февраля 1882 г.

Некоторые данные о русско-болгарском уровне торговли даются в статье секретаря дипломатического агентства в Софии Н.Дьяченко. С 1881 по 1890 гг. общий ввоз в Болгарию составлял 596 986 142 фр. Участие же России в ввозе товаров выражалось в цифре 29 017 148 фр. Вывоз за те же годы составлял 504 353 031 фр., для России эта цифра складывалась в сумму 655 293 фр. В 1882 г. московскими купцами была снаряжена экспедиция в Болгарию для разведки рынка. Представленный ею по возвращении доклад Обществу для содействия русской промышленности и торговле серьезных результатов не дал. В докладе указывалось, что главным тормозом являются: "отсутствие быстрых и удобных сообщений между Россией и Болгарией", "высокие фрахты при перевозке товаров" и "наимение в княжестве кредитного учреждения, которое имело бы специальной целью содействовать операциям коммерсантов обеих стран". Дьяченко ставит вопрос шире, подчеркивая, что развитие русской торговли сдерживается отсутствием интереса к болгарскому рынку в русских торгово-промышленных кругах, находящихся сбыт товаров в самой империи, трудностями почтово-телеграфной связи болгарских портов с русскими, неосведомленностью русских заводчиков и фабрикантов в кредитоспособности болгарских дельцов, при стремлении первых "торговать исключительно на наличные и притом с уплатою денег вперед", отсутствием торговых агентов в княжестве. - Дьяченко Н. Торговля России с Болгарией. - МИД. Сборник консульских донесений, СПб., 1907, вып. 5. С. 383, 384, 392.

15. Сказкин С.Д. Конец ... С. 279; Мильков П.Н. Болгарская конституция ... С. 37.

16. АВВР, Ф. Главный архив У-А/2, д. 919, л. 132 об., М.А.Хитрово - Н.К.Гирсу, 14/27 февраля 1882 г.

17. Там же, л. 134, вырезка из газеты "Български глас" от 6/18 февраля 1882 г.

18. Там же, л. 123, М.А.Хитрово - Н.К.Гирсу, 14/27 февраля 1882 г.

19. Там же, л. 282 об., М.А.Хитрово - Н.К.Гирсу, 14 февраля 1882 г.

20. Там же, д. 920, л. 231 об., выписка из донесения М.А.Хитрово - МИД, 14 февраля 1882 г.

21. Мосолов А. България 1879-1883. Спомени. - Военноисторически сборник, X, 1936, кн. 18. С. 121-124.

22. Соболев Л.Н. К новейшей истории Болгарии; материалы с внутренней политике 1881-1883. - Русская старина, IX, 1886. С. 70-71.

23. АВВР, Ф. Главный архив У-А/2, д. 920, л. 29 об., М.А.Хитрово - Н.К.Гирсу, 1 мая 1882 г.

24. Георги Вилкович (1833-1892) - завершил медицину в Париже, занимаясь врачебной деятельностью в Османской империи. В 1878 г. возвращается в Болгарию. Участник Учреждения

- тельного и I Великого Народного собрания.
25. Георги Тохаров (1837 - неизв.) - получил богословское образование в Одессе в 1858 г., закончил юридический факультет Московского университета в 1864 г. Принял русское подданство. Долгое время работал в судебных органах России. Принимал участие в работе гражданской администрации под руководством кн. В.А.Черкасского.
26. Марица. 1883. № 536. 4 ноября. С. 6.
27. Щеглов А.Н. Русское министерство в Болгарии. - Исторический вестник, XI, 1911. С. 554-555.
28. Соболев Л.Н. К новейшей истории... С. 734.
29. АВПР, ф. Главный архив У-А2, д. 920, л. 47об., М.А.Хитрово - Н.К.Гирсу, 2 мая 1882 г.
30. ЦДИА, ф. 600, оп. I а.е. 547, л. 12, А.Ф.Головин - К. Стоилову, 26 апреля 1883 г.
31. Милтоков П.Н. Болгарская... С. 38.
32. Соболев Л.Н. К новейшей истории... С. 729, 752.
33. Там же. С. 737-738.
34. Сказкин С.Д. Конец... С. 284.
35. Соболев Л.Н. К новейшей истории... С. 714.
36. Там же. С. 729.
37. Там же. С. 743.
38. Там же. С. 730-732.
39. Там же. С. 730.
40. Димитров И. Князьт... С. 161.
41. Щеглов А.Н. Русское министерство... С. 583.

#### МИССИЯ А.С. ИОНИНА

Кто же он был? Александр Семёнович Ионин (1836-1900) закончил Лазаревский институт восточных языков. Вступил на дипломатическую службу во второй половине 50-х гг. Свыше двадцати лет проработал на Балканах, пройдя путь от драгомана консульства в Сараеве до полномочного министра-резидента в Цетинье. Был сторонником освобождения народов Балканского полуострова от османского владычества. Поддерживал связи со славянофильскими кругами. Ревностный сторонник самодержавия. Награжден многими высшими российскими и иностранными орденами. Большой опыт работы на Балканах и послужил причиной того, что МИД остановил свой выбор на его кандидатуре для командировки в княжество с чрезвычайной миссией. Сами донесения Ионина из Софии крайне неровны: в некоторых дается блестящий анализ положения дел, в других - простой, часто сумбурный, перечень событий. Сама

деятельность Ионина в княжестве характеризует его как жесткого дипломата, но в то же время готового поступиться частным для достижения основной цели.

Согласно инструкции, написанной директором Азиатского департамента МИД И.А.Зиновьевым, задачи Ионина были таковы: поддержание авторитета России, сохранение, хотя бы временное, на своих постах Соболева и Каульбарса, желательность восстановления князем конституции.

Однако еще до приезда Ионина консерваторы предприняли вместе с либералами свои меры, которые в определенной степени превосхищали его задачи. Переписка Стоилова и Начовича указывает на то, что в июне 1883 года они намеревались выставить свою политическую программу. Она должна была, если не помочь им обеспечить власть, то по крайней мере не потерять влияние в политической жизни. В программе должно было быть предусмотрено соглашение с умеренными либералами, создание нового правительства, введение конституции по истечении определенного срока, отмена всех государственных актов, введенных за период правления Соболева, возвращение в Россию скомпрометировавших себя лиц (намек на Соболева и Каульбарса - В.К.)<sup>1</sup>. Стремление консерваторов к соглашению с умеренными либералами встретило положительный отклик со стороны Цанкова<sup>2</sup>. 8 августа Начович и Цанков подписали соглашение, суть которого состояла в признании необходимости созыва Великого Народного собрания для пересмотра конституции и формирования коалиционного правительства. Вопрос о генералах и их участии в будущем кабинете обходился молчанием, что ясно свидетельствовало о намерениях Цанкова и, тем более, консерваторов избавиться от Соболева и Каульбарса. Однако пост фактум, на собрании либералов от 9 августа в София соглашение было подвергнуто резкой критике, чей основной заряд относился как раз к заложенному в нем способу разрешения вопроса о власти. Опасаясь интриг со стороны консерваторов и не теряя надежды на создание в недалеком будущем однородного правитель-

ства, собравшиеся решили ни в коем случае не допускать до удаления генералов — этих своих союзников по борьбе с консерваторами — из смешанного кабинета министров, который будет сформирован из равного количества представителей обеих партий. Под давлением участников этого собрания Цанков был вынужден согласиться с их требованиями<sup>3</sup>. (Надо заметить, что Цанков и в этом случае подтвердил свою репутацию мастера политического маневра. Обещать он мог, но это вовсе не означало, что будет твердо проводить линию поддержки генералов, в чем удалении он был заинтересован не меньше консерваторов.)

Таким образом, когда Ионин прибыл 11 августа в Софию, соглашение Цанков-Начович было достигнуто и одобрено князем. Оставалась лишь "малость" — получить согласие консерваторов на условия, выдвинутые 9 августа. Но именно отставка генералов и была стержнем политики Начовича и его единомышленников. Весь этот узел противоречий Ионин и должен был распутать или разрубить.

Объясняя причины сложившейся ситуации в княжестве, Ионин писал Гирсу: "мы сами не могли определить себе той цели, которую нам можно было бы и нужно бы преследовать в Болгарии. В связи с этим запутывались мы и в выборе средств, так что каждый наш агент составлял свой особый план действий и разрушал работу своего предшественника... Со времени Берлинского трактата Россия не вполне оправдала те ожидания, которые возлагали на нее болгары. Беспредельная перемена взглядов, людей и систем, переход от Тырновской конституции к едва замаскированному деспотизму, — смутили умы и поколебали наш нравственный кредит... После переворота князь... не имел ни опоры в стране, ни почвы под ногами... Против него же, протестуя и негодуя, стояла вся Болгария, люди всех партий, умеренные и утописты, приверженцы России и враги ее... Вместе с тем, и чтобы еще более скомпрометировать нас, клика князя сделала вид, будто бы совсем отдается в руки России, и добилась назначения

в Болгарию русских министров, которые таким образом стали невольными сообщниками придворной камарильи... Между тем, в пылу борьбы, ... генералам поневоле пришлось оставить излишнюю разборчивость в выборе средств, тем более что на сознание страны, при существовании полномочий, им нельзя было особенно рассчитывать ... Никогда Тырновская конституция не довела бы нас до настоящего и именно для России прискорбного кризиса, а главное при ней мы никогда бы не могли столь сильно скомпрометировать наше влияние и наш престиж"<sup>4</sup>.

Анализируя письмо Ионина, надо сказать, что он верно вскрыл причины неудач российской политики, хотя и старался выгораживать русских представителей, представляя их жертвами обстоятельств; все же Болгарию, совершенно неправомерно, врагами Александра I.

Теперь Ионину предстояло заняться исправлением промахов русской дипломатии. Как писал Сказкин, Ионину "стало ясным, что спасти положение только силою русского влияния и имени - нельзя. Надо было искать опоры в самой стране, и Ионин сразу же понял, что единственное средство выйти из положения заключалось в том, чтобы опереться на либералов"<sup>5</sup>.

Для выполнения задуманного Ионину нужно было получить от князя твердые гарантии относительно сохранения генералов в правительстве, а в целом, о возврате страны к Тырновской конституции. 18 августа между Иониным и Александром I произошел решительный разговор. Ионин: "Затем я формулировал свои требования". - Князь: "Это невозможно исполнить, вы подрываете мою власть и требуете унижения для моего самолюбия. Генерала Соболева вся страна терпеть не может ... если наши взгляды на этот предмет не сходятся, то пускай выскажется парламент". - Ионин: "Вот этого-то я не хочу допустить. Что здесь в Болгарии более действенно - полномочия или парламент? Если полномочия, то я требую удовлетворения от вас, а не от парламента". - Князь:

"Я вижу вы предлагаете мне распустить парламент, но я не могу нарушать права народа и парламента высказываться по всем предметам управления". – Ионин: "Странное почтение к парламенту после рущукского переворота, который, конечно, не соблюл прав народа". – Князь: "Вы сами русские помогли мне сделать этот переворот". – Ионин: "Что же нам было делать, когда вы нас приперли к стене ... и сказали нам "Я или конституция", мы думали, что вы нужны, хотели мира и принуждены были вас поддерживать, хотя вы нас и не известили о ваших намерениях ... и ради бога не говорите нам "Я или генерал Соболев!". – Князь: "Но, наконец, полномочия все-таки существуют". – Ионин: "Да, но должны прекратить свое существование ... единоличная власть ваша не опирается на страну, она приобретена чужим влиянием, хотя бы и нашим, и имеет опорю только малое число лиц". – Князь: "Но у меня уже готова новая конституция ... теперь происходит слияние партий и что я намерен воспользоваться им для упорядочения страны. Только в этом случае болгары захотят управляться сами собой, и тогда русских министров не будет им нужно". – Ионин: "Это может быть и случится, если помощью возбуждения страстей, страна спокойно рассудит о своем положении, но до тех пор они все-таки необходимы". – Князь: "Нет, это невозможно"<sup>6</sup>.

Дело заключалось не столько в сохранении престижа российских генералов, сколько в понимании Иониным того обстоятельства, что с их отъездом княжеско-консервативный блок может и будет стремиться к оттеснению либералов и захвату власти в свои руки. Подобный финал не входил в расчеты русской дипломатии, требовавшей и не получавшей от князя реальных доказательств ни в своей прорусской ориентации, ни в умении управления страной.

Именно поэтому в ответ на угрозу Александра I обратиться за помощью к Европе, Ионин ответил: "Будьте уверены, что Европа жаждет прежде всего того же, что и мы: порядка в мире в Болгарии, – и чтобы вы оставались в ней

князем, революции никому не хочется, а прежде всего нам, но не думайте, чтобы Европа, если вы сделаетесь здесь невозможным, поставивши себя против русских, - возбудила только из-за вашей личности европейский вопрос... Мы не в состоянии более уступать и не боимся последствий"<sup>7</sup>.

В пражоте Ионина князь смог убедиться на следующий день во время своих консультаций с дипломатическими представителями держав-гарантов Берлинского договора. Их ответы показали ему, что его личная судьба ничего не значит в политике Европы<sup>8</sup>. Безусловно, они говорили правду, но какую: им нужен был именно Александр I, просто князь Баттенберг для них не представлял действительно никакого интереса. Поэтому Западу была нужна не отставка князя или прямой конфликт с Россией из-за него, а сохранение его на престоле с тем, чтобы, играя на уязвленном самолюбии и неудовлетворенном властолюбии князя, осторожно настраивать на выход из-под "назойливой" опеки Петербурга.

Отказ Запада, усугублялся для князя неудачей заставить генералов подать в отставку. В создавшейся ситуации Александр I счел за лучшее обещать Ионину оставить кабинет министров в прежнем составе<sup>9</sup>, и ограничить прения в будущем Народном собрании, дабы избавить генералов от возможного скандала, который могли устроить им консерваторы. Желая подчеркнуть свою прежнюю преданность русскому императору, князь доверил подготовку манифеста Ионину. 30 августа - в день тезоименитства царя - он был обнародован. В манифесте прокламировался предстоящий созыв особой комиссии, которая займется выработкой нового основного закона на принципе народного представительства. Для обсуждения его должно было быть создано Великое Народное собрание, выборы в которое производились бы на основе правил, принятых этой комиссией и на основании утвержденного закона. До вступления нового конституционного уложения в силу правительство не должно было подвергаться в своем составе каким-либо изменениям.

Казалось, что полная победа Ионина налицо. Но смута, охватившая все общественно-политические круги княжества, перечеркнула достигнутое, значительно усложнив задачу русского дипломата. В смуте были замешаны и Соболев с Каульбарсом. Особенную активность проявлял Соболев, видевший в устранении Александра I единственный путь спасения российского влияния в княжестве. Судя по некоторым материалам<sup>10</sup>, оба генерала, без санкции Петербурга, пошли на риск насильственного устранения князя. Эти попытки, закончившиеся неудачей, подтолкнули княжеско-консерваторский блок к более решительным действиям. Узнав, что либералы достигли договоренности с Иониным о выдвижении ими в Народном собрании требования восстановления конституции, блок тотчас предложил свою поддержку. Она была принята: обе стороны таким образом подтвердили свое соглашение, заключенное в начале августа.

Анализируя это резкое изменение политической обстановки, можно сделать ряд выводов. Для Цанкова, стремившегося прийти к власти как можно быстрее, переходный период от манифеста до восстановления конституции представлялся слишком длительным и чреватым возможными неожиданностями. Для обеспечения за собой власти, позволившей бы ему провсдить собственный курс и для заблаговременного устранения своего соперника - лидера левых либералов - Каравелова (в то время находился в Пловдиве) Цанков и поставил себе задачу немедленного восстановления конституции. Он и его сторонники надеялись на поддержку народа, которая бы обеспечила им свободу действий в правительстве и определенный контроль за князем. Для консерваторов же это был шанс немедленно избавиться от генералов, чье присутствие с восстановлением конституции становилось неуместным. В то же время соглашение с либералами гарантировало им посты в правительстве, сохранение определенного влияния на политику страны.

Ионин был в курсе этих переговоров. Ему о них предус-

мотрительно сообщал сам Цанков, консультировавшийся с ним<sup>11</sup>. Вероятно, эти переговоры были неприятны Ионину, ранее давшему либералам убедить себя в необходимости немедленного восстановления конституции, а теперь вынужденному предоставить "пожинать лавры" либерально-консервативному союзу. Любой протест с его стороны, настаивание на сохранении условий манифеста от 30 августа — все это могло привести к дальнейшей потере влияния России. Поэтому Ионину ничего не оставалось делать, как в несколько высокопарных выражениях заявить либералам о том, что он не будет препятствовать осуществлению этой комбинации, если она послужит на благо Болгарии<sup>12</sup>.

4 сентября была открыта внеочередная сессия Народного собрания. 6 сентября либералы и консерваторы вручили князю адрес с просьбой восстановления конституции и превратить настоящую сессию в обыкновенную законодательную. В тот же день был объявлен княжеский манифест, в котором выдвинутые предложения были удовлетворены. После этого акта пребывание генералов в отряде стало излишним. 7 сентября они получили разрешение царя уйти в отставку. Единственное, что могло удовлетворить Ионина и его начальство в Петербурге, что генералы покинули свои посты не по приказанию Александра I или вследствие выражения им недоверия Народным собранием, а после манифеста о восстановлении основного закона страны.

Однако определенная условность его провозглашения была очевидна. Наряду с новым правительством, сформированным 7 сентября на коалиционной основе, продолжал свою деятельность Государственный совет<sup>13</sup>. Народное собрание, избранное в период полномочий, было признано законным. Именно через него в сентябре были проведены законопроекты, направленные на укрепление консервативных начал, как например, об уничтожении народного ополчения с формулировкой "как не соответствующего положению страны и духу времени"<sup>14</sup>. Расшифровывая эту туманную фразу, Ионин писал Гирсу:

"Ополчение представляло некоторую гарантию народной свободы: вооруженные ополченцы жили с народом и могли бы в данном случае представить отпор своеволию власти, до сих пор этого не боялись, ибо власть опиралась на Россию и русское войско. При ссоре власти с Россией милиция, состоящая из людей нам преданных, как предан нам весь народ, могла бы быть опасна клике, и князь решил уничтожить ополчение"<sup>15</sup>.

Но главное, чего добивался князь – это, по мнению Ионина, безоговорочного повиновения армии. Известно, что в сентябре он подготовил проект о разделе функций военного министра. Согласно нему, министр отвечал бы только за административную и хозяйственную часть, непосредственное же командование войсками переходило бы к князю. Последний мог передать командование другому лицу, который не подчинялся бы военному министру<sup>16</sup>. 19 сентября / 1 октября этот законопроект был внесен без обсуждения в совете министров на рассмотрение депутатов Народного собрания и был ими утвержден.

Ионин усмотрел в этом акте, как и в предшествующих распоряжениях, стремление князя к установлению диктатуры в армии, к уничтожению влияния царя на командование войском, которое было и "есть гарантия против самоуправства княжеской клики"<sup>17</sup>. Видя только в армии реальную силу, способную противостоять самодержавным амбициям князя и, одновременно, служившую далеко идущим целям Петербурга, Ионин решительно вступил в политическую борьбу с Александром I. У него было несколько вариантов решения военного вопроса. Первый состоял в принятии ряда мер, включавших и демонстрацию военной силы, которые могли повлечь за собой прекращение правления князя<sup>18</sup>. Но этот путь был отвергнут в российской столице, где придерживались умеренной политики и избегали новых осложнений в болгарских делах. Тогда Ионин выдвинул другой вариант. Исходя из того, что сохранение Александра I на престоле "не должно быть достигаемо ценою угнетения и развращения народа и притом

еще при посредстве русских штыков"<sup>19</sup>, Ионин писал в МИД, что "войско здесь должно себя поставить по возможности нейтрально с русским военным министром во главе ... Самой конституцией военный министр подобно своим коллегам изъят из безусловного подчинения князю и должен сообразовывать свои действия с советом министров и желанием Народных собраний. Бояться несогласий и распрей с министрами или собраниями мне кажется нельзя, ибо и те и другие желают возможно большей независимости военного дела от общего хода внутренней политики"<sup>20</sup>. Самому князю Ионин вручил записку, где отстаивалась необходимость сохранения прежнего порядка. После этого князь, не получив поддержки даже консервативной части правительства<sup>21</sup>, был вынужден отсрочить введение закона в действие. Со своей стороны, Ионин письменным распоряжением запретил российскому офицерству исполнять княжеский указ о реорганизации военного министерства<sup>22</sup>. Конечно, это было нарушением прерогатив князя и только усиливало его желание окончательно урегулировать военный вопрос. Он должен был ждать приезда обещанного Александром III специального посланца для обсуждения и заключения особой военной конвенции. Раздражение князя увеличилось в связи с отзывом военным министерством России без его ведома двух офицеров — И.М.Лесового и А.Ползикова, пользовавшихся доверием у него<sup>23</sup>. Надо добавить, что в этом отзывании был замешан и Ионин, настаивавший в своих донесениях в Петербург на откомандировании приверженцев Александра I из числа российских офицеров<sup>24</sup>.

29 октября/ 10 ноября в Софию прибыл ожидаемый представитель — российский военный атташе в Вене полковник Н.В.Каульбарс (брат А.В.Каульбарса).

Ввиду исключительности той роли, которую сыграл Каульбарс позднее в 1886 г. в истории Болгарии, следует сразу очеркнуть его деятельность. Николай Васильевич Каульбарс (1842—1905) — в 1867 г. закончил Николаевскую академию Генштаба. Активный участник русско-турецкой войны: награж-

ден двумя орденами св. Владимира с мечами 4 и 3 степени и золотой саблей. Участник ряда международных комиссий по пограничным вопросам Черногории (1878, 1879 гг.). В 1878 г. был назначен русским военным агентом при австрийской оккупационной армии в Боснии, в 1881 г. вступил в должность военного агента в Австрии. Автор ряда статей военного, исторического характера. Картограф. Автор трудов о германской и австрийской армиях. Был представителем России в 1881 г. и 1889 г. на международных географических конгрессах. Закончил службу в чине генерала от инфантерии.

10/22 ноября конвенция была готова и одобрена князем. Основные ее положения известны. Военный министр назначался с согласия царя, что придавало законность ранее существовавшей договоренности. Российские офицеры не могли быть задействованы на административной и полицейской службе без их согласия. Тем самым устранялось их вмешательство в приказном порядке во внутренние дела княжества, как это было во время переворота 1881 года, который по своей организации мог быть назван военным. Российские офицеры должны были подчиняться болгарским военным законам и нести ответственность перед князем и правительством. Это, в свою очередь, исключало вмешательство в военные дела российского дипломатического агента и было необходимым условием для ликвидации двоевластия, когда офицеры не знали точно, подчиняться ли князю или представителю МИД России.

Сам Ионин положительно оценивал конвенцию. "Смею думать, - писал он в Петербург, - что настоящее разрешение военного вопроса вполне удерживает существовавший до сих пор порядок вещей по отношению поста военного министра в Болгарии, и даже более того. Порядок, который наблюдался прежде только *Taciti consensu* и, как показали события, мог зависеть от случайностей, от капризов князя, от борьбы партий, - теперь поставлен на более прочном основании"<sup>25</sup>.

В своем стремлении закрепить господствующее положение

русского офицерства в болгарской армии Ионин решительно воспротивился его сокращению. Как известно, в конвенции не был решен деликатный вопрос о порядке замены российских офицеров национальными кадрами. Этим обстоятельством хотели воспользоваться крайние консерваторы с князем, планировавшие поднять в Народном собрании вопрос о замене ротных командиров. Само по себе это требование было вполне понятным и разумным, но к нему в существенной степени примешивались политические мотивы. Если князь стремился этой мерой увеличить состав болгарских средних офицерских чинов, завоевать популярность у офицерства, то Ионин, наоборот, опасался, что она приведет к сокращению в первую очередь тех офицеров, которые не были приверженцами князя и, следовательно, постепенной потере армией статуса нейтральности. Но здесь Ионин лукавил. Он преследовал вполне определенную цель – сохранить армию в руках русских командиров.

В своих усилиях нейтрализовать княжескую акцию Ионин добился успеха. Он писал в МИД, что большинство членов совета министров – Цанков, Балабанов, Моллов<sup>26</sup> и позднее Икономов – обещали ему, что "подобного заявления народного собрания не допустят, а если бы оно произошло, – то заявят ему, что собрание не имеет никакого конституционного права вмешиваться в назначение не только офицеров, но и просто гражданских чиновников ... мне кажется, это решение ... о котором они заявили категорически в совете министров, предупредило развитие интриги, и по видимому вопрос этот похоронен"<sup>27</sup>.

Время дебатов по военному вопросу совпало с требованием, выдвинутым левыми либералами, о созыве Великого Народного собрания, на котором должен был окончательно решиться конституционный вопрос. Первым шагом в этом направлении должен был быть роспуск Народного собрания. Именно по этому вопросу шли острые споры. Суть их заключалась в том, что левое крыло либеральной партии было недовольно сентябрьским манифестом князя и согластательской политикой

Цанкова. По всей стране начали организовываться митинги с целью выразить недоверие правительству Цанкова и требования срочного роспуска Народного собрания.

В этой неприятной для себя ситуации он обратился за помощью к Ионину. По утверждению Цанкова, усиление левого крыла в либеральной партии приведет к тому, что "князь во все перестанет церемониться и выбросит его с его единомышленниками из министерства, а страна попадет в руки клики, которая только и ждет подобного исхода настоящих затруднений"<sup>28</sup>. Этот неутешительный прогноз Цанкова, сделавшего очередной поворот в своей тактике, побудил русского дипломата, как он сообщал в МИД, употребить все свое влияние "как на Цанкова, так и на его соперников или колеблющихся друзей, чтобы побудить их не действовать врозь, а как-нибудь собраться и выработать общий план действий"<sup>29</sup>. Далее, в своем донесении Ионин писал о состоявшемся в результате его усилий собрании в Русе, чьи участники приняли его советы "сойтись с Цанковым" и постановили послать в Софию делегатов для составления вместе с Цанковым общей программы действий<sup>30</sup>.

10 ноября было открыто совещание в столице. Делегаты требовали от Цанкова роспуска Народного собрания до начала его сессии, чтобы оно не успело узаконить проект изменений конституции и два законопроекта о переустройстве судов и об уничтожении народной милиции. Ионину, понимавшему всю затруднительность положения Цанкова, удалось убедить делегатов не спешить с требованием немедленного роспуска Народного собрания, обещая, полагаясь на заверения Цанкова, что законы о судах и милиции не пройдут, ибо совет министров отвергнет подобное решение Народного собрания, угрожая ему своей отставкой<sup>31</sup>.

Интересна информация Ионина о позиции либералов в конституционном вопросе. В своем сообщении от 26 ноября он подтверждал, что "в сущности делегаты не принимали особенно к сердцу неприкосновенность Тырновской конституции

и что весь вопрос заключался в способе, посредством которого эту конституцию хотели изменить. Они говорили, что теперешнее собрание есть плод своеволия, и что манифест 6 сентября, давший право этому собранию сделаться законодательным, есть также своеволие. Князь в Систове не уничтожил конституцию, а только отсрочил ее действие, поэтому теперь он может только отказаться от полномочий, чем *ipso facto* восстанавливается Тырновская конституция и никакая иная, а из этого следует, что если он хочет новой конституции, то он должен созвать ВНС". Далее русский дипломат сообщал, что либералы приняли два решения. Первое: согласиться на пересмотр конституции настоящим собранием, но при условии, что нововведения в основном законе не будут применяться на практике до созыва Великого Народного собрания, которое примет или отвергнет перемены. Второе: распустить Народное собрание в середине декабря, не обращая внимания на то, успеет оно или нет пересмотреть конституцию и вотировать бюджет<sup>32</sup>.

В период консолидации политических сил Ионин был нужен не только либералам, но и консерваторам. Именно умеренные консерваторы решили привлечь его на свою сторону, рассчитывая убрать из правительства самого Цанкова, обвинив его в таком "страшном грехе" как радикализм. Безусловно, некоторые моменты из политической биографии Цанкова можно было толковать как радикализм, но было бы наивным представлять его убежденным радикалом. Здесь надо говорить о том, что противники Цанкова опасались не надуманного радикализма, а самовластности Цанкова, его нетерпимости, проявляемой им при определенных условиях к соперникам.

Ионин писал в своем донесении от 1 декабря: "Консерваторы прислали ко мне сначала нескольких своих главных деятелей - Шивачева, Цачева и Даскалова. Они прямо объявили мне, что разрывают с вожаками своей партии - Начовичем и Стоиловым ... Они особенно негодовали на Цанкова, говоря, что он деспотически распоряжается в министерстве ... Они

уверяли меня, что он поведет страну к гибели, если останется во главе правительства". Депутация повторяла: "назначьте кого угодно, только не вожаков - Начовича, Стоилова и Цанкова ... Затем пусть Россия управляет, как угодно, пусть пришлет нам, наконец, министров"<sup>33</sup>.

Казалось, Ионин должен был согласиться на столь заманчивые предложения, превосходившие все смелые мечты русской дипломатии. Но он отказался, считая, что именно сохранение Цанкова на посту премьер-министра является лучшей гарантией против развития радикализма в княжестве. И весьма вероятно, что Ионин был прав, когда писал в Петербург, что настоящей целью консерваторов было стремление "смутить страну возможностью появления новых генералов, а затем ловить рыбу в мутной воде"<sup>34</sup>.

Как сообщал далее Ионин, консерваторы не оставили своих попыток заставить Цанкова оставить свой пост<sup>35</sup>.

Складывавшаяся политическая обстановка изобиловала сюрпризами. Неожиданности следовали одна за другой. Одной из них был законопроект об изменениях в конституции, подготовленный с участием Цанкова. В нем предусматривалось создание второй палаты, наделенной административными и законодательными функциями. 3 декабря состоялось чрезвычайное совещание либеральных депутатов со своими министрами. Несмотря на все доводы Цанкова и Балабанова, депутаты приняли решение голосовать против представленных изменений в конституции. Но 5 декабря правительство вместе с консервативными депутатами, не известив либералов, организовали экстренное закрытое заседание участников Народного собрания и провели законопроект об изменениях в конституции с условием, что его одобрит или отвергнет Великое Народное собрание, которое соберется через три года.

Поведение Цанкова и способ голосования вызвали бурю возмущения в стране. Но если проследить деятельность Цанкова, то можно отметить, что подобная "трансформация" не была случайной<sup>36</sup>. Будучи склонным к рискованным шагам,

решительным политиком всегда стремившимся к власти, к первенству, Цанков, как мне кажется, задумал осуществить здесь многоцелевую задачу. Во-первых, убедить как князя, так и Петербург в своей лояльности, представив себя сторонником изменения конституции в консервативном духе. Во-вторых, при фактическом восстановлении Тырновской конституции возложить на Великое Народное собрание окончательное решение вопроса о предлагаемых изменениях. В-третьих, сохранить на более долгий срок свою власть в правительстве, которая могла быть поколеблена левыми либералами в случае немедленного созыва Великого Народного собрания.

В целом, расчет Цанкова подтверждался. Так, князь считал принятие Цанковым "изменений в конституции нравственным для себя успехом"<sup>39</sup>. Отношение Ионина к вотированному законопроекту также было в целом положительным. Он придерживался такого мнения, что "если это - победа князя - то вряд ли это не - победа Пирра... На деле им напротив устанавливается режим Тырновской конституции ... С распусчением теперешнего Народного собрания, следующие выборы должны произойти по Тырновской конституции"<sup>40</sup>.

Но методы, которыми пользовался Цанков вели к падению его престижа среди либералов. В своем донесении в МИД от 12 декабря Ионин писал, что "третьего дня у меня было троє либеральных министров, чтобы обсудить сообща положение дела. Балабанов был так взволнован общим протестом, что хотел подавать в отставку, но я уговаривал его остаться и стараться напротив поправить втроем ошибку, которая несомненно была ими сделана ... Поправить дело можно следующим образом: 1) распустить немедленно Народное собрание, 2) заявить официально, что проектированные изменения в конституции не будут осуществлены до созывания ВНС, 3) сформировать однородное министерство с выходом в отставку Начовича и Стоилова ... Князю эти требования предъявлены, и он на все соглашается в принципе, обещая непременно распустить собрание не позже 20 декабря и при этом заявить в

тронной речи категорически и в первый раз в официальной форме, что полномочия окончательно прекращаются, и Тырновская конституция восстанавливается вполне до созвания ВНС"41.

Однако, как и подозревал Ионин, Александр I не спешил с выполнением обещания. Лишь 25 декабря Народное собрание было распущено. В стране отменялся "режим полномочий".

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. БИА-НБКМ, ф. I4, а.е. 3399, л. 38, К.Стоилов - Гр. Начовичу, 17/29 июня 1883 г.

2. Еще до августовского соглашения умеренные либералы неоднократно обсуждали вопрос о соглашении с консерваторами и зондировали почву для этого. - БИА-НБКМ, ф. II; а.е. 5, л. 298, Н.Стойчев - Д.Цанкову, 31 марта 1883 г.

3. Радев С. Строителите... С. 394; Димитров И. Князът... С. 171-174.

4. АВНР, ф. Главный архив У-А<sub>2</sub>, д. 921, л. 238-239, 258, А.С.Ионин - Н.К.Гирсу, октябрь, 1883 г.

5. Сказкин С.Д. Конец... С. 299.

6. АВНР, ф. Главный архив У-А<sub>2</sub>, д. 921, л. 102об. - 103об., 105об. - 107, 113об., А.С.Ионин - Н.К.Гирсу, 19 августа 1883 г.; Впервые некоторые материалы беседы князя с Иониным были опубликованы С.Д.Сказкиным в его книге Конец австро-русско-германского союза.

7. Там же, л. 121об.-122, 123, А.С.Ионин - Н.К.Гирсу, 21 августа 1883 г.

8. Сказкин С.Д. Конец... С. 307.

9. АВНР, ф. Главный архив У-А<sub>2</sub>, д. 921, л. 131об., 132 об.-133, 134, А.С.Ионин - Н.К.Гирсу. Следует добавить, что обещав Ионину сохранить генералов в правительстве, князь все же попытался устранить из него Соболева. С этой целью, как писал Ионин, он "предлагал мне самые невыгодные для себя самого меры, например: созвать тотчас же ВНС и провозгласить восстановление Тырновской конституции, или выдать готовую конституцию от себя тотчас же в силу полномочий, только чтобы поскорее перейти к конституционному режиму, при котором генерал мог бы тотчас удалиться". Однако русский дипломат, ссылаясь на недовольство Александра III в случае удаления генералов, отказался принять это предложение. В сущности, Ионин опасался того, что болгарский монарх не искренен в своих предложениях и может вновь пересмотреть все сделанное. - Там же, л. 136об. А.С.Ионин - Н.К.Гирсу, 21 августа 1883 г.

10. Мосолов А. България 1879-1883. Спомени. - Военно-исторически сборник, X, 1936, кн. 18. С. 121-124; Радев С. Строителите... С. 398-399.

11. АВНР, ф. Главный архив У-А<sub>2</sub>, д. 921, л. 156об.

А.С.Ионин - Н.К.Гирсу, 10 сентября 1883 г.

12. Там же, л. 15об.

13. Ионин сообщал в МИД следующую информацию о Госсосвете: "Прежде всего возник вопрос о совместности с конституцией Государственного совета... В Государственном совете этот вопрос был решен так: в виду того, что никаким актом или манифестом полномочия не отменены, а Тырновская конституция провозглашена лишь условно, то Государственный совет, существующий в силу полномочий, действует по-прежнему. В Собрании же это подправили тем, что до создания ВНС следует, оставив в прежнем положении Совет, - заставить его принести клятву конституции". - АВПР. ф. Главный архив У-А<sub>2</sub>, д. 921, л. 226, А.С. Ионин - Н.К.Гирсу, 21 сентября 1883 г.

14. Цит. по: Милэков П.Н. Болгарская... С. 43.

15. АВПР, ф. Главный архив У-А<sub>2</sub>, д. 921 и об., А.С.Ионин - Н.К.Гирсу, 21 сентября 1883 г.

16. См.: Вълков Г. Военният аспект на българо-руските отношения (1877-1885) - Сб. Външната политика на България 1878-1944, София, 1978. С. 34-42.

17. АВПР, ф. Главный архив У-А<sub>2</sub>, д. 921, л. 231об. - 232, А.С.Ионин - Н.К.Гирсу, 21 сентября 1883 г.

18. Сказкин С.Д. Конец... С. 322-326.

19. АВПР, ф. Главный архив У-А<sub>2</sub>, д. 921, л. 139об., А.С.Ионин - Н.К. Гирсу, 21 августа 1883 г.

20. Там же, л. 261об. - 262, А.С.Ионин - Н.К.Гирсу, октябрь 1883 г.

21. Возможно этот шаг консерваторов был вызван их страхом, что в противном случае не исключена будет возможность прямого вмешательства Петербурга в болгарские дела.

22. Головин А. Князь Александр I - болгарский (1879-1886). Варна, 1897. С. 298.

23. Как известно, около князя сформировался из русских офицеров определенный круг лиц, пользовавшихся влиянием в военном ведомстве и отстаивавших интересы монарха в борьбе за сохранение и упрочение своей власти. К нему принадлежал А.Ползиков - флигель адъютант князя и И.М.Лесовой - полковник, работник министерства, которого Александр I намеревался утвердить в должности министра.

24. Говоря о приверженцах князя среди русских офицеров, следует отметить, что они привыкли соединять свою службу и положение с Александром I и его политикой. Здесь имели значение самые различные факторы: финансовая независимость, дисциплина повиновения монарху и пр.

25. АВПР, ф. Главный архив У-А<sub>2</sub>, д. 921, л. 327 и об., А.С.Ионин - А.Е.Влангали, 6 ноября 1883 г.

26. Моллов Д. (1845-1914) - получил высшее медицинское образование в Москве, после освобождения Болгарии занимается организацией санитарного дела, участник Учредительного собрания, с сентября 1883 г. по июнь 1884 г. - министр народного просвещения.

27. АВПР, ф. Главный архив У-А<sub>2</sub>, д. 921, л. 354об.-355, А.С.Ионин - А.Е.Влангали, 7 ноября 1883 г.

28. Там же, л. 254 и об., А.С.Ионин - Н.К.Гирсу, октябрь 1883 г.

29. Там же, л. 364об. - 365, А.С.Ионин - А.Е.Влангали, 26 ноября 1883 г.

30. Там же, л. 365об.-366, А.С.Ионин - А.Е.Влангали, 26 ноября 1883 г.

31. Там же, л. 369об.-372.

32. Там же, л. 372об.-374 и об.

33. Там же, л. 390-393, А.С.Ионин-А.Е.Влангали, 1 декабря 1883 г.

34. Там же, л. 394об.-395.

35. Их план был таков: "Под тем или иным предлогом собрание должно было высказать недоверие министерству. Цанков потребовал бы тогда распушения собрания, но князь, основываясь на том, что оно не выполнило программы, заданной ему манифестом, принял бы отставку министерства ... и князь обратился бы к Бурмову, либералу, но умеренному, для составления нового кабинета. Бурмову предлагали следующие условия: он должен взять в министерство поровну либералов и консерваторов, дозволить настоящему собранию существовать пока оно не исчерпает всей своей программы (а программу эту можно растянуть хоть на два года) и затем добившись утверждения собранием проекта пересмотра конституции, не созывать ВНС, ... а для сохранения порядка в стране предложить проект изменения конституции на утверждение народа посредством плебисцита". Получив в принципе согласие Бурмова, консерваторы решили заручиться поддержкой Ионина, без которого нельзя было рассчитывать на беспорядный успех своего предприятия. С этой целью они и посоветовали самому претенденту на пост главы правительства обратиться к Ионину. Однако русский дипломат, как следовало и ожидать, отказал ему в поддержке, стараясь доказать, что его "просто хотят взять как орудие интриги и скомпрометировать". Цель князя - освободиться от Цанкова, и для этой цели он временно пожертвует Начовичем и Стоиловым. Но как только Бурмов составит министерство ... князь его прогонит, скомпрометирует других согласившихся с ним либералов, произведет в либеральной партии разнь и, говоря самой же России, что с болгарами из этой партии упрямлять нельзя вследствие постоянной вражды их между собою, призовет опять Начовича и Стоилова".

В конечном итоге, Ионин предупредил о плане консерваторов Цанкова и Балабанова, поспешивших заключить соглашение с участниками софийского совещания, и добившихся у князя официального приема последних. Казалось, что после этого приема, на котором Александр I торжественно заявил о своей солидарности с Цанковым, консерваторы должны были считать свое дело проигранным. Однако они не сдавались, переговоры с Бурмовым продолжались. По сообщению Ионина, он в случае успеха плана был намерен предложить все-таки князю распушить Народное собрание и принять правительство из либералов. - АВПР, ф. Главный архив У-А., д. 321,

л. 396 и об. - 397 и об., 400.

38. См.: Димитров И. Князът... С. 188-189, 192-193, 200-201.

39. АВВР, ф. Главный архив У-А, д. 921, л. 405, А.С.Ионин - А.Е.Влангали, 8 декабря 1883 г.

40. Там же.

41. Там же, л. 423об. - 424 об. А.С.Ионин - А.Е.Влангали, 12 декабря 1883 г.

#### ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.И.КОЯНДЕРА. МНИМЫЕ УСПЕХИ И ЯВНЫЕ ПРОВАЛЫ

Режим полномочий ушел в прошлое. Новый руководитель правительства Цанков, стремясь сосредоточить все нити управления у себя в руках, проводил властную политику в области государственного строительства. В начале 1884 г. был окончательно "похоронен" государственный совет, "политический кабинет" Александра I, где решались важные вопросы, преобразовывался в обычную канцелярию. Теперь уже не князь, а Цанков выступал как спаситель отечества и полновластный представитель интересов нации. Но полному торжеству либеральной партии мешала старая болезнь - междоусобица, разгоравшаяся в ее среде. Набиравшая силы оппозиция во главе с Каравеловым не упускала ни малейшей возможности для критики его политики по конституционному вопросу и, соответственно, сотрудничеству с консерваторами. В конечном итоге, майские выборы в Народное собрание показали громадное преимущество сторонников Каравелова, который и возглавил новое правительство после отставки Цанкова. На важный пост министра иностранных дел был назначен Илия Цанов<sup>1</sup>. К этому времени относится и назначение Ст.Стамболова председателем Народного собрания<sup>2</sup>.

На его фигуре следует остановиться особо. Стамболов принадлежал к числу тех исторических личностей, чья деятельность возбуждает споры до нашего времени. Ученик Одесской духовной семинарии - Стамболов - знакомится с трудами Н.Г.Чернышевского, П.Прудона, И.А.Бакунина, К.Маркса. По

возвращении в Болгарию активно включается в революционную деятельность, в частности, принимает участие в Старо-Загорском восстании 1875 года. Не лишенный поэтического дара он пишет ряд песен, которые распевались повстанческими отрядами по всей Болгарии. После освобождения страны быстро входит в группу лидеров либеральной партии. Это лишь некоторые черты из богатой политической биографии "Гладстона на Востоке", как называли Стамболова некоторые его современники. Впрочем, для наклеивания ярлыков его деятельность после 1885 г. вызвала самые различные оценки: от "тирана" до "спасителя Болгарии"<sup>3</sup>.

В Петербурге сдержанно следили за событиями в княжестве. Ионин, чья миссия безусловно подошла к концу, был отозван из Софии. Но смена дипломата не означала изменения жесткого курса. Русская дипломатия во главе с Александром III решила окончательно избавиться руками болгар от незадачливого самодержца, видя в нем корень всех бед, преследующих ее политику в княжестве.

Фактическое изгнание генералов Соболева и Каульбарса было расценено в Петербурге еще одним веским доказательством "неискренности" князя, уверявшего неоднократно царя в своей преданности. Любое проявление самостоятельности Александра I толковалось с подачи русских военных и дипломатических представителей как попытка выйти из-под контроля политики России, и, соответственно, сближения с ее противниками, в первую очередь с Англией и Австро-Венгрией. В условиях продолжавшегося глухого соперничества между великими державами самостоятельность болгарского князя была вовсе не тем качеством, которое требовалось от него. Болгарское княжество, бывшее постоянным поставщиком сюрпризов для русской дипломатии, (в которых она и сама принимала активное участие), внушало все большую тревогу в Петербурге. Из положения вечис догоняющей болгарские события русская дипломатия должна была стать самостоятельной силой, способной окончательно изжить свою деятельность в Болгарии. Из опекуна Александра I она превратилась в могучего инициатора его

удаления из страны.

х

Весной 1884 г. в болгарскую столицу прибыл новый дипломатический агент А.И.Кояндер. Главная задача его деятельности заключалась в проведении политики внешней безучастности при одновременной умелой и осторожной дискредитации князя. Судя по воспоминаниям Карцова, это был довольно ограниченный чиновник, приобретший известность твердостью во время своей службы в Китае. Однако его работа в Софии не дает права на такую однозначную оценку. В нем сочетались осторожность и безрассудство, косность и пронизательность. Это был дипломат, понимавший всю сложность своего положения в стране, где политические сюрпризы следовали один за другим. Вынужденный опираться на либералов за неимением другой базы, он писал директору Азиатского департамента И.А.Зиновьеву: "Пока в болгарском князе мы имеем врага, мы не можем опираться на него ... Пугать либералов консерваторами мы также не можем, потому что последние приверженцы враждебного нам князя ... не желая пользоваться армией, которая находится в наших руках, мы должны искать какой-либо опоры в среде болгар, а прямо сказать, что наименее враждебно относятся к нам либералы"<sup>4</sup>.

Время приезда Кояндера совпало с кризисом в болгаро-сербских отношениях по пограничному вопросу, бывшему постоянным источником споров и взаимных претензий. Урегулирование его было затруднено тем обстоятельством, что с 1885 г. с ним связывался вопрос о положении сербских политэмигрантов, укрывшихся на территории княжества после поражения Тимоцкого восстания. Не останавливаясь подробно на ходе конфликта, широко описанного в литературе<sup>5</sup>, следует лишь сказать, что политика Кояндера была достаточно продуманной.

С одной стороны, беспокоясь о мире на Балканах, он предостерегал от непродуманных действий болгарское правительство, встревоженное известиями о сосредоточении сербских отрядов на границе с целью захвата спорной территории.

С другой стороны, он же осуждал политику Александра I, успешнее частным образом – без согласования со своим правительством – договориться в конце 1884 года с королем Миланом об условиях разрешения кризиса<sup>6</sup>. Кояндер прямо советовал болгарским министрам, обращавшимся к нему за консультацией, не допускать соглашения на базе сербских предложений<sup>7</sup>. Скорее всего, что в договоренности этих двух балканских монархов Кояндер увидел прообраз возможного союза, который был бы крайне неприятен императорскому правительству, для которого имя Милана ассоциировалось с Австрией<sup>8</sup>.

По мере затягивания разрешения этого конфликта на повестку дня выдвигались проблемы внутренней политики. В конце 1884 года Каравелов создает комиссию по проверке расходования средств во время полномочий. Убеденный в недобросовестности консерваторов, он надеялся использовать результаты экономической проверки в чисто политических целях, т. е. для дискредитации своих противников. Однако вопрос этот оказался далеко не простым. Во-первых, министры были подчинены князю. Следовательно, Александр I мог быть обвинен в тех или иных нарушениях, если бы таковые нашлись. Во-вторых, среди министров были в свое время Соболев, Каульбарс, Ремлинген, что придавало дополнительную остроту решаемой задаче.

Все эти сложности не замедлили обнаружить себя. Князь, пытаясь спасти своих коллег, заявил Кояндеру, что эта мера направлена против него, как ответственного за все действия министров. В случае выдвижения против них обвинений он пригрозил передачей в комиссию ряда документов, компрометирующих Каравелова в незаконном расходовании средств на прессу в бытность пребывания его на посту премьер-министра в 1880-1881 гг. Кояндер, опасавшийся "всплытия" в материалах комиссии и имен русских министров, был вынужден поддержать князя и предупредить Каравелова о нежелательности кризиса в подобной ситуации<sup>9</sup>. Казалось, вопрос был исчерпан. Однако, на следующий день – 5 января 1885 г. – вза-

никла новая проблема, теперь уже напрямую связанная с именем Александра I.

Судя по материалам проверки работы Народного Государственного банка (основан 25 января 1879 г. Дондуковым-Корсаковым с капиталом 2 млн. левов), князь затягивал срок возврата ссуды в два миллиона франков, взятой под чрезвычайно низкие проценты. Узнав о появлении своего имени в документах комиссии, Александр I вновь обратился к Кояндеру с очередным заявлением о том, что деньги были взяты законно под залог его недвижимости. Появление же его имени в докладе комиссии было бы, по его словам, "началом конца": он будет вынужден "либо уехать из Болгарии, либо принять меры для защиты своей репутации"<sup>10</sup>.

Складывалась парадоксальная ситуация, когда князь обращался за защитой к русскому дипломатическому агенту, посланному вовсе не для покровительства и помощи ему, а с противоположными целями. Тем не менее просимая поддержка была оказана. Кояндер договорился с Цановым, чтобы имя Александра I не упоминалось в докладе о деятельности банка. Подобная предупредительность не кажется странной, если иметь в виду уже упоминавшуюся револу о репутации русских министров.

Эти опасения все же не замедлили подтвердиться во время проверки деятельности министерства внутренних дел, военного министерства. В подготовленных материалах порицались действия Эрнота, Ремлингена, Соболева. В чем же они были виноваты? Эрнот обвинился в расходовании средств на непредусмотренные в бюджете должности чрезвычайных комиссаров. Соболев - в финансовой поддержке газет "Работа" и "Балкан" (первая выходила с 30 августа по 23 декабря 1882 года, издавалась Анастасией Головиной - женой сотрудника политического кабинета князя А.Ф.Головина; главной задачей была пропаганда политики Александра I за рубежом; вторая - орган правительства Соболева - печаталась с 18.1.1883 г. по 12.X.1883 г., ее материалы были посвящены пропаганде

политики правительства)<sup>11</sup>. Ремлингену ставилось в вину организация тайной полиции. Фактически, это были политические обвинения, так как присвоения казенных сумм русскими министрами не было, зафиксирован лишь незаконный перенос части средств из одной сметы в другую. Но все же обнаружение этих сведений в Народном собрании могло причинить неприятности русской дипломатии. Напряженность Кояндера несколько спала после полученного обещания от членов комиссии и правительства не затрагивать имена русских министров в докладах к Народному собранию. От правительства удалось дополнительно добиться, чтобы доклад по Военному министерству был перенесен на осень<sup>12</sup>.

Гирса одобрил настойчивость Кояндера по предотвращению появления русских имен в докладах. Тем не менее он не успевал подчеркнуть, что "было бы несогласно с нашими видами охранять князя от справедливых обвинений, к коим поведут разоблачения"<sup>13</sup>. Внушения Гирса, по-видимому, вызвали раздражение у Кояндера, считавшего, что требуемая от него политика может быть разумной только в том случае, когда все будет готово к смене князя и, самое основное, кандидат в болгарские монархи будет подыскан<sup>14</sup>.

Информируя Зиновьева о настроениях политических кругов княжества по вопросу свержения Александра I, Кояндер приводит чрезвычайно интересное высказывание Стамболова, утверждавшего, что "от князя можно отделаться только силой, т.е. арестовать его и выпроводить с конвоем за пределы княжества ... на время междуцарствия власть должна находиться в крепких и сильных руках какого-нибудь диктатора. Но кто употребит эту силу против князя? и кто явится диктатором? - вот вопросы, на которые ответ может дать Петербург, т.к. армия в наших руках, а кандидатов в диктаторы среди болгар нет"<sup>15</sup>. (Стамболов оказался прав в первой части относительно способа низвержения князя, но во второй - ошибался. Диктатором стал именно он.) Одобряя мнение Стамболова, пришедшего к столь темному сердцу по-

добному заключению, Кояндер подчеркивал необходимость дать еще болгарам "некоторое время похозяйничать", чтобы они сами пришли к тому же выводу, которому последовали древние жители Новгорода<sup>16</sup>.

Задачей сохранения Болгарии за Россией руководствовался Кояндер и при решении княжеством экономических проблем. В полной мере это относилось к строительству и эксплуатации железной дороги Цариброд-Вакарел. На ее строительство правительство рассчитывало потратить не более 17 млн. франков, из которых 10 млн. должны были быть взяты из резервного фонда, а остальная сумма обеспечивалась бы через заем из расчета 5% годовых. Эти деньги Каравелов предполагал получить от обещавшей оказать помощь России. Строительство должно было быть сдано с публичных торгов. При равных условиях отечественный подрядчик получал предпочтение перед иностранными дельцами. В Народном собрании было принято специальное решение о том, что будущая дорога станет эксплуатироваться только болгарским правительством. Такие решения предохраняли железнодорожное строительство и дальнейшую эксплуатацию от иностранных банков и компаний. Тем не менее в условиях нестабильности политического положения правила ~~эксплуатации~~ под предлогом отсутствия необходимых специалистов могли быть изменены.

Именно это имел в виду Кояндер в письме к Гирсу от 5 февраля 1886 года. Он предлагал связать выдачу ссуды с обязательством Болгарии не отдавать эксплуатацию железнодорожной линии ни в чьи руки, не запросив предварительно Россию, т.е. предоставляя ей преимущественное право в случае согласия взять эксплуатацию этой линии на себя. Это предложение было сообщено Кояндером Каравелову, который был настроен выдать подобное обязательство<sup>17</sup>.

Причина подобной уступчивости премьер-министра объясняется тем, что он во внешней политике ориентировался на Россию, признавая ее право на своеобразное опекуничество над княжеством. Именно от России либералы ожидали поддержки в

деле восстановления границ Сан-Стефанской Болгарии. Они не были заинтересованы в той переориентации страны, о какой мечтали некоторые консерваторы, видевшие в России угрозу для свободного развития страны и рассчитывавшие найти опору в Германии, которая не обладает широким влиянием в стране и расположена далеко от болгарских границ<sup>18</sup>.

Именно это и сближало Каравелова с Кояндером. Подтверждением этого служит история с постановкой вопроса о расширении сети болгарских дипломатических агентств. Для этой цели в бюджете была официально предусмотрена сумма в 100 тыс. фр. Александр I, рассчитывавший открыть свои представительства в Петербурге, а также в Вене или Лондоне, не замедлил в марте переговорить по этому предмету с Кояндером. Однако русский дипломатический агент не спешил отправлять донесение в Петербург, не узнав мнения Каравелова. Премьер-министр как, вероятно, и ожидал Кояндер, резко выступил против. Его аргументация была построена на том, что пребывание княжеского представителя в Петербурге приведет только к интригам и осложнениям в болгаро-русских отношениях. Так же резко Каравелов выступил и против открытия дипломатического агентства в Вене, считая, что для князя это "составляет предмет самых горячих его желаний, но ... вполне противно интересам Болгарии, не желающей вовсе подобного сближения с Австрией". Раскрывая секрет ассигнований, Каравелов подчеркнул, что 100 тыс. фр. должны пойти не на открытие дипагентств в Европе, а на содержание негласного агента в Македонии и, может быть, на открытие дипломатического представительства в Афинах<sup>19</sup>.

Для Гирса с Александром III подобное донесение Кояндера было еще одним свидетельством ненадежности Александра I, пытавшегося вырваться из-под контроля как Турции, так и России. Соответственно, идея князя была провалена. Здесь только надо добавить, что из одобрительных помет Александра III и Гирса следовало, что они не возражают против активизации политики в Македонии путем планируемой Каравеловым

меры<sup>20</sup>.

Императорское правительство использовало македонскую проблематику для поддержания уверенности болгар в том, что Россия является защитницей македонских болгар. Так, в связи с ходатайством Стамболова к императору об их защите, Кояндер в феврале получил письмо от Гирса, в котором сообщалось, что положение в Македонии уже и ранее привлекало внимание царя и что "посольству в Константинополе агентам нашим предписано оказывать покровительство и заступничество болгарскому населению"<sup>21</sup>. Но в то же время русская дипломатия категорически выступала против любой агитации, направленной на поднятиe восстания в Македонии<sup>22</sup>.

Как видно из документов, политика внешней безучастности была дырявой ширмой, которая не столько скрывала, сколько позволяла видеть действительные замыслы Петербурга с его главным министром иностранных дел Александром Ш.

Их осуществление во многом предопределялось политикой правящей партии. Делая ставку на Каравелова, Кояндер должен был поддерживать его в борьбе с соединенной оппозицией, возглавляемой Стоиловым и Цанковым. Не имея сил бороться с Каравеловым в стенах Народного собрания, лидеры оппозиции намеревались "взорвать" правительство изнутри. Для достижения своей цели было решено использовать фигуру одного из популярных деятелей либеральной партии Н. Сукнарова<sup>23</sup>, обиженного тем, что Каравелов не приглашал его войти в состав кабинета министров.

Однако у Кояндера он вызывал обоснованное недоверие. Сукнарлов, во время политической борьбы с правительством Цанкова, как писал Кояндер, "для доставления успеха Каравелову распускал про Россию и ее намерения самые нелепые слухи". Не веря в его русофильство, Кояндер, тем не менее, для обеспечения стабильности в партии Каравелова советовал последнему принять его в число членов кабинета министров, где вскоре должна была открыться вакансия<sup>24</sup>.

31 января Сукнарлов был назначен на пост министра внут-

ренных дел вместо П.Славейкова<sup>25</sup>, вышедшего в отставку по возрасту. Войдя в правительство, Сукнаров, как и надеялись оппозиционеры, начал проводить независимую политику. Кризис стал неминуем после публикации Сукнаровым письма в цанковистской газете "Средец" с нападками на политику Каравелова. В частности, Сукнаров упрекал премьер-министра в нетерпимости и своеволии, в стремлении управлять всеми делами, оставляя на долю самих министров лишь ответственность<sup>26</sup>.

Его обвинения были довольно стандартными и могли быть отнесены к самому Сукнарову или Цанкову, отличавшемуся еще большей нетерпимостью и самовластностью. Тем не менее брошенный вызов был принят Каравеловым, поставившим перед князем вопрос об отставке Сукнарова. Конечно, Александр I был настроен на защиту министра внутренних дел, поддерживаемого консерваторами, рвавшимися к власти в союзе с цанковистами. Но в этой сложной ситуации князь все же не рискнул взять на себя всю ответственность и опять-таки обратился за советом к Кояндеру. Русский дипломат, понимавший что Сукнаров является лишь игрушкой в руках объединенной оппозиции, высказался за отставку. Заявлявший неоднократно о своем желании следовать советам России, Александр I был вынужден 20 марта подписать указ о выходе Сукнарова из правительства.

Сукнаровский кризис, казалось, утвердил Каравелова в мысли, что дальнейшее пребывание князя на престоле может привести к возникновению новых осложнений в управлении страной. В начале мая премьер-министр открыто заявляет русскому дипломату о невозможности правильного развития княжества, пока Александр I является монархом. В той же открытой манере он пожелал получить ответ о позиции Петербурга.

Кояндер, отбросив обычную сдержанность, высказался довольно определенно, заявив, что "императорское правительство существенно потеряло доверие к князю и что оно не

поставит препятствий к его отъезду из страны, если бы болгары нашли невозможным долее жить с ним"<sup>28</sup>.

Такой же вопрос поставил и незамедлительно и его соперник Цанков. Увидевший, что без санкции императора все его планы будут обречены на провал, он сделал решительный и крутой поворот от союза с консерваторами на союз с Россией. Получив ответ о слабых видах на примирение императора с князем, он также высказался за удаление князя. Больше того, Цанков был готов забыть старое соперничество и предоставить себя в распоряжение Каравелова — этого "сумашедшего", с которым он отказался пойти на примирение в 1884 г.<sup>29</sup> Цанков оставил лишь условием соглашения предоставление ему места дипломатического агента в Константинополе и обеспечение для ряда своих сторонников должностей в государственном аппарате.

После таких заявлений Кояндер устроил 4 мая их встречу. Он подчеркнул вначале собравшимся у него в дипломатическом агентстве лидерам свою готовность ходатайствовать о "прощении" князя в случае их заявления о "полезности" Александра I для княжества. После этой дипломатической преамбулы он прямо заявил, что "Россия едва ли может искренне желать объединения Болгарии под скипетром столь враждебного ей князя". Перед столь сильным доводом у Каравелова и Цанкова должны были исчезнуть последние сомнения относительно судьбы Александра I. Расчет Кояндера, казался, безошибочным. Однако ни Каравелов, ни Цанков, повторив свое мнение о князе, не спешили с заключением письменного соглашения.<sup>30</sup>

По свидетельству Цанкова, приводимого у Радева, предполагаемое соглашение, составленное Каравеловым, должно было храниться у Кояндера<sup>31</sup>. Возможно, это условие насторожило Каравелова, понимавшего, что с момента подписания документа и вручения его русскому дипломатическому агенту, он и его партия могут стать жертвой какой-либо интриги как со стороны Кояндера, так и Цанкова, особенно последнего. Содержащиеся у Радева и в материалах Кояндера даль-

нейшие сведения о переговорах уже с участием Стамболова несколько противоречивы<sup>32</sup>. Однако вывод можно сделать лишь один: только подозрительность мешала подписать программу о совместных действиях. Каравелов явно не доверял - и не без оснований - Цанкову.

После неудачи с примирением Кояндер горько писал Зиновьеву, что в существующих условиях лишь русские офицеры являются гарантами внутреннего порядка в стране. "Без них здесь, - как он подчеркивал, - дошли бы до полной анархии, для избавления от которой болгары, вероятно, опять обратились бы к нам. Средство это, конечно, очень рискованное и может повести к осложнениям или результату противоположному тому, который мы ожидаем. Но ... без принятия радикальных мер, мы все равно рискуем потерять Болгарию в очень недалеком будущем"<sup>33</sup>.

Тревога и некоторая растерянность Кояндера, оставшегося окруженным лишь небольшим числом приверженцев Цанкова и несколькими черногорскими эмигрантами, была объяснима. Александр I, несмотря на все свои заверения в преданности России, по-прежнему жаловался своим приближенным, что она мешает ему облагодетельствовать болгарский народ. Правительство Каравелова, ранее получавшее поддержку от Кояндера в борьбе с князем и оппозицией, отдалились от русского дипломата.

В числе причин такого ненормального состояния, как глухо писал Кояндер в Петербург, были некоторые недобросовестные поступки Каравелова по отношению к нему, а также требования русской дипломатии о прекращении перехода в Македонию отдельных чет<sup>34</sup>.

Надо сказать, что Кояндер был явно несправедлив к Каравелову в македонском вопросе. Премьер-министр, как известно, не был сторонником идеи освобождения Македонии при помощи мелких чет. Его распоряжения были направлены к запрету их проникновения туда с территории княжества. Возможный предлог для обвинения Каравелова в потворстве маке-

донским комитетам, организуемым в Болгарии<sup>35</sup>, послужила авантюра с четой А.И. Калмыкова (бывший казацкий офицер, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг.)<sup>36</sup>, перешедшей границу и разбитой турецкими частями в мае 1885 г. Но даже и в этом случае Кояндер не мог обвинять Каравелова, так как его имя упоминалось в оппозиционной прессе как виновника разгрома отряда<sup>37</sup>.

Заостряя вопрос о тактике Каравелова и его сторонников, не сделавших решительного шага к устранению князя, Кояндер писал, что "можно лишь пожалеть о том, что болгарская так называемая интеллигенция, забыв горькие уроки прошлого, предпочитает лучше опираться на князя Александра, чем идти об руку с ненавидимой ею в глубине души Россией. Болгары надеются, что они всегда сумеют справиться с князем, т.к. рассчитывают на невозможность его примирения с нами"<sup>38</sup>

Безусловно, подобное откровение свидетельствовало о пронизательности Кояндера, увидевшего, что поставленная перед ним задача оказалась невыполнимой.

Будучи фактическим затворником агентства, Кояндер превращается в обычного регистратора событий. Но это было бы не совсем точным определением. Находясь в этом незавидном для дипломата великой державы положении, Кояндер выступает, скорее, обличителем.

Одно из наиболее интересных донесений такого характера было посвящено процессу над Д.Петковым - редактором бульварной газеты "Свирка" ("Свисток"), в которой Александр I был обвинен "в краже отпускаемых на содержание дворца и другие подобные расходы денег". По приговору суда, как пишет Кояндер, он был оштрафован на 600 франков, собранных по подписке в зале суда, причем первый взнос внес прокурор<sup>39</sup>.

Подобным донесением Кояндер преследовал несколько целей: показать чрезмерную по российским меркам свободу печати, закрепить негативное мнение в императорском правительстве об Александре I, подчеркнуть пренебрежительное

мнение самих болгар о князе.

Последнее "громкое" дело Кояндера было связано с известной историей по поводу статьи В. Живковой в первом номере журнала "Современный показатель" (основан Д. Благоевым и В. Живковой с целью распространения начал научного социализма). Увидев в статье резкую критику России, ее устройства и положения общества, Кояндер немедленно потребовал официального извинения правительства, порицания им содержания статьи, как оскорбительной для каждого истинно русского человека. Но опираясь на свободу печати, Каравелов уклонился от принятия требуемых мер. Усмотрев в этом поведении правительства акт враждебности к стране-освободительнице, Кояндер решился 22 июня на отправку ноты в разрыве им, как русского, личных и полуофициальных сношений с кабинетом министров<sup>41</sup>. Только эта мера, которую можно расценить как акт вмешательства во внутренние дела Болгарии, заставила болгарское правительство уступить и уволить Живкову.

Сообщая о своей победе, Кояндер и здесь не упустил случая подчеркнуть, что первоначальный отказ в удовлетворении его требования был вызван "если не под влиянием, то с согласия князя Александра"<sup>41</sup>. Фактически, русский дипломат уже не столько занимался дискредитацией князя в глазах болгар, сколько в мнении Александра III, раздражение которого против Александра I возрастало с каждым донесением своего представителя. Тем не менее, он был вынужден сохранять внешнее хладнокровие, хотя оно ему, судя по пометам, давалось нелегко. На стол императора ложились одна за другой депеши о тревожном состоянии русско-болгарских отношений.

18 июля он получил из Софии сведения о существовании антирусского соглашения между Александром I и Каравеловым. Его цель, судя по непроверенным данным Кояндера, состояла в устранении из болгарской армии русских офицеров-инструкторов<sup>42</sup>. По свидетельству Карцова, их положение значительно ухудшилось после заключения военной конвенции 1883 года. С одной стороны они должны были повиноваться

Александр I, а с другой, согласно секретной инструкции военного министра им предписывалось "отклонять всякие авансы". Отношения между русскими инструкторами и болгарскими офицерами не были идиллическими. Участились случаи столкновений между ними. Болгарская армия хотела быть болгарской и по своему командному составу<sup>43</sup>. Безусловно, как Александр I, так и Каравелов понимали, что пока армией командуют русские офицеры нельзя говорить о действительной независимости страны. Кояндер, как уже подчеркивалось, также понимал все значение армии под руководством своих соотечественников. Перспектива отставки русских офицеров означала бы еще один значительный удар по русской политике. Выход из предрекаемого в стране кризиса, который может произойти по малейшему поводу, даже независимо от действий правительства, Кояндер видел в своем отъезде вместе с офицерами. Оценивая положение в мрачном свете, Кояндер даже предлагал простить князя и, таким образом, найти в нем опору<sup>44</sup>.

На эти сумбурные и сбивчивые предложения Кояндера после долгого молчания пришли ответы за подписями И.А.Зиновьева и А.А.Влангали. Руководители Кояндера, находя вопрос отъезда преждевременным и опасным, разрешили агенту пойти лишь на некоторое сближение с Александром I с целью отрезвления Каравелова<sup>45</sup>.

Однако эти расплывчатые инструкции не удовлетворяли Кояндера. Сведения о свидании и разговоре военного министра М.А.Кантакузена с Александром I, вернувшимся из Англии со свадьбой своего брата, еще больше укрепили Кояндера в необходимости принятия кардинальных мер императорским правительством.

В этих энергичных мерах был заинтересован и болгарский князь, находившийся в том же изолированном положении как и Кояндер, с той лишь разницей, что в числе его неприятелей находился и царь. Рассчитывая, что содержание разговора будет известно в Петербурге, Александр I заявил Кантакузе-

ну буквально следующее: "В Болгарии есть две силы - Россия и я - и они должны действовать в согласии. При этом условии все здешние деятели в роде Каравелова, Цанкова, Стоилова и проч., не значат ничего ... Ни России, ни мне ни на одну из так называемых партий положиться нет никакой возможности; они обманывают нас и эксплуатируют наше взаимное недоверие и наши неприязненные отношения. Я вполне сознаю, что подобное положение долго продолжаться не может; нужно или чтобы меня пустили в Петербург, или чтобы я ушел из Болгарии. Эту дилемму я поставил проездом через Вену князю Лобанову, который дал мне честное слово доложить наш разговор императору. Я еду 12-го числа на маневры в Австрию. Главная цель моего путешествия встретиться с Лобановым, который даст мне наконец категорический ответ"<sup>46</sup>.

Подобное заявление с упором на союз монархов представляло гораздо больший интерес, чем бесконечные уверения князя в преданности России. Позиция Александра I о невозможности продления существующего положения в стране была поддержана Кояндером, горько писавшим о проповеди вражды и ненависти к России, воспитании молодежи на учениях Лаврова и Чернышевского<sup>47</sup>. Выход из этого тупика Кояндер видел в реализации одного из четырех предлагаемых вариантов спасения княжества: "1. оккупация княжества и назначение русского генерал-губернатора 2. удаление князя Александра и замена его человеком вполне нам преданным 3. примирение с настоящим князем на известных условиях, напр., составление русского министерства, приостановка действия конституции и т.п. ... 4. отзыв агента и офицеров в случае, если сами болгары не исполнят того, что мы считаем необходимым для их блага, т.е. ограничения поименованных "свобод", уничтожения разных "прав". По его мнению, "наиболее легким, но зато и самым рискованным с точки зрения достижения желаемого результата - это примирение с князем"<sup>48</sup>.

Фактически, Кояндер предлагал перейти от политики внешней безучастности как не эффективной к политике грубого вмешательства и применению силы для достижения заданной цели. Путь же примирения с князем, по моему, был флером.

В Петербурге донесение Кояндера было положено "под сукно". Тем не менее, судя по дальнейшим событиям, заявление князя произвело определенное впечатление, но без каких-либо конкретных результатов. Во время встречи Гирса с Александром I в Францесбадене обсуждались проблемы русско-болгарских отношений. Однако записей о ней пока не найдено. В исторической литературе известно лишь то, что в ответ на предупреждение Гирса Александр I заверил его в том, что Болгарское княжество без разрешения России не предпримет каких-либо действий, нарушающих статус-кво на Балканском полуострове. Предполагавшаяся встреча Гирса с Кояндером, откуда можно было бы узнать о содержании разговора в Францесбадене, не состоялась из-за просьб самого Кояндера об ее отсрочке.<sup>49</sup>

Весть о соединении княжества с Восточной Румелией делала эту встречу излишней.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Илия Цанов (1835-1901) - образование получил в Швицове, работал долгое время адвокатом, увлекался журналистикой. Во время действия на территории страны Временного русского управления был помощником софийского градоначальника. Участник Учредительного собрания. Член либеральной партии.

2. После назначения Каравелова премьер-министром страны Стамболов становится председателем Народного собрания.

3. См.: Стефан Стамболов - революционер и книжник (Материалы от Националната сесия, проведена на 5 декември 1984 г.). В. Търново, 1987 г.

4. АВПР, ф. Политархив, д. 1280, л. 484, А.И.Кояндер - И.А.Зиновьеву, 14 марта 1885 г.

5. См.: Вучкович В. Дипломатска историја Српско-бугарског рата (1885-1886). Београд, 1956; Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини деветнаестог века. Књига друга. От прогласа независимости Србије до абдикације краља Милана 1878-1889. Београд, 1924; Пантев А. Емигрантският въпрос в българо-сръбските отношения

(1883-1886). - Векове, 1973, кн. 4: Стателова Е. Дипломатията на княжество България 1879-1886. София, 1979.

6. Предложенные сербским королем Миланом и принятые за основу Александром I условия сводились к удалению политэмигрантов от границы на 50 км. и урегулированию вопроса о спорном клочке земли (Бреговском луге) особой сербо-болгарской комиссией на базе территориальной компенсации, но с оговоркой, что до начала работы комиссии на спорной территории восстанавливается статус кво ante. - БИА-ПБКМ, ф. 271, а.е. 23, л. 21, 22, 39. А.Баттенберг - М.Обреновичу, 5/17 ноября 1884 г.; АВПР, ф. Политархив, д. 428, л. 232, А.И.Персиани - Н.К.Гирсу, 25 ноября 1884г. - Но болгарское правительство, считая предложения Милана чрезмерными, выдвинуло свои контрпредложения: удаление эмигрантов на 20 км. от границы и передача спорной территории княжеству взамен вознаграждения. Однако правительство М.Гарашанина отказалось рассматривать болгарские условия примирения. Сербский премьер-министр прямо заявил официально представителю болгарских интересов в Белграде русскому дипломатическому агенту в Сербском княжестве А.И.Персиани, что "Не сербскому же правительству делать Болгарии большие уступки, чем требует от него ее собственный князь". - АВПР, ф. Политархив, д. 428, л. 243об.-251об., А.И.Персиани - Н.К.Гирсу, 29 декабря 1884 г.

7. Вышната политика на България. Документи и материали. 1879-1886. София, 1978, т. I. С. 540.

8. После Берлинского конгресса влияние России на Сербию несколько ослабло, чем не замедлила воспользоваться Австро-Венгрия, стремившаяся политически и экономически укрепить свое влияние в этой стране. Ориентация короля Милана и напредничкой партии на Австро-Венгрию облегчала эту задачу. Наглядно проявилась политика правящих кругов в заключении неравноправного торгового договора 1881 г., в отказе от сотрудничества с Болгарией и Румынией по Дунайскому вопросу. Орган либеральной партии газета "Српска независност" писала, что глава правительства М.Широцанац, поддерживая Австрию, содействует концентрации экономического оборота с севера, востока и запада в ее руках. В статье подчеркивалась фальшивость патриотизма напредничкой партии и ее лидера: "За любовь к Австрии он оставил союз восточных народов, покинул Болгарию и Румынию, оскорбил Россию, потерял друзей сербских, а Сербию оставил в одиночестве" - Српска независност. 1881. № 42. 15 декабря. С. 173.

9. АВПР, ф. Политархив, д. 1280, л. 9-13, А.И.Кояндер - Н.К.Гирсу, 18 января 1885 г.

10. Там же, л. 13об.

11. Радев С. Строителите ... С. 372-373, прим. С. 822,

837.

12. АВПР, ф. Политархив, д. 1280, л. 17-22об., А.И.Кояндер - Н.К.Гирсу, 18 января 1885 г.

13. АВПР, ф. Политархив, д. 1281, л. 6, Н.К.Гирс -

- А.И.Кояндеру, 13 января 1885 г.  
14. АВПР, ф. Политархив, д. 1280, л. 477, А.И.Кояндер - И.А.Зиновьеву, 18 января 1885 г.  
15. Там же.  
16. Там же.  
17. АВПР, ф. Политархив, д. 1280, л. 52-55, А.И.Кояндер - Н.К.Гирсу, 5 февраля 1885 г.  
18. ЦДА, ф. 600, оп. I, а.е. 263, л. 16-17, Гр. Начо-вич - К.Стоилову, 26 октября 1884 г.  
19. АВПР, ф. Политархив, д. 1280, л. 74-77об., А.И.Кояндер - Н.К.Гирсу, 14 марта 1885 г.  
20. Там же, л. 77об.  
21. АВПР, ф. Политархив, д. 1281, л. 13, Н.К.Гирс - А.И.Кояндеру, 6 февраля 1885 г.  
22. АВПР, ф. Политархив, д. 1280, л. 84-85об., А.И.Кояндер - Н.К.Гирсу, 14 марта 1885 г.  
23. Никола Сукнарв (1848-1894 или 1895) - образование завершил на юридическом факультете Белградской Великой школы, после освобождения Болгарии работает юристом на различных должностях, в 1883 г. - софийский градоначальник.  
24. АВПР, ф. Политархив, д. 1280, л. 26об. - 30об., А.И.Кояндер - Н.К.Гирсу, 18 января 1885 г.  
25. Петко Славейков (1827-1895) - образование получил в Болгарии, активный участник борьбы по церковно-национальному вопросу, учитель, писатель, журналист, книгоиздатель. Участник войны 1877-1878 гг. Один из лидеров либеральной партии.  
26. АВПР, ф. Политархив, д. 1280, л. 115, А.И.Кояндер - Н.К.Гирсу, 30 марта 1885 г.  
27. АВПР, ф. Политархив, д. 1282, л. 19, А.И.Кояндер - МИД, 17 марта 1885 г.; там же, л. 22, А.И.Кояндер - МИД, 20 марта 1885 г.; там же, д. 1280, л. 105-114, А.И.Кояндер - Н.К.Гирсу, 30 марта 1885 г.; Радев С. Строителите... С. 458-459.  
28. АВПР, ф. Политархив, д. 1280, л. 489-490, А.И.Кояндер - Н.К.Гирсу, 8/20 мая 1885 г.  
29. Радев С. Строителите... С. 439.  
30. АВПР, ф. Политархив, д. 1280, л. 489, А.И.Кояндер - Н.К.Гирсу, 8/20 мая 1885 г.  
31. Радев С. Строителите... С. 447.  
32. АВПР, ф. Политархив, д. 1280, л. 495-496об., А.И.Кояндер - И.А. Зиновьеву, 7/19 июля 1885 г.; Радев С. Строителите... С. 448.  
33. АВПР, ф. Политархив, д. 1280, л. 497-498, А.И.Кояндер - И.А. Зиновьеву, 7/19 июля 1885 г.  
34. АВПР, ф. Политархив, д. 1280, л. 247-248, А.И.Кояндер - Н.К.Гирсу, 17 июля 1885 г.  
35. Македонские патриотические общества и организации создавались на территории Болгарского княжества и Восточной Румелии с 1880 года. Формируются четы для перехода в Македонию с целью спровоцировать восстание. Каравелов, по свидетельству Радева, входил в македонское благотворительное

общество. - Радев С. Строителите... С. 460; Историја на македонскиот народ. Скопје, 1969, книга втора. С. 128.

36. Калмыков А.И. (неизв. - 1885) - активный участник Кресненско-Разложского восстания 1878-1879 гг. Во главе отряда, организованного софийским комитетом "Единство" в 1885 г. перешел в Македонию, где погиб.

37. Радев С. Строителите... С. 460-462.

38. АВПР, ф. Политархив, д. 1280, л. 249, А.И.Кояндер - Н.К.Гирсу, 17 июля 1885 г.

39. Там же, л. 258-259, А.И.Кояндер - Н.К.Гирсу, 20 июня 1885 г.

40. АВПР, ф. Политархив, д. 1282, л. 35, А.И.Кояндер - МИД, 22 июня 1885 г.

41. Там же, л. 36, А.И.Кояндер - МИД, 24 июня/6 июля 1885 г.

42. Там же, л. 39, А.И.Кояндер - МИД, 18 июля 1885 г.

43. Карнов Д.С. Семь лет... С. 237-240.

44. АВПР, ф. Политархив, д. 1282, л. 39-40, А.И.Кояндер - МИД, 18 июля 1885 г.

45. АВПР, ф. Политархив, д. 1281, л. 29, А.А.Влангали - А.И.Кояндеру, 31 июля 1885 г.; там же, л. 32-34, И.А.Зиновьев - А.И.Кояндеру, 2 августа 1885 г.

46. АВПР, ф. Политархив, д. 1280, л. 499об., А.И.Кояндер - А.А.Влангали, 4 августа 1885 г.

47. Безусловно, Кояндер преувеличивал влияние Лаврова и Чернышевского на болгарскую молодежь, которая по своему уровню самосознания была неоднородной. Прежде всего, это утверждение русского дипломата относилось к молодежи болгарских городов, где имелись большие возможности для получения информации о социалистических идеях. Определенную роль в их распространении играла небольшая группа русских революционеров, нашедших себе приют на болгарской территории. - См.: Гросул В.И. Революционная Россия и Балканы (1834-1883). М., 1980; того же автора. Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883-1895 гг. М., 1988.

Обращаясь к словам о "вражде и ненависти к России", надо отметить, что эти чувства, приписываемые, судя по контексту, представителям левого крыла либеральной партии, относились к самодержавию с его гонениями на своих политических противников, но не к русскому народу.

48. АВПР, ф. Политархив, д. 1280, л. 500-501. А.И.Кояндер - А.А.Влангали, 4 августа 1885 г.

49. АВПР, ф. Политархив, д. 1282, л. 45, А.И.Кояндер - МИД, 25 августа 1885 г.; там же, л. 48, А.И.Кояндер - МИД, 2 сентября 1885 г.; там же, д. 1281, л. 40, И.А.Зиновьев - А.И.Кояндеру, 4 сентября 1885 г.

## ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ. ОТ РУМЕЛИЙСКОГО ПЕРЕВОРОТА ДО ВОЕННОГО ПРОМУНЦИАМЕНТА

Воссоединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством состоялось под эгидой Болгарского тайного центрального революционного комитета. Позволю напомнить читателю несколько фактов из истории движения за объединение болгарских земель<sup>1</sup>.

Работа активистов этого движения привела к тому, что весной 1880 года в Софии с ведома и одобрения князя проходило собрание представителей княжества и Восточной Румелии. По результатам встречи был принят ряд соответствующих решений. Самое важное относилось к созданию в Восточной Румелии центрального тайного комитета для "организации и управления народными силами в Южной Болгарии"<sup>2</sup>. Однако эта деятельность была заторможена в связи с борьбой по конституционному вопросу.

Политика России также не отличалась активностью. Ее правительство не собиралось открыто идти на нарушение Берлинского трактата. Можно лишь напомнить об известном договоре 1881 года между Россией с Австро-Венгрией и Германией, обеспечивавший нейтралитет этих двух европейских империй в случае возникновения русско-турецкой или русско-английской войны. По настоянию русской стороны в протокол была внесена фраза о том, что его участники не будут противиться воссоединению княжества с Восточной Румелией "в случае, если бы этот вопрос был выдвинут силой вещей". Фактически, эта формулировка означала, что воссоединение будет возможно лишь в случае войны за "турецкое наследство". К войне же Россия, недавно перенесшая все тяготы кампании 1877-1878 гг., не была готова. Ей нужно было время для накопления сил и модернизации своего вооружения. 15/27 марта 1884 г. Н.А.Орлов, О.Бисмарк и Э.Сеченьи скрепили своими подписями в Берлине продление соглашения еще на три года.

Как писал Горяинов, цель России была в том, чтобы "выиграть несколько лет ненарушимого мира и спокойствия".<sup>3</sup>

После отмены режима полномочий старый вопрос о воссоединении болгарского народа с новой силой начинает звучать в болгарских политических кругах. Весной 1885 г. в Восточной Румелии дело объединения возглавил З.Стоянов<sup>4</sup>. Подготовка к нему шла самым активным образом в политических кругах княжества и Восточной Румелии. Возможно эта энергия была вызвана тем обстоятельством, что участники заговора понимали всю сложность своей задачи в случае детронации Александра I.

На фоне общего разветвления движения в пользу незамедлительного соединения князь с его недавним обещанием Гирсу попадал в крайне деликатную ситуацию. Зная о намечавшемся восстании в Восточной Румелии, он был не в силах ни предотвратить, ни отложить его. Заговорщики были полны решимости действовать даже и без согласия Александра I<sup>5</sup>. Князь, фактически, попадал в тупик. Любая информация Петербурга о восстании означала бы для князя политическое самоубийство. В России его обвинили бы в грубом обмане Гирса, в Болгарии - в предательстве национальных интересов. Поэтому князь предпочитал отмалчиваться. Подобное поведение было весьма рискованным, но у него не было иного выхода. В то же время, Александр I, уверенный в поддержке дела соединения Европой<sup>6</sup>, по-видимому, считал, что и царь, поставленный перед свершившимся фактом объединения, частично восстанавливающего границы Болгарии по Сан-Стефанскому договору, не будет предпринимать каких-либо действий против национального движения болгарского народа. Сами повстанцы были уверены в том, что дело объединения отвечает интересам России. Безусловно и то, что воссоединение давало Александру I великолепную возможность упрочить свой авторитет в стране, где некоторые органы каравеловской прессы весной 1885 г. называли его "вором", а в печати цанковис-

тов заявлялось, что князь должен заслужить расположение русского императора или отказаться от престола<sup>8</sup>.

Такова была непростая ситуация к моменту воссоединения, провозглашенного от имени Александра I 6 сентября 1885 г. в Восточной Румелии и образования в Пловдиве Временного правительства.

Успех объединения зависел теперь от поведения Турции и России. В своих воспоминаниях великий везир Киамиль-паша писал о полном неведении Порты, узнавшей о случившемся от русского посла в Константинополе А.И.Нелидова. На совете министров большинство выступало за немедленное вторжение имевшимися силами в Адрианополь (не более 7 тыс. солдат). Однако Киамиль-паше удалось склонить султана воздержаться от вступления такой малочисленной группы войск в Восточную Румелию. Было решено выяснить позицию Петербурга и других великих держав и, одновременно, заняться концентрацией сил (в скором времени их число было доведено до 300 тыс. солдат)<sup>9</sup>.

Безусловно, что болгарское правительство и князь опасались вступления турецких войск на территорию Восточной Румелии. Поэтому Александр I успел отдать распоряжение об отправке великим державам письма о том, что он "признает суверенные права султана и что Соединение не содержит никакой враждебной цели против Турции". Названное письмо было доставлено адресатам 9 сентября<sup>10</sup>. Но, сознавая всю малоубедительность своих заверений, Александр I вместе с Каравеловым приняли решение о мобилизации войск и созыве чрезвычайной сессии Народного собрания на 10 сентября.

Стремясь в этой ситуации, в высшей степени неординарной, заручиться покровительством России, Временное правительство в Пловдиве и сам Александр I слали в Петербург телеграммы о заявлениях о своей преданности и просьбами о помощи<sup>11</sup>. Эти надежды на поддержку связывались с поведением русских дипломатов и офицеров в Восточной Румелии,

фактически оказывавших помощь делу объединения. Именно российское консульство в Пловдиве было тем направляющим центром, где военным атташе М.М.Чичаговым разрабатывались и осуществлялись действия на случай нападения. Он же, в частности, взял под свою ответственность не отзываться русских офицеров из румелийской милиции, не оставляя тем самым болгар без опытных специалистов в столь сложной ситуации.<sup>12</sup> Но надежды болгарских руководителей были грубо разрушены известием о неодобрении царем воссоединения и отзывом офицеров из объединенной Болгарии. Возникли трудности и с регулярными до сих пор поставками оружия из России.<sup>13</sup>

Пытаясь в какой-то мере обезопасить дело объединения, князь решил повторить свой старый прием — готовность пожертвовать короной. По его просьбе консул в Пловдиве Г.В.Игельстром телеграфировал в Петербург, что он "совсем не причастен к тому, что произошло в Румелии ... Если он лично служит преградой благу своего народа, он с радостью готов отказаться от всяких прав на Болгарию, лишь бы совершилось объединение обеих Болгарий."<sup>14</sup> Возможно, что его заявление было искренним, но подписанный Гирсом ответ был на этот раз весьма неопределенным. Ясно было одно: вся ответственность возлагалась на князя, как одобрявшего и возглавившего объединенную Болгарию.<sup>15</sup>

Русская дипломатия, в целом, считала, что деятели сращения своей частной акцией, проведенной тайно от России, нанесли ущерб славянским интересам. В первую очередь это относилось к самой российской державе — верховному авторитету среди славянских народов. Отчетливо об этом сказано у Керцова, подчеркивавшего необходимость самодисциплины славянства в преддверии борьбы с Западом, что "Если и тяжело, временами, приходится славянским народам, они, тем не менее, должны ожидать терпеливо, чтобы Россия подала им знак действовать, а не высквакивать, как это сделали болгары, и тем самым Россию поставили в безвыходное положение

ние" <sup>16</sup>. Безусловно, доля горькой правды была в его словах. Но это была только доля. Выступавший с имперских позиций Карцов знал, что упомянутая "безвыходность" была вызвана прежде всего недоверием царя к болгарскому князю.

Тема русской политики в Болгарии нашла широкое освещение в русской прессе <sup>17</sup>. В числе авторов статей на эту тему был и И.С.Аксаков – ревностный защитник дела объединения и не менее ярый критик Берлинского трактата. Обвиняя русскую дипломатию в непоследовательности и забвении интересов славянства, Аксаков не останавливался и перед критикой Александра III. Он писал, что в преследовании Баттенберга царь "руководствовался не соображениями пользы России, а личными чувствами". Как отмечал далее Карцов, дискутировавший с Аксаковым по вопросу соединения, "Окончилось все это знаменитым предостережением (Министерства внутренних дел – В.К.), в котором Аксакову было поставлено в укор отсутствие "истинного патриотизма" <sup>18</sup>.

"Истинный патриотизм" надо было понимать прежде всего в заботе о судьбе, России, которая была поставлена в крайне затруднительное положение в связи с нарушением статус-кво на Балканах.

Безусловно и то, что "истинный патриотизм" требовал не допускать ввода турецких войск на территорию Восточной Румелии. Эта задача облегчалась страхом Абдул-Гамида перед Россией. Пользуясь этим Нелидов сразу после событий 6 сентября открыто заявил великому везиру о катастрофических последствиях для Турции, если хоть один турецкий солдат ступит на землю Восточной Румелии <sup>19</sup>.

Тот же "истинный патриотизм" требовал удаления из Болгарии Александра I, чья политика, по мнению высших сфер, не соответствовала видам России в Болгарии. Александр III в этой ситуации решил использовать объединение для устранения ненавистного ему князя как платы за помощь России в деле признания и поддержки новой соединенной Болгарии.

Намеки на подобное разрешение вопроса впервые прозвучу-

фактически оказывавших помощь делу объединения. Именно российское консульство в Пловдиве было тем направляющим центром, где военным атташе М.М.Чичаговым разрабатывались и осуществлялись действия на случай нападения. Он же, в частности, взял под свою ответственность не отзываться русских офицеров из румелийской милиции, не оставляя тем самым болгар без опытных специалистов в столь сложной ситуации.<sup>12</sup> Но надежды болгарских руководителей были грубо разрушены известием о неодобрении царем воссоединения и отзывом офицеров из объединенной Болгарии. Возникли трудности и с регулярными до сих пор поставками оружия из России.<sup>13</sup>

Пытаясь в какой-то мере обезопасить дело объединения, князь решил повторить свой старый прием — готовность пожертвовать короной. По его просьбе консул в Пловдиве Г.В.Игельстром телеграфировал в Петербург, что он "совсем не причастен к тому, что произошло в Румелии ... Если он лично служит преградою благу своего народа, он с радостью готов отказаться от всяких прав на Болгарию, лишь бы совершилось объединение обеих Болгарий."<sup>14</sup> Возможно, что его заявление было искренним, но подписанный Гирсом ответ был на этот раз весьма неопределенным. Ясно было одно: вся ответственность возлагалась на князя, как одобрявшего и возглавившего объединенную Болгарию.<sup>15</sup>

Русская дипломатия, в целом, считала, что деятели сращения своей частной акцией, проведенной втайне от России, нанесли ущерб славянским интересам. В первую очередь это относилось к самой российской державе — верховному авторитету среди славянских народов. Отчетливо об этом сказано у Карцова, подчеркивавшего необходимость самодисциплины славянства в преддверии борьбы с Западом, что "Если и тяжело, временами, приходится славянским народам, они, тем не менее, должны ожидать терпеливо, чтобы Россия подала им знак действовать, а не выскакивать, как это сделали болгары, и тем самым Россию поставили в безвыходное положение

ние" <sup>16</sup>. Безусловно, доля горькой правды была в его словах. Но это была только доля. Выступавший с имперских позиций Карцов знал, что упомянутая "безвыходность" была вызвана прежде всего недоверием царя к болгарскому князю.

Тема русской политики в Болгарии нашла широкое освещение в русской прессе <sup>17</sup>. В числе авторов статей на эту тему был и И.С.Аксаков – ревностный защитник дела объединения и не менее ярый критик Берлинского трактата. Обвиняя русскую дипломатию в непоследовательности и забвении интересов славянства, Аксаков не останавливался и перед критикой Александра III. Он писал, что в преследовании Баттенберга царь "руководствовался не соображениями пользы России, а личными чувствами". Как отмечал далее Карцов, дискутировавший с Аксаковым по вопросу соединения, "Окончилось все это знаменитым предостережением (Министерства внутренних дел – В.К.), в котором Аксакову было поставлено в укор отсутствие "истинного патриотизма" <sup>18</sup>.

"Истинный патриотизм" надо было понимать, прежде всего в заботе о судьбе России, которая была поставлена в крайне затруднительное положение в связи с нарушением статус-кво на Балканах.

Безусловно и то, что "истинный патриотизм" требовал не допускать ввода турецких войск на территорию Восточной Румелии. Эта задача облегчалась страхом Абдул-Гамида перед Россией. Пользуясь этим Нелидов сразу после событий 6 сентября открыто заявил великому везиру о катастрофических последствиях для Турции, если хоть один турецкий солдат ступит на землю Восточной Румелии <sup>19</sup>.

Тот же "истинный патриотизм" требовал удаления из Болгарии Александра I, чья политика, по мнению вышних сфер, не соответствовала видам России в Болгарии. Александр III в этой ситуации решил использовать объединение для устранения ненавистного ему князя как платы за помощь России в деле признания и поддержки новой соединенной Болгарии.

Намеки на подобное разрешение вопроса впервые прозвучу-

чали 21 сентября 1885 г. на встрече Александра III и Гирса с делегатами болгарского парламента в Фреденсбурге (Дания), куда они приехали просить царя о покровительстве и защите соединения. Во время беседы император заявил, что "мысль о соединении обеих частей Болгарии - понятна, его желала и Россия. Но ... не может одобрить средства к которым прибегли болгары, вопреки воле государя. Настоящим поступком они повергли себя в крайне опасное положение. Императорское правительство употребит все старания к предохранению Болгарии от угрожающих опасностей и упрочению в ней порядка, согласно ее интересам" <sup>20</sup>. В то же время им было двукратно заявлено, что "пока у Болгарии настоящее правительство, она не должна рассчитывать ни на какую поддержку со стороны России" <sup>21</sup>. Гирс недвусмысленно пояснил делегатам, что под термином "правительство" император имел в виду князя <sup>22</sup>.

Однако делегатов не устраивали даже эти прямые намеки. По приезде в Софию митрополит Климент и Цанов запросили теперь уже Кояндера о пояснении им слов Александра III. Любопытно отметить, что собеседники русского дипломата попытались спасти своего монарха, предложив буквальную трактовку царских слов. Но Кояндер мог лишь подчеркнуть своим гостям, что "одно удаление Каравелова едва ли поправит настоящее положение дел" <sup>23</sup>.

Все это было дополнительным подтверждением столь явной для современников и историков мысли о стремлении Александра III избавиться от князя.

Однако позиция императора разделялась не всеми дипломатами. Как ни странно, в их ряду находился и Кояндер, считавший, что смена болгарского монарха не сможет спасти страну от смут и неурядиц, а Россию от упадка своего авторитета. В своем чрезвычайно интересном письме от 5 октября он грустно замечал Гирсу: "мы делали в течении последних 6 лет попытку неофициально влиять на здешнее управление и предлагали, что болгары будут нам настолько признательны,

что станут слушаться наших советов и руководствоваться нашими мнениями. В этом мы горько ошиблись. Поставленный нами князь не замедлил вместе с его клеркетами, консерваторами, повернуться против нас, как только заметил, что наши агенты, как дипломатические, так и военные, не считают для себя обязательным служить послушными орудиями его интриг и капризов. Введенный в княжестве конституционный режим имел своим последствием, что страна попала в руки школьных учителей из недоучившихся русских семинаристов, пропитанных ненавистью ко всему русскому, но, как близко стоящих к народу, имеющих на него огромное развращающее влияние. Из этого вышла та аномалия, что в то время когда Россия, Европа и большинство здешнего населения предполагали, что Болгарией управляли мы, — на самом деле Россия имела здесь очень мало значения и все делалось помимо, а часто и вопреки ее воле. Между тем, не имея власти, мы несли ответственность за происходящее, т.к. все неудачные мероприятия, все ошибки правительства, последнее приписывало в глазах народа русскому влиянию, тогда как заслуга всего, что делалось на благо Болгарии, всецело принадлежала стоящим у власти болгарским "государственным людям". Такой порядок вещей не мог повести ни к чему другому, кроме постепенного упадка нашего престижа и возбуждения к нам недоверия". Русский дипломат признавал, что "из настоящих затруднений для нас возможны только два выхода: или полное оставление нами Болгарии и такие же с ней сношения, какие мы поддерживаем с Румынией и Сербией, или возвращение к порядку вещей, существовавшему до прибытия сюда князя Александра. Восстановление же того положения, в котором мы находились до переворота 6 сентября представляется ... немислимым и не отвечающим ни интересам России, ни ее достоинству" 24.

Обширная выдержка из не претендующего на оригинальность донесения Кояндера, прочитанного внимательно Александром III, как нельзя лучше характеризует состояние рус-

ской дипломатии в Болгарии. Умозаключения Кояндера, разбавленные сентенциями об "антирусской и социалистической пропаганде", о проповеди среди болгар вражды к "государственному строю и ко всей официальной России"<sup>25</sup> только укрепляли решимость царя рассчитаться с князем и показать болгарским правящим кругам и ее интеллигенции всю мощь России, которую они посмели ослушаться.

Конечно, негативное отношение Александра III к акту воссоединения ставило его успех под вопрос. Это отчетливо понимали и болгары. Но путь, предложенный императором в Фреденсбурге, не устраивал подавляющее большинство интеллигенции. Болгарские политические деятели в своей массе считали, что, защищая Александра I, они отстаивают принцип национальной самостоятельности. В политической программе, выдвинутой Э.Стояновым и другим активным участником румелийского переворота Д.Ризовым<sup>26</sup>, подчеркивалось желание иметь свою "собственную человеческую физиономию". "Мы преклоняемся перед Россией, но Болгария должна быть для болгар"<sup>27</sup>. Более сдержанными по тону были высказывания княжеского комиссара в Восточной Румелии Г.Странского<sup>28</sup>. В своем обращении к Игельстрому он подчеркивал, что румелиоты, "действуя без знания России и других иностранных влияний ... полагали облегчить задачу русского правительства. Влияние России должно быть, и иного болгарский народ не допустит". Информировав русского дипломата об отрицательном отношении своих коллег к вмешательству Петербурга во внутренние дела Болгарии, Странский не переставал подчеркивать желательность примирения России с князем, обещая в случае успеха соединения пересмотреть Тырновскую конституцию с учетом русских советов<sup>29</sup>.

Однако вся эта информация, в которой не содержалось никаких намёков на свержение Александра I, не воспринималась в Петербурге, упорно гнувшем свою линию.

Рассматривая международную обстановку вокруг Болгарии, надо сказать, что Англия - этот старый соперник России -

была наиболее ревностной и последовательной защитницей со-  
единения под эгидой князя. Причины такого курса не нужда-  
ются в комментариях<sup>30</sup>. Здесь лишь интересно привести сооб-  
щение Радева об одном заявлении Временного правительства в  
Пловдиве английскому дипломату. В нем говорилось, что "ре-  
волюция ... была ускорена русской враждой к кн. Александру  
и направлена против русского влияния"<sup>31</sup>. Казалось бы, что  
подобное заявление прямо противоположно заверениям Странс-  
кого. Тем не менее, по своей сути, оно представляется не  
лишним основанием. Именно шаткость положения Александра I  
и непредсказуемость, вернее, предсказуемость последствий  
охлаждения отношений вплоть до потери князем престола, бы-  
ла, как уже упоминалось, одной из причин столь быстрого  
переворота. Ведя двойную игру с русскими и английскими ди-  
пломатами, болгарские политики надеялись, что сама заинте-  
ресованность России и Великобритании в Болгарии не позво-  
лит ликвидировать результаты совершившегося объединения.  
Однако в Болгарии не учитывали одного факта, а именно,  
степени ненависти Александра III к князю. Под вопросом ока-  
зывалась не только судьба князя как болгарского монарха, но  
исход воссоединения.

Возвращаясь к политике Англии, нельзя не сказать о ее  
подготовке к совещанию послов великих держав в Констан-  
тинополе по выработке общего курса к событиям в Восточной  
Румелии<sup>32</sup>. Суть инструкций Форин офиса своему послу У.Уай-  
ту сводилась к выступлению за назначение Александра I по-  
жизненным генерал-губернатором Восточной Румелии<sup>33</sup>. Это  
давало Болгарии слабый шанс отстоять своего князя. Сами  
английские дипломаты советовали болгарскому правительству  
попробовать установить прямые контакты с Портой по вопросу  
признания объединения. В Софии, лихорадочно искавшей пути  
спасения дела соединения, поспешили последовать совету. 21  
сентября - день, когда проходили переговоры в Фреденсбурге  
- болгарский князь направил делегацию в Константинополь.  
Однако в турецкой столице, пишет Радев, делегатов встрети-

ли как "представителей революционного правительства: первый вечер их держали арестованными в конаке полицейского префекта, а позже поставили под надзор полиции"<sup>34</sup>. Такое отношение Лорты к уполномоченным было верным признаком провала миссии Александра I. Безусловно, определенную роль в таком отношении к посланцам князя сыграла русская дипломатия, выступавшая на совещании послов в турецкой столице за нерушимость Берлинского трактата. Союзники России по тройственному соглашению - Австро-Венгрия и Германия - также выступали за восстановление статус-кво.

Над Болгарией нависала угроза не только поражения на дипломатическом поприще, но и втягивания в войну со своими балканскими соседями, прежде всего с Сербией<sup>35</sup>. Известно, что Милан посредством войны и победы в ней надеялся упрочить как свое положение в стране, так и расширить владения своего королевства за счет некоторых западных округов Болгарии, нарушившей статус кво. Считая предстоящую кампанию легкой прогулкой (войска княжества были сконцентрированы в Восточной Румелии на случай конфликта с Турцией), Милан не обращал внимания на предупреждения ни Австрии, ни Германии. Эти предупреждения о недогоспимости развязывания войны надо рассматривать как обязательную проформу с их стороны. Как известно, Австрия не пожелала осановить сербское правительство силой и, больше того, считала естественным требование Милана об определенном удовлетворении. Каким же оно должно было быть? Министр иностранных дел королевства Ч.Миятович еще в сентябре определял его присоединением к Сербии Радомирской, Брезникской и Триской околий. Но болгарское правительство было согласно на компенсацию только за счет территорий, которые не входят в "этнографические пределы Болгарии"<sup>36</sup>. Выход из создавшегося положения виделся только в войне.

Дополнительным источником напряженности между Болгарией и Сербией был вопрос о сербской эмиграции, чей лидер Н. Лашич окликнулся на воссоединение распространением в Сербии

4  
Фин листовки с призывом восстания против Милана. Мысль об использовании эмигрантов была заманчивой и для болгарских дипломатов, озабоченных устранением сербской угрозы на Балканах. 18 сентября Начович в своем письме Цанову спрашивал: "Почему эмигранты не нахлынут в Сербию в ту минуту, когда сербское правительство обнаруживает явную неприязнь и самым активным образом нам противодействует или угрожает? Революция в Сербии в этих обстоятельствах может облегчить нашу задачу". Болгарский министр в беседе с французским дипломатом Флешем (возможно и с другими дипломатами) подчеркнул, что у Болгарии есть средство для создания в Сербии больших внутренних затруднений<sup>37</sup>. Эта преднамеренная, по моему мнению, утечка информации была предназначена для оклеветания сербского короля - путем ли собственного отказа от своих планов, или через давление западных дипломатов, не заинтересованных в возникновении еще одного опасного очага войны на Балканах.

Встает вопрос, насколько серьезной была степень подготовки самой эмиграции? Судя по некоторым данным, можно говорить о довольно слабой организации к восстанию. По признанию самого Пашича, поздравлявшего З. Стоянова 6 сентября с воссоединением и заверявшего главу БТЦК в незамедлительности восстания в нескольких сербских округах, успех дела зависел от поставки эмигрантам хотя бы тысячи ружей и патронов<sup>38</sup>. На связь между болгарскими политическими деятелями и сербскими эмигрантами указывал и Колндер. В своем донесении к Гирсу от 8/20 октября он писал: "Консул Мач в Видине в донесении от 6 сентября ... обратил внимание на тайный провоз оружия в пределы Сербии - провоз на который указал ему его австрийский коллега и который с упрямством отрицали как местные центральные власти, так и высшее центральное правительство. Через несколько дней после Билиппопольского переворота я узнал из достоверного источника, что в Видинском округе собирается шайка из 500 сербских эмигрантов и черногорцев для вторжения в Зай-

чарский уезд и для поднятия там восстания против короля Милана. Герцеговинский воевода Пеко Павлович выступил туда из Софии в ночь на 9 сентября во главе 70 или 80 вооруженных черногорцев, а глава сербских эмигрантов Пашич в то же время выехал в Лом Паланку, чтобы принять участие в движении". Российский агент, резюмируя информацию, подчеркивал, что деятели воссоединения, готовя "румелийский переворот, намеревались одновременно произвести революцию и в Сербии, надеясь, что Пашич и его приверженцы, по достижению власти, станут действовать заодно с болгарским правительством"<sup>39</sup>.

Реализация этих грандиозных замыслов вела бы к совершенно новой ситуации, значительно усложнявшей политику великих держав в этом регионе. Это понимал и сам Кояндер, неоднократно предупреждавший Цанова о недопустимости покровительства сербским эмигрантам. Его активность и слабость эмигрантской базы, вне сомнения, сказались на дальнейшей политике правительства. Окончательную точку на планах использования сербских эмигрантов поставил князь. Вероятно, не посвященный в планы своего правительства, Александр I категорически настаивал на прекращении всех действий Пашича и Павловича и их немедленном аресте. При этом он исходил из того обстоятельства, что Болгария не может сражаться на два фронта — против Турции и Сербии<sup>40</sup>. Зная нелюбовь князя к деятелям либерально-демократического направления, можно предположить, что князь опасался революционного развития событий, в результате которых он мог потерять свой, если не престол, то авторитет и права монарха. У Александра I был свой замысел урегулирования болгаро-сербских отношений, подсказанный его отцом князем Александром Гессенским. Его стержень заключался в переходе от конфронтации к заключению союза с Миланом для ведения совместных действий против Османской империи<sup>41</sup>.

Но уже во время предварительных консультаций болгарского монарха с премьер-министром возникла проблема не реальной оценки возможности такого союза, а проблема дележа ев-

византийских владений Турции. Каравелов обратил внимание Александра I, что "подобное соглашение не преминет привести к признанию самими болгарами прав Сербии как на те части Бал-Стефанской Болгарии, которые по Берлинскому договору отошли к сербам, так и на некоторые уезды еще не освобожденной Македонии"<sup>42</sup>. Отказ Каравелова поставить свою подпись на письме к Милану фактически ликвидировал план мира. Именно под этим предлогом сербский король не принял византского представителя Грекова. Отказывая Александру I, Милан, безусловно, был убежден, что быстрая победоносная война принесет больше материальных выгод стране, нежели предлагаемое соглашение, чреватое осложнениями.

Наряду с позицией, занятой сербским королем, существовала и другая точка зрения. Так, Й.Ристич<sup>43</sup> в своем интервью "Новому времени" подчеркивал, что любое посягательство со стороны Сербии на Болгарию "было бы крупной политической ошибкой, болгары проникнулись бы к нам острой, долголетней ненавистью, а мы должны стараться завязать с ними дружеские отношения, чтобы приготовить почву для балканской конфедерации"<sup>44</sup>. Но это заявление осталось "гласом вопиющего в пустыне". Война была предрешена. Это стало ясно и Александру I, подписавшему приказ (7 октября) о сборе ополченцев и вызове войск из Восточной Румелии.

В обстановке приближающейся войны отношения между Александром III и Александром I продолжали оставаться на том же неудовлетворительном уровне. Любое неосторожное слово или поступок князя влекли за собой решительные действия царя. Так, выступая в октябре перед составом одного из болгарских полков, Александр I заявил: "Я уверен, что вы гораздо храбрее будете сражаться под командою своих национальных офицеров, нежели офицеров, которые покинули свои знамена перед неприятелем"<sup>45</sup>. Это высказывание, подлинность которого оспаривала болгарская печать, было услужливо доведено до сведения императора и его двора. Реакция Александра III была незамедлительной. 22 октября в "Правительст-

венном вестнике" было опубликовано сообщение об исключении Александра I из списков русской армии и лишения шефства над батальоном 13 полка. Как писал Карцов, этим приказом царь "давал удовлетворение русским офицерам-инструкторам, которым князь ... нанес оскорбление, а с другой, - он показывал ... что дальнейшие попытки примирения невозможны"<sup>46</sup>.

К изданию такого приказа князь отнесся внешне спокойно и сохранял присутствие духа и даже нашел в себе силу пройтись по адресу царя, бросив фразу: "Очень сожалел ... что у меня нет полка, шефом которого был бы император Александр III. Я бы ответил ему тем же"<sup>47</sup>. Но удар был слишком силен, чтобы отнестись к нему равнодушно. Вскоре по Софии поползли слухи о помыслах Александра I отречься от престола. Но это были только слухи. У него сохранялся шанс продержаться, так как большинство политических деятелей не было заинтересовано в его уходе. Каравелов в интервью корреспонденту "Кельнского времени" А. фон Хуну недвусмысленно заявил, что "как воссоединенная Болгария принадлежит князю Александру, так и князь Александр принадлежит воссоединенной Болгарии"<sup>48</sup>. Фактически, Александру I была уготована роль заложника воссоединения.

Возвращаясь к переговорам послов в Константинополе, надо сказать, что составленная там декларация, в которой Турция, Болгария и Сербия призывались уважать договоры, не произвела желаемого впечатления. Милан готовился к нападению. По просьбе Австрии он соглашался лишь отсрочить его, обусловив свое поведение результатами очередных переговоров, начавшихся 23 октября<sup>49</sup>. Они скоро показали, что участники конференции не могут прийти к единому мнению о пути восстановления статус кво. Ее работа затягивалась. Сербский король больше не хотел ждать. Войска обеих сторон стояли на границе друг перед другом.

2 ноября Сербия объявила войну под предлогом внезапного нападения болгарских войск на сербские позиции.

В тот же день Александр I обнародовал манифест о вступлении в войну с Сербией. Одновременно Цанов разослал циркулярную ноту представителям великих держав, где подчеркивалось, что переход границы и нападение было начато сербами. На ответственность возлагалась на правящие круги Сербии.

Первые дни войны были отягощены неудачами болгар, вынужденных отступать вглубь своей территории. Сообщение князя от 5 ноября о необходимости отправки казны в провинцию, а архива его дворца - в германское дипагентство<sup>50</sup>, свидетельствовало о возможной сдаче болгарской столицы.

В этой тревожной обстановке состоялся спешный визит митрополита Климега и Цанова в русское дипломатическое агентство. Они заявили о готовности пожертвовать князем, лишь бы достичь перемирия. Однако их обращение не возымело какого-либо результата. Русское агентство резонно считало, что подобное заявление может быть передано Александру III только в том случае, если оно будет подписано Каравеловым. (Такового не последовало. Каравелов и его правительство, возможно и не знавшие об этом визите, решили идти до конца В.К.) Работники русского дипломатического представительства согласились лишь принять на хранение архивы МИД и совета министров и ряд других ценностей<sup>51</sup>.

Вопрос об отношении к Болгарии, стоявшей, казалось, накануне разгрома, обсуждался в Петербурге. 7 ноября еще до начала решающего боя под Сливницей императором было принято решение обратиться к берлинскому и венскому кабинетам с призывом употребить совместные усилия для прекращения "кровопролития между сербами и болгарами". Но сообщение об этом, как писал первый секретарь агенства П. Богданов, пришло в Софию только 13 ноября, когда болгарские войска, подержанные румелийскими частями, одержали 7 ноября победу под Сливницей<sup>52</sup>.

Известие о победе болгарских войск произвело ошеломляющее впечатление в Европе. Внутри Болгарии представители всех политических партий отмечали, что большая заслуга в

разгроме сербов под Сливницей принадлежит русским офицерам, вложившим значительный труд в становление болгарской армии. Об отношении русской дипломатии к войне довольно выразительно сказано у Карцова: "Победа над сербами была бы оправданием головоломной политики князя Александра и укрепила бы его положение в стране. Напротив, неуспех доказал бы болгарам справедливость доброжелательных советов России и побудил их снова с нею искать сближения. В общем, однако, в России желали победу не сербам, а болгарам. Победа болгар под Сливницей польстила русскому национальному самолюбию: ведь, так или иначе, а победили ученики русских офицеров-инструкторов"<sup>53</sup>.

Но то же "национальное самолюбие" по-прежнему мешало пойти на примирение. В частности, было отвергнуто предложение о награждении Александра I орденом св. Георгия. Речь об этом шла в переписке военного атташе в Вене Н.В.Каульбарса с военным министром П.С.Ванновским и последнего с Гирсом<sup>54</sup>.

Однако, посол в Вене Лобанов-Ростовский, чьим единомышленником был Каульбарс, продолжал попытки урегулирования русско-болгарских отношений. Вне всякого сомнения, он понимал всю пагубность личной политики Александра III по отношению к Болгарии. Именно этим можно объяснить разговоры в Пироте Каульбарса с Александром I по вопросу примирения его с царем. В результате этих бесед, санкционированных Лобановым-Ростовским, была достигнута договоренность об издании князем особом приказе по армии, в котором бы подчеркивалось то обстоятельство, что победа была одержана благодаря "попечительству царя и деятельности русских офицеров". 10 декабря приказ был отдан, но каких-либо перемен в позиции царя не последовало<sup>55</sup>.

Возвращаясь к военной теме, следует подчеркнуть, что по мере резительного продвижения болгарской армии и перехода ее сербской границы усиливалось беспокойство европейской дипломатии. Полный разгром сербского королевства

мог вызвать громадные трудности по вопросам восстановления мира на Балканах. Взятие 15 ноября Пирота стало поводом для решительного демарша Австрии, как наиболее заинтересованной стороны в сохранении Милана и его королевства<sup>56</sup>. 16 ноября австрийский посланник в Белграде граф Кевенгюллер встретился с князем и под угрозой вмешательства австрийских войск вынудил его приостановить военные действия. Но это еще не означало мира. Начавшиеся переговоры показывали, что ни одна из сторон не исключала продолжения войны. Источником напряженности была Сербия, чей король жаждал реванша. Тревожная для Болгарии ситуация усугублялась прибытием в Восточную Румелию во второй половине ноября делегатов Порты. В их задачу входило изучение тамошнего положения и распространение прокламации, в которой населению, наряду с обещанием амнистии, давались такие советы как возврат к старому порядку вещей, принятие, хотя бы на несколько месяцев, специального комиссара Джевет-паша<sup>57</sup>. Однако резкие протесты населения показали турецким делегатам всю тщетность возложенной на них задачи. Один из них - Гадбан-эфенди - сообщил позднее Богданову (А.И. Колядер покинул Болгарию в ноябре, управляющим дипагентством был назначен Богданов - В.К.), что его пребывание в Румелии убедило в невозможности возвращения к прежнему положению, а кровь румелийцев, пролитая во время войны, "запечатлела собой нравственную связь между ними и болгарами княжества и укрепило в тех и других идею воссоединения"<sup>58</sup>.

Тем временем, под натиском великих держав Сербия и Болгария согласились на создание международной военной комиссии, составленной из военных атташе, аккредитованных в Вене. От России в нее вошел Н.В. Каульбарс, о работе которого в ней сохранились среди болгар самые благоприятные впечатления. Именно он добился того, чтобы болгарским войскам как победителям была сказана привилегия отойти на прежние позиции только после отхода сербской армии<sup>59</sup>.

В начале декабря условия перемирия были составлены. 9

декабря болгарский и сербский делегаты подписали акт перемирия. Казалось, мир был близок. И в то же время продолжала существовать угроза его нарушения Болгарией, Сербией, Грецией. Каждая из этих стран имела причины быть недовольной: у Болгарии была отнята победа, Сербия жаждала реванша, Греция опасалась за свои позиции в Македонии. Но самая серьезная опасность исходила из Сербии. Военный министр Хорватович и премьер-министр Гараганин, по сообщению Карцова, "агитируют и стараются сделать мирный исход невозможным ... Сербы оскорблены и без вознаграждения не хотят признать соединения. В январе движение резерва к границе послужит безоговорочным признаком войны" <sup>60</sup>

Надвигалась новая, возможно, общевосточная война, в которой Болгарии, еще не сумевшей восстановить экономику, грозила опасность быть разбитой. В целях предотвращения войны Гирс воспользовался старым, но эффективным дипломатическим приемом. Он выдвинул перед великими державами предложение о коллективной ноте к правительствам в Софии, Белграде, Афинах с требованием демобилизации. Однако эта нота успеха не имела ни в Греции, ни в Сербии. Ранее соглашавшаяся Болгария была вынуждена отказаться от роспуска резерва. Опасения держав увеличивались. Только 19 января 1886 года европейские кабинеты достигли желаемого. Ключ успеха лежал в новом заявлении держав, в котором они подчеркнули, что в случае открытия военных действий они примут сторону той страны, на которую будет совершено нападение, и при этом не допустят никаких территориальных изменений <sup>61</sup>

23 января в Бухаресте начались переговоры о мире. 19 февраля в годовщину подписания Сан-Стефанского договора был заключен мир между Сербией и Болгарией. Подписанный текст состоял из одного предложения: "Мир между королевством Сербия и княжеством Болгария восстанавливается". При чем слово "дружба" присутствовавшее ранее в тексте было выброшено по настоянию сербского делегата <sup>62</sup>

Мир был заключен, угроза войны оставалась.

Безусловно, в вопросе урегулирования болгаро-сербских отношений и предотвращения балканского кризиса Россия, равно как и другие великие державы, сыграла положительную роль. Но это совсем не означало, что в Петербурге изменили свое отношение к Александру I. Свидетельством может служить встреча царя с Каульбарсом, приехавшим в декабре 1885 г. в столицу с письмом от болгарского монарха. На аудиенции Каульбарс пытался добиться перелома отношения к Александру I, подчеркивая, что он соединением реализовал "заветную мысль болгарского народа"; в войне с Сербией "покрыл болгарское оружие славой". Все было напрасно. На слова Каульбарса, что князь "через два года ... будет королем", император иронично заметил: "А я думаю ... не пройдет 6 месяцев - его выгонят" <sup>63</sup>.

Параллельно продолжал решаться вопрос о воссоединении на уровне прямых переговоров между Турцией и Болгарией. Их начало явно показывало намерение Порты выжать из своего соглашения как можно больше. В конце декабря болгарской стороной был представлен жесткий проект соглашения. В нем предусматривались такие пункты как включение болгарской армии в состав войск империи, участие ее в защите европейских границ Турции, передача под управление турецкой администрации мусульманских сел Кирджалийского округа и Тырреша. В качестве дополнения было передано желание султана об уступке Бургаса. После недолгих переговоров турецкая сторона сделала ряд уступок. К 18 января 1886 года текст соглашения был готов и передан представителям великих держав. Именно они должны были принять на своей конференции окончательное решение по вопросу утверждения турецко-болгарского договора. Согласно ему, Александр I назначался генерал-губернатором Восточной Румелии на пятилетний срок, после чего мандат на управление обновлялся султанским фирманом. Вопрос о передаче Бургаса снимался. Спорная проблема об использовании болгарских войск Портой получила следующее толкование: в случае нападения на Болгарию Порта посылает ту-

да свои войска, которые будут находиться под командованием князя, если же нападение будет совершено на войска империи в Европейской Турции, то будут посланы болгарские части, которые поступят под командование турецких генералов <sup>64</sup>.

Сравнительно быстрое завершение переговоров требует своего объяснения. Одно из них принадлежит турецкому посреднику в переговорах — Гадбану-эфенди. В ходе беседы с русским дипломатом П. В. Максимовым он заявил, что воссоединение компенсировалось в глазах султана полным уничтожением русского военного влияния, т. е. отзывом русских офицеров. Дополнительной компенсацией было возвращение Кирджалийского округа, имевшего важное стратегическое значение <sup>65</sup>. Безусловно, в информации Гадбана-эфенди есть доля истины. Необходимо лишь добавить, что к скорейшему заключению соглашения толкала и сама взрывоопасная обстановка на Балканах: на турецко-греческой границе не утихали воинственные демонстрации, организуемые панэллинистами, в Сербии шло укрепление и перевооружение армии. Привязывая к себе Болгарию военной статьей, Порта делала из нее своеобразного заложника своих интересов на Балканском полуострове. Именно эта статья о взаимной военной помощи, включенная по совету английской дипломатии, осложняла процесс создания единого фронта балканских стран в их борьбе за вытеснение последних остатков турецкого владычества в этом регионе.

Выработанный проект был встречен с одобрением западными державами, стремившимися не только утвердить мир, но и ослабить русские позиции на Балканском полуострове, прежде всего затормозить ее продвижение к Константинополю.

Россия имела свое мнение о договоре. Императорское правительство видело в предложенном проекте прежде всего создание турецко-болгарского военного союза, что совершенно не отвечало ни ее прошлым заслугам и освобождению Болгарии, ни надеждам на сохранение ее как своего форпоста на Балканах. Именно поэтому Нелидов под предлогом, что статья

и взаимной военной помощи не соотносится с содержанием Берлинского трактата, предложил исключить ее из текста договора. На основании того же трактата русская дипломатия высказалась против персональной унии. Имя Александра I должно было быть выброшено из текста статьи и заменено безликим выражением "болгарский князь". Назначение болгарского князя на должность генерал-губернатора по мысли русской дипломатии должно было происходить и с одобрения великих держав. Органический устав Восточной Румелии также должен был рассматриваться и утверждаться не только на двусторонних турецко-болгарских переговорах, но и международной комиссией <sup>66</sup>.

Всем участникам было ясно, что эти поправки открывают путь к вмешательству во внутренние дела княжества при выборе князя на следующий пятилетний срок. Русские предложения означали дополнительные переговоры и консультации.

Глава правительства Каравелов, получив сообщение своего представителя на переговорах Цанова, неожиданно дал согласие от имени князя на предложения Нелидова. Представители великих держав также приняли в конце концов позицию русской дипломатии. Здесь встают два вопроса. Первый - как мог Александр I согласиться с предложением, которое содержало в себе идею его детронации? Второй - откуда проистекает единодушие великих держав в таком немаловажном деле, особенно учитывая политику Англии?

Разгадку первого вопроса предлагает Радев. Как подчеркивается в его книге, Каравелов неправильно дешифровал депешу Цанова и "поспешил ответить одобрительно, не объяснившись с князем" <sup>67</sup>. Здесь легко можно было бы заподозрить премьер-министра в двойной игре. Но последующий запрос его к Цанову о своем удивлении его действиями, показывает, что здесь шла речь о действительно грубой ошибке, допущенной Каравеловым <sup>68</sup>. Хотя, конечно, определенные сомнения остаются, если учитывать невысокий авторитет князя. Достаточно вспомнить случай Цанкова в 1880 году, когда он

провел Александра I по вопросу голосования в Дунайской комиссии. Сам князь решил обратиться к великому везиру с письмом, в котором просил настоять перед представителями великих держав, чтобы пятилетний срок был заменен фразой "без срока". Иначе, как предрекал Александр I, страна будет открыта для любых интриг. Но все его усилия, равно как и угроза произвести полное слияние Восточной Румелии с княжеством, были тщетны<sup>69</sup>.

Второй вопрос. Великие державы не могли противостоять России, настаивавшей на соблюдении буквы Берлинского трактата, гарантом которого они являлись. Отстаивание предложения о предоставлении князю пожизненного мандата на управление Восточной Румелией было затруднительным в этой ситуации. Для них было практичнее показать России свою уступчивость, рассчитывая в то же время, что императорское правительство окончательно завяжет в болгарских делах. В этом, как представляется, и кроется ответ на второй вопрос.

5 апреля 1886 года в Константинополе в султанском дворце Топхане был подписан документ о воссоединении Восточной Румелии с Болгарским княжеством.

Заключение мира с Сербией и подписание топханейского протокола все же не решали вопросов как внешней, так и внутренней безопасности Болгарии. Мир с сербским королевством был неустойчивым. Топханейский акт не удовлетворял ни князя, ни русофилов, ни их противников. Экономика страны была подорвана войной с ее реквизициями товаров у населения. Если русофилы видели выход из создавшегося положения только в детроации Александра I, то националисты, как и прежде, смотрели на князя как на символ национальной независимости.

Первым предупреждением серьезности намерений русофилов, за спиной которых стояла Россия, был заговор Набокова, открытый в мае 1886 года в Бургасе. (Набоков - русский офицер, служивший ранее в румелийской милиции - был одной из тех кипучих натур, которых не устраивала повсед-

невная и размеренная жизнь. События в Болгарии выдвинули его на политическую авансцену как одного из организаторов антикняжеского вооруженного движения. Сохранилась интересная запись русского дипломата Н.Г.Гартвига о встрече с Набоковым в Константинополе в начале 1888 года, откуда он собирался выехать вместе с вольным казаком Апиновым в Абиссинию для борьбы с итальянцами. Продолжавший свою деятельность по свержению князя и имевший тесный контакт с русофилами, Набоков говорил Гартвигу о себе, что "в России ему нечего делать, что он жизнь не дорожит и готов ее всегда пожертвовать ради славянской идеи"<sup>70</sup>). Такие как Набоков доставляли немало хлопот русской дипломатии, старавшейся контролировать их, но не пресекать их деятельность. Внешне безучастное императорское правительство стремилось поддерживать все силы, противостоящие князю в Болгарии, где атмосфера была накалена политическими страстями.

Особенно отчетливо эта напряженность проявилась во время выборов в мае в Народное собрание от Восточной Румелии. (Эти выборы уже можно было считать нарушением Топханейского акта, так как на международном уровне еще не были изменены и согласованы соответствующие статьи Органического устава Восточной Румелии.) Несмотря на все меры предосторожности произошло несколько столкновений. Имелись жертвы. Напряженность не спадала и во время работы Народного собрания, открытого 2 июня. В первый раз со времени освобождения в тронной речи не было упомянуто имя России, что для Петербурга было лишним доказательством своей правоты в отношении князя. В среде самих депутатов развернулась острая дискуссия. Русофильская оппозиция попыталась дать бой Каравелову, обвинив его в уступке туркам Кирджали и Тырреша, неудовлетворительных отношениях с Россией, неудачной форме воссоединения. Но Стамболов, а затем и сам Каравелов постарались убедить депутатов как в необходимости сделанных уступок, так и в том, что Россия и ее император никогда не возненавидят Болгарию<sup>71</sup>.

Но положение было слишком тревожным, чтобы убаюкивать себя и других подобными речами. Вопрос заключался не в отношении России к Болгарии, а в отношении Александра III к Александру I. А оно оставалось прежним.

19 июня Каравелов и Стамболов явились к Богданову с заявлением, что "Болгария без поддержки и покровительства России существовать не может". Для нормализации отношений они были готовы распустить негодное императорскому правительству Народное собрание и уступить свое место правительству, удобному России. Но в своих предложениях они не касались главного - чего ожидала русская дипломатия - вопроса об устранении Александра I. Их аргументация сводилась к тому, что князь "получил значение защитника народного дела". Приписывая ему такую роль, Каравелов и Стамболов убеждали Богданова, что князь "настолько ограничен конституцией, что не может играть важную роль в избрании того пути, которым пойдет Болгария в будущем"<sup>72</sup>. Доводы премьер-министра и председателя Народного собрания выглядели довольно убедительными, но причину их решительного отказа надо искать глубже. Детронация князя, на что недвусмысленно намекала русская дипломатия, означала бы не только полную капитуляцию перед Россией и компрометацию собеседников Богданова, но и возможность гражданской войны, которую могла развязать армия, где позиции князя были достаточно сильны.

Телеграмма о беседе ушла в Петербург. Ответ был выдержан в прежнем духе: пока на престоле находится Александр I, Россия не сделает ни одного шага к сближению<sup>73</sup>. Конкретно, позиция русской дипломатии раскрыта в программе Нелидова. 26 июня она была представлена царю и одобрена им. По этой программе Россия в своей политике к Болгарии должна была руководствоваться рядом положений. Во-первых, безучастное отношение к правительству Каравелова и Александру I, как не внушающим доверия. Во-вторых, невмешательство во внутренние дела, отказ в поддержке любым партиям и содействии

переворотам. В-третьих, соблюдать сдержанность в отношениях с князем. В-четвертых, "относясь с сочувствием к приобретаемому христианским населением выгодам, не ... становиться стражами турецких владений и если Порта сама своих прав не отстаивает по отношению к Болгарии, не ... требовать более строгого их сохранения другими христианскими народностями населяющими Турецкую империю". В-пятых, отказаться от "разрешения болгарского вопроса в смысле создания Великой Болгарии". И последнее. В случае русско-турецкой войны или осложнений на Балканах вопрос о Македонии будет служить для "приобретения содействия той или другой народности"<sup>74</sup>.

Оценивая программу, надо выделить два момента. Первый: отказ от поддержки переворотов можно считать новым явлением в русской политике в Болгарии. Второй: предполагаемую "торговлю" Македонией нужно трактовать как один из старых приемов не только русской, но и любой дипломатии великих держав, стремящихся удержать за собой влияние путем обещания передачи той или иной территории определенному государству.

Установка на долгое ожидание была прервана 30 июня совершенно неожиданным сообщением: из Софии о готовящемся заговоре против Александра I. Толчком к его организации послужили известия, как позднее оказалось мнимые, о подготовке Сербии к войне, в которой военные заговорщики пророчили поражение Болгарии. По их мнению, выход был только один - низложение князя и обретение покровительства России, способной спасти страну от войны. Страх от разгрома и краха соединения настолько был велик, что Каравелов, Цанов и военный министр Никифоров<sup>75</sup> соглашались на детронацию князя. Судя по планам заговорщиков, свержение Александра I должно было произойти либо через созыв Великого Народного собрания, которое заявит свое недоверие к монарху, либо через военное провозглашение. В обоих случаях предусматривалась личная безопасность князя. Однако Александр III не верил полученной информации, считая ее "ловушкой" сочинен-

ной для русской дипломатии <sup>76</sup> Поэтому донесение Богданова было оставлено без последствий. Дальнейшее молчание софийского дипломатического агентства, казалось, подтверждало правильность царской оценки.

Но 29 июля/12 августа на стол к царю легла следующая зашифрованная телеграмма, в которой Богданов сообщал детальный план заговорщиков по захвату князя. В ней же он информировал МИД, что после свержения Александра I участники переворота предполагают образовать коалиционное временное правительство. Именно оно "обратится к императорскому правительству с ходатайством признать совершившийся факт и немедленно прислать императорского комиссара и офицеров". Как подчеркивал далее Богданов, новое правительство на должность комиссара будет просить назначить одного из самых популярных в Болгарии личностей - графа Н.П.Игнатьева или А.М.Дондукова-Корсакова <sup>77</sup>. Шифрованные телеграммы от Богданова шли одна за другой. 30 июля он сообщал о требовании Цановым прямого ответа о поведении России в случае детронации князя, которое должно было состояться через несколько дней. Ввиду чрезвычайности ситуации Богданов, как он сам сообщал шифровкой в МИД, "решился взять на себя обещать от имени императорского правительства требуемую гарантию, если не получу до завтрашнего вечера неодобрения моего решения" <sup>78</sup>. Неодобрения не последовало. Участие в заговоре Каравелова и других министров, казалось, обеспечивало победу. Ожидая известий о перевороте, Гирс лишь просил Богданова и военного агента В.В.Сахарова "держаться в стороне и на каждый случай запрашивать указаний" <sup>79</sup>.

Тем временем в лагере заговорщиков шли напряженные переговоры. Каравелов заколебался. Дело переворота взяли в свои руки офицеры, заявившие руководителю заговора майору П.Груеву: "Или заговор должен быть ликвидирован совсем, или действовать, так как в случае его разглашения мы погибли" <sup>80</sup>. Было решено не отступать от задуманного. В ночь на 9 августа дворец князя был окружен силами введенного в

София Струмского полка и юнкеров военного училища. Судьба князя была ясна. По требованию детронаторов он подписал требуемый указ, начинавшийся словами: "Так как болгарский народ и войска находят, что мое дальнейшее пребывание на болгарском престоле является вредным для интересов страны, то я отказываюсь от престола".<sup>81</sup> В то же утро охрана вывезла князя в неизвестном для него направлении. В Петербурге могли лаяковать.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Съединението 1885. Сборник от документи 1878/1886. София, 1985; Съединението 1885. Спомена. София, 1985.

2. Радев С. Строителите ... С.150.

3. Горянов С.М. Конец союза Императоров. 1881-1900 г. - Известия министерства иностранных дел. Петроград, 1915, кн. II. С.156-157.

4. Захари Стоянов (1850 или 1851-1889) - революционер, писатель, участник Старо-Загорского восстания 1875 года, Апрельского восстания 1876 года, идеолог и председатель БТРИК.

5. АВВР, ф.Посольство в Вене, д.272, л.315, Г.В.Игельстром-Мид, 11 сентября 1885 г.

6. Съединението 1885. Сборник от документи ... С.335.

7. АВВР, ф.Посольство в Вене, д.272, л.190 и об., копия о донесения Г.В.Игельстрема, 4 ноября 1885 г.

8. АВВР, ф.Политархив, д.1280, л.381, А.И.Кояндер - Н.К.Гирсу, 5 октября 1885 г.

9. Записки великого визиря Киамиль-паши. - Известия министерства иностранных дел. Петроград, 1915, кн. I. С. 181-184.

10. Радев С. Строителите ... С.541, 565.

11. АВВР, ф.Посольство в Вене, д.272, л.279, Г.В.Игельстром, 6 сентября 1885 г.; Радев С. Строителите ... С.541.

12. АВВР, ф. Посольство в Вене, д.272, л.281, М.М.Чичагов-Н.Н.Обручеву, 7 сентября 1885 г.

13. Уже 14 сентября Кояндер в своей телеграмме в Петербург предлагал для "отрезвления болгар" задержать на таможене в Рени снаряды, патроны и ремонтных лошадей, ранее закупленных болгарским военным министерством. - АВВР, ф.Политархив, д.4, л.13, А.И.Кояндер, 14 сентября 1885 г.

Однако предложенная им мера после долгого обсуждения не вышла поддержки в верхах. В начале октября министр финансов П.Х.Бунге и военный министр П.С.Ванновский получили от Гирса соответствующие распоряжения о пропуске в княжество военного снаряжения, сосредоточенного в Рени и Одессе. - Там же, л.36, П.Х.Бунге-Н.К.Гирсу, 4 октября 1885 г.; л.41, П.С.Ванновский-Н.К.Гирсу, 9 октября 1885 г.

Подписывая эти письма, Гирс, вне всякого сомнения, исходил прежде всего из той обстановки, которая была чревата опасностью вторжения на территорию Болгарии как со стороны Турции, так и Сербии. Несомненно и то, что о разрешении императора Гирс, кроме этой партии снаряжения, распорядился 22 октября о пропуске через Одесскую таможню восьми миллионов патронов, заказанных болгарской стороной 16 сентября у тульского заводчика Ф.Г. фон Гилленшмидта. - АВВР, ф. Политотдел, д. 4, л. 52, Н.Х. Бунге-Н.К. Гирсу, 24 октября 1885 г.

Следующая крупная поставка оружия была осуществлена в декабре 1885 г., когда военным министерством России было отпущено Болгарскому княжеству десять тысяч винтовок системы Бердана. - Там же, л. 63, Ф.Г. фон Гилленшмидт-Н.К. Гирсу, 29 января 1886 г.

Однако последующие просьбы об отпуске гранат, снарядов, патронов и прочего военного снаряжения были оставлены без последствий. Одной из причин отказа было нежелание довозвращать болгар, когда усилила Россия направлялись к тому чтобы "побудить балканские государства к разоружению". - Там же, Н.К. Гирс-П.С. Ванновскому, 1 марта 1886 г.

Лишь 1 июля 1886 г. Александр III, уступая настойчивым просьбам из Софии, дал разрешение на отпуск запрашиваемого военного снаряжения с небольшими изменениями. - Там же, л. 79, помета Н.К. Гирса на донесении П. Богданова-МИД, 28 июня 1886 г.

Таким образом, на вопрос поставок военного снаряжения в княжество не влияли в значительной степени отношения между императором и князем. Безопасность Болгарии в этом отношении была внешне для России.

14. АВВР, ф. Посольство в Вене, д. 272, л. 307, Г.В. Игельстром, 10 сентября 1885 г.

15. Радев С. Строители ... С. 548.

16. Карцов Ю.С. Семь лет ... С. 253.

17. См.: Золотухин М.Ю. Болгарский кризис 1885-1886 гг. на страницах русской периодической печати. М., 1982. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 10598 от 5.07.82 г.; Пантев А. За отношението на руския буржоазен печат към българските събития (август 1886 - юли 1887). - Изследвания по българска история, Т. 3. Външната политика на България (1878-1944), София, 1978.

18. Карцов Ю.С. Семь лет ... С. 259.

19. Радев С. Строители ... С. 567.

20. АВВР, ф. Политархив, д. 1281, л. 41, Н.К. Гирс-А.И. Косяндеру, 21 сентября 1885 г.

21. Там же, д. 1282, л. 60, А.И. Косяндер-МИД, 12 октября 1885 г.

22. Радев С. Строители ... С. 559.

23. АВВР, ф. Политархив, д. 1282, л. 60, А.И. Косяндер-МИД, 12 октября 1885 г.

24. Там же, д. 1280, л. 389 об-391, А.И. Косяндер - Н.К. Гирсу, 5 октября 1885 г.

25. Там же, л.385.
26. Димитр Ризов (1860 или 1862-1918) - общественный деятель, публицист, один из основателей Софийского македонского центрального комитета, член БТРИК, член временного правительства в Пловдиве.
27. АВПР, ф.Посольство в Вене, д.272, л.36 об-37, Г.В. Игальстром, 12 октября 1885 г.
28. Георги Странский (1847 или 1848-1904) - получал медицинское образование в Бухаресте, работал врачом во время сербо-турецкой войны и русско-турецкой кампании. Участник Учредительного собрания и Областного собрания в Восточной Румелии, где занимал ряд ответственных постов. Один из лидеров либеральной партии.
29. АВПР, ф.Посольство в Вене, д.272, л.72 и об., Г.В. Игальстром, 11 октября 1885 г.
30. См.: Пантев А. Англия орещу Русия на Балканите 1879-1894. София, 1972.
31. Радев С. Строителите ... С.570.
32. Идол совещания принадлежала русской дипломатии, предложившей ее 13 сентября 1885 г. великим державам.
33. Радев С. Строителите ... С.571.
34. Там же, С.573.
35. Первое предупреждение о возможности сербского нападения болгары получили от Гирса в Фреденсбурге. Он добавлял, что Россия через Австрию старается удержать короля Милана от войны в обмен на обещание болгарской стороны не поднимать восстания в Македонии. В княжестве и сами понимали всю опасность подобного предприятия, чреватого осложнениями. Со стороны Каравелова 11 сентября 1885 г. последовал приказ о принятии мер по недопущению перехода границы добровольцами. - Радев С. Строителите ... С.560-561, 568-569.
36. Радев С. Строителите ... С.572-573.
37. Там же. С.585.
38. Съединението 1885. Сборник от документи ... С.410.
39. АВПР, ф.Политархив, д.1280, л.404 об.-405 об., А.И.Кояндер-Н.К.Гирсу, 8/20 октября 1885 г.
40. Радев С. Строителите ... С.585.
41. Стателова Е. Дипломацията ... С.173.
42. АВПР, ф.Политархив, д.1280, л.407 и об., А.И.Кояндер - Н.К.Гирсу, 8/20 октября 1885 г.
43. Иван Ристич (1831-1889) - сербский государственный и политический деятель, занимавший неоднократно высшие посты в правительстве.
44. Цит. по: Радев С. Строителите ... С.596.
45. Карцов Ю.С. Семь лет ... С.264.
46. Там же. С.266.
47. Там же.
48. Радев С. Строителите ... С.593.
49. Там же. С.597.
50. Там же. С.631.
51. АВПР, ф. Политархив, д.1280, л.417 об. - 418, П.М.Богданов - Н.К.Гирсу, 15 ноября 1885 г.

52. Там же, л.428 и об., П.М.Богданов - Н.К.Гирсу, 1 декабря 1885 г.
53. Карцов Ю.С. Семь лет ... С.267.
54. АВПР, ф.Политархив, д.1281, л.71, П.С.Ванновский - Н.К.Гирсу, 4 декабря 1885 г.
55. Радев С. Строителите ... С.729.
56. 16 июня 1881 г. Милан Обренович без ведома окупщицы заключил с Австро-Венгрией тайную конвенцию, по которой Сербия отказывалась от претензий на Боснию и Герцеговину и Новопазарский санджак и не могла без предварительного разрешения вести переговоры и заключать договоры с другими странами - в обмен на поддержку династии Обреновичей.
57. Радев С. Строителите ... С.709.
58. АВПР, ф.Политархив, д.1280, л.444 об., П.М.Богданов - Н.К.Гирсу, 10 декабря 1885 г.; Радев С. Строителите ... С.710.
59. Радев С. Строителите ... С.728-729.
60. АВПР, ф.Посольство в Вене, д.272, л.377, Д.С.Карцов, 26 декабря 1885 г.
61. Радев С. Строителите ... С.719.
62. Там же, С.720-722.
63. Карцов Ю.С. Семь лет ... С.276.
64. Радев С. Строителите ... С.725-728.
65. АВПР, ф.Политархив, д.965, л.453 и об. Записка 2 драгомана П.В.Максимова, 9/21 октября 1886 г.
66. Външната политика на България ... С.719.
67. Радев С. Строителите ... С.734.
68. Там же.
69. Там же. С. 734-735.
70. АВПР, ф.Политархив, д.2183, л.122 об. - 123, Н.Г.Гартвиг - И.А.Зяновъеву, 18 января 1888 г.
71. Радев С. Строителите ... С.748-754.
72. АВПР, ф.Канцелярия, д.92, л.380, П.М.Богданов, 19 июня 1886 г.
73. Радев С. Строителите ... С.759.
74. АВПР, ф.Канцелярия, д.27, л.269-271, программа А.И.Неждова от 28 июня 1886 г.
75. К.Никифоров (1856-1891) - завершил Михайловскую военную артиллерийскую академию в Петербурге, преподаватель военного училища в Софии с 1883 по 1886 гг., военный министр с 1885 по 1886 гг.
76. АВПР, ф.Канцелярия, д.92, л.398-399, П.М.Богданов - МЦ, 30 июня 1885 г.
77. Там же, л.480-481, П.М.Богданов - МЦ, 29 июля/10 августа 1886 г.
78. Там же, л.496 об.
79. Там же, л.107, л.410, Н.К.Гиро - П.М.Богданову, 2 августа 1886 г.
80. Радев С. Строителите ... С.792.
81. Там же. С.799.

## ПОСЛЕДНИЕ ИЛЛЮЗИИ

### ПЕРЕВОРОТ, КОНТРПЕРЕВОРОТ И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ОТРЕЧЕНИЕ КНЯЗЯ

Итак, 9/21 августа 1886 г. Александр I Баттенберг перестал быть монархом Болгарии. Руководителями переворота были: начальник военного училища майор Груев, товарищ военного министра А.Бендерев, начальник строевого и инспекторского отделения при военном министерстве капитан Р.Дмитриев, капитаны Вазов и Паков. В заявлениях для газеты "Московские Ведомости" (позднее перепечатанном "Новым Временем") Дмитриев подчеркивал: "Мы, болгары, всегда видели в России державу, которой мы обязаны всем и которая одна может обеспечить нашу национальную независимость и объединение ... Наши мечты были ... достигнуть славянской федерации в форме объединения вооруженных наших сил под общим управлением Великого Царя. Мы сознавали, что к достижению этого идеала было много политических препятствий и мы стремились к тому, чтоб если не формально, то по крайней мере фактически установилось это объединение. Вначале все шло как следует и в лице Баттенберга мы видели только представителя Русского императора. Но не имея ничего общего с нами, немецкий принц не захотел служить великой идее, связующей нас с Россией ... Мы ждали, что Баттенберг образумится и так или иначе возвратит нам покровительство России. (После войны с Сербией - В.К.) Но каково было наше удивление, когда мы, вместо ожидаемого сближения, прочли

турецко-болгарское соглашение, по которому в случае нужды Баттенберг был готов преподнести болгарский контингент султану для борьбы против внешних врагов, следовательно, и России. Терпению нашему настал конец, мы видели, что отечество находится на краю гибели... Спасти его, по нашим понятиям, можно было только удалив из страны принца Баттенберга. Вот истинные причины переворота 9 августа". Судя по словам Дмитриева, после переворота руководство заговора рано утром обратилось в русское дипломатическое агентство с просьбой о покровительстве России над Болгарией. Одновременно, они высказали еще одну просьбу о командировании к ним военного министра, бригадных и полковых командиров и еще несколько высших офицеров для занятия важнейших должностей<sup>1</sup>.

В тот же день из Петербурга, где Александр III получил долгожданное известие о перевороте, в болгарскую столицу полетела телеграмма секретарю консульства Влангали. В ней предписывалось соблюдать сдержанность, невмешательство в раздоры партий, указывалось на желательность составления правительства из "людей благонамеренных" с участием в нем известного русофила митрополита Климента. В намеренно посланной открытым текстом телеграмме подчеркивалось, что в Петербурге не помышляют об оккупации Болгарии<sup>2</sup>. В то же время в ней не содержалось ничего такого, что могло быть истолковано в смысле усиления армии русскими офицерами. Вероятно, русские дипломаты считали, что до упрочения положения самого правительства и выбора нового князя представляется преждевременным рассматривать эту просьбу.

Тесно связанное с русским дипломатическим агентством руководство переворота поспешило последовать преподанному совету и составило новое временное правительство того же 9 августа под руководством упомянутого Климента<sup>3</sup>.

Верхушечный переворот породил множество проблем как внешнего, так и внутреннего характера. Их необходимо было срочно решать. Поэтому правительство Климента начало немед-

ленно ходатайствовать перед Александром III об оказании материальной помощи, обеспечению границ Северной и Южной Болгарии от неприятельского вторжения и гарантий полного соединения обеих частей Болгарии. Судя по информации Богданова, за такое вторжение выступал управляющий английским дипломатическим агентством Стивен, который убеждал турецкого представителя в Софии Гадбана-эфенди в необходимости занятия войсками империи Болгарии и Южной Румелии. По мнению Стивена, такая акция предупредила бы нападение Сербии на Болгарию и, самое главное, воспрепятствовала бы русскому влиянию<sup>4</sup>.

Внутри страны положение было также достаточно серьезным, так как военный переворот еще не означал безусловного подчинения армии правительству. Существовала опасность неподчинения местных властей Софии. Резко отрицательной была позиция Стамболова, считавшего изгнание князя губительным для Болгарии. Имея большой опыт политической борьбы, Стамболов не мог не знать, что подобный переворот с его последующими указами означал в случае упрочения положения заговорщиков крах его политической карьеры и его устремлений к достижению Болгарией независимости от самодержавной России.

Тем временем, непрерывно поступающая информация от русских дипломатов рассматривалась в Петербурге царем. Было принято решение предоставить заимобразно правительству Стамбула до 800 тыс. фр. По вопросу соединения русское дипломатическое агентство было уполномочено передать, что болгарам "лучше всего положиться на известное им доброжелательство России"<sup>5</sup>, но каких-либо твердых гарантий не было дано. Остальные вопросы были обойдены молчанием или тонули в общем потоке дипломатической фразеологии. Фактически инспирировав свержение Баттенберга Александр III "умыл руки", заняв позицию наблюдателя. Ситуация в Болгарии была слишком неустойчивой, чтобы царь мог связывать себя обещаниями. Александр III возлагивал всю тяжесть решений на самих детона-

торов и временное правительство.

Однако эта ноша была им не по плечу. Стамболов, развивший бурную деятельность в Тырнове, открыто противопоставил себя Софии и успешно собирал своих сторонников, особенно в армейской среде, почитающей Баттенберга как героя воссоединения и битвы под Сливницей. К выступлению против Софии приложил свою руку и английский консул в Пловдиве, подстрекавший противников переворота к контрперевороту и гарантировавший "спокойствие" турецких войск на границе с Болгарией<sup>6</sup>.

Уже к 11 августа Стамболов, имея за собой поддержку армии, во главе которой встал С. Муткуров, — был настолько уверен в своей победе, что ультимативно требует в своей депеше от Климента "в 24 часа сложить власть и подчиниться главнокомандующему болгарскими войсками подполковнику Муткурову". В случае же неподчинения Климент предупреждался о расстреле вместе со своими соучастниками<sup>7</sup>. 12 августа Стамболов составляет список членов правительства, которое должно было бы действовать до возвращения князя в Болгарию<sup>8</sup>. В то время как в Тырнове шла работа по подбору кандидатов в министры и принципа организации власти, в Софии шел напряженный поиск выхода из создавшегося положения. Поддерживавшие детронаторов воинские части были невелики, чтобы правительство могло рассчитывать на них. В конечном итоге было принято решение о необходимости нового состава коалиционного кабинета министров, чье формирование доверить Каравелову, пользовавшемуся безусловным авторитетом в стране. Именно с этой просьбой к нему и обратились участники заговора 9 августа. Однако этого было недостаточно. Лишь после того, как Богданов гарантировал ему поддержку России, в частности, по вопросу обеспечения внешней безопасности Болгарии, Каравелов дал не только свое согласие, но и обещал не допустить возвращения Баттенберга в страну. 12 августа требуемое правительство было сформировано<sup>10</sup>.

Каравелов понимал, что без поддержки России и, одновре-

менно, без соглашения со Стамболовым, его правительство будет таким же призраком, как и предшествовавшие кабинеты. Поэтому, он поспешил, с одной стороны, заверить Богданова, что его кабинет "будет во всем слушаться советов России"<sup>11</sup>, с другой стороны, заклинал Стамболова не предпринимать ничего, т.е. не ввергать страну в хаос гражданской войны, не подвергать ее опасности оккупации со стороны России и Турции<sup>12</sup>. Стамболов также был достаточно опытен, чтобы не понимать всей сложности политического момента. Он был готов признать правительство Каравелова, но ставил при этом несколько условий, одним из которых было возвращение в страну князя. Поставленный в трудное положение Каравелов пошел на определенную уступку, согласившись лишь на временный проезд Баттенберга, т.е. до окончательного решения вопроса о судьбе болгарского престола. Однако и эта уступка вызвала крайнее раздражение у Богданова, заявившего Каравелову, что "соглашение его со Стамболовым о временном приезде князя как удовлетворении за унижения может иметь значение лишь на сколько оно парализует сопротивление Стамболова и успокоит иностранных агентов"<sup>13</sup>. Не допуская и мысли о действительном возвращении Баттенберга, Богданов решил применить другую тактику, а именно, тактику запугивания болгарской стороны войной с Сербией, где якобы идет подготовка к ней<sup>14</sup>. Соответственно, он информирует Каравелова, а через него и Стамболова о том, что "Россия обеспечивает границы Болгарии и окажет ей полную поддержку с условием, чтобы князь не возвращался, в противном же случае русские войска займут Болгарию и первым будет повешен Стамболов"<sup>15</sup>.

Не особенно веря в осуществимость угроз Богданова, Стамболов тем не менее не отбрасывал их целиком. Именно поэтому, стремясь избежать опасности оккупации, Стамболов ведет долгие переговоры по телеграфу с Каравеловым с целью достичь хотя бы временного единства до приезда князя. Одновременно он готовит обращение к народу, главными пунктами которого были: осуждение переворота 9 августа, образо-

вание наместничества до возвращения князя, формирование смешанного правительства, где пост премьер-министра отводился Каравелову<sup>16</sup>.

Однако Каравелов и его коллеги по кабинету категорически отказались от включения их имен под таким обращением и его обнародованием в столице. Они были уверены, что появление подобного документа вызовет кровопролитие между частями переворота и войсками Муткурова, приближавшимися к столице<sup>17</sup>. Вооруженное же столкновение между ними, как подчеркивал Стамболову Каравелов, может быть использовано для оккупации страны.

Все же настойчивость Стамболова, его энергия, направленная к достижению соглашения с Каравеловым, почти увенчалась успехом. Софийское правительство было готово направить частным образом своих представителей на встречу с Стамболовым для выработки приемлемого решения. Однако из-за коренного разногласия по "форме и времени" издания обращения переговоры были сорваны. 15 августа Каравелов и его коллеги по правительству передали телеграфом Стамболову: "Мы категорически заявляем, что несогласны быть частью составленного вами кабинета министров. Это наше последнее слово. Мы умываем руки и складываем с себя всю ответственность"<sup>18</sup>.

Размышляя об отказе Каравелова, можно выдвинуть несколько причин подобного политического отступления. Возможно, это был страх политика, не желавшего компрометировать себя вхождением в правительство Стамболова с помощью солдат Муткурова. Возможно и то, что Каравелов предвидел, что при Стамболове ему будет отведена чисто представительская роль для создания в народе впечатления единства. И третья, по моему мнению, основная причина была напрямую связана с вопросом о князе. Каравелов, имевший политический опыт с русской дипломатией и ненавидевший самодержавную Россию, не видел в то же время иной силы, которая могла бы обеспечить неприкосновенность границ Болгарии после воссоедине-

ния. Он не был настроен против возвращения князя для последующего решения вопроса о престоле, но именно российский император и русская дипломатия выступали против приезда уже свергнутого Баттенберга. Будучи в определенной степени пленником имперской мощи, Каравелов, как и многие болгары, по-видимому, верил в возможность оккупации страны Россией в случае прибытия князя и занятия им престола. Политика же Стамболова вела именно к возврату Баттенбергу болгарского престола. Перечисленные причины, разумеется, в неодинаковой степени, и могли повлиять на отказ Каравелова войти в формируемое Стамболовым правительство.

В создавшейся ситуации Стамболову не оставалось ничего другого как составлять правительство без Каравелова. 16 августа он публикует свое обращение, бывшее предметом полемики с Каравеловым. В нем же сообщались сведения о составе правительства<sup>19</sup>, которое, по признанию Гирса, не могло внушать доверия<sup>20</sup>. В тот же день Стамболов приказал Муткурову двинуть войска на Софию, которая была занята без боя 18 августа.

Возвращаясь к русской политике, надо сказать, что того же 16 августа агентство в Софии получило две телеграммы. Первая (еще до получения известия о формировании правительства Стамболова) гласила о предстоящем приезде императорского посланца князя Долгорукого для изучения ситуации в стране и поддержки временного правительства. Каравелов, которому было передано содержание телеграммы, увидел в посылке Долгорукого дурной знак возможной оккупации, и попытался еще раз договориться со Стамболовым для выработки общей линии поведения. Однако, разногласия в вопросе о князе и на этот раз привели к провалу переговоров<sup>21</sup>. Вторая телеграмма, подписанная Гирсом после получения информации о создании временного правительства Стамболова, была поддержана в духе выжидательной политики. В частности, в ней подчеркивалось, что "в виду невозможности противодействовать естественному ходу событий, мы понимаем необходи-

мость не отнимать у лиц, стоящих во главе правительства надежды на возможность сближения с Россией"<sup>22</sup>. Эта безысходность Петербурга кажется на первый взгляд странной, учитывая тот факт, что для Стамболова "естественный ход событий" предусматривал возвращение Александра Баттенберга. Можно предположить, что во дворце императора были уверены в своей силе и в будущем отказе князя от престола.

Так оно и случилось. Судя по воспоминаниям современников, архивным материалам, современным исследованиям, князь понимал всю непрочность своего положения"<sup>23</sup>. Тем не менее он решился на приезд в страну, предпочитая в худшем случае добровольно отречься от престола, нежели прослыть князем, которого выгнали солдаты. 17 августа в Русе Баттенберг издает манифест о своем возвращении и принятии управления страной.

В тот же день в своей строго доверительной беседе с местным русским консулом Б.Шатохиным Александр I ставит вопрос о его признании Россией, заявляя, что он готов отречься от престола, если это соответствует воле императора. Телеграмма князя на имя царя, отосланная в тот же день, заканчивалась словами "Россия даровала мне мою корону, и эту корону я готов вернуть ее монарху"<sup>24</sup>. Ответ из Петербурга запаздывал. Вероятно, это были одни из самых тяжелых дней в жизни Александра I. Молчание Петербурга было плохим предзнаменованием. В этом нервном ожидании князь, по моему мнению, считал, что в Петербурге от него ждут иного заявления. И князь решает. 19 августа Шатохин по просьбе Александра I извещает Петербург о том, что князь "твердо намерен покинуть навсегда Болгарию и что таковое решение его об отречении бесповоротно"<sup>25</sup>. Действуя таким образом, Александр I, отринув личное самолюбие, надеялся умиловить царя и предотвратить вмешательство России во внутренние дела страны. Окончательные переговоры о деталях своего ухода князь намеревался провести, по моему мнению, с Долгорукими, чей приезд он хотел использовать для получения

гарантии невмешательства.

х

Здесь трудно говорить об искренности слов князя, зная его непростые отношения с Петербургом. Но если учитывать такой нематериальный фактор в политике как честность своего слова, а также понимание всей безысходности борьбы с Александром Ш, надо признать, что Александр I был искренен и действительно не хотел прослыть "солдатским императором".

20 августа поступил ответ от Александра Ш. В телеграмме говорилось: "Не могу одобрить возвращения вашего, предвидя злополучные последствия для страны, уже подвергшейся столь тяжким испытаниям. Миссия князя Долгорукого становится несвоевременной. Я воздержусь от всякого вмешательства в печальное положение дел, до которого доведена Болгария, пока вы будете там оставаться. Валему высочеству предстоит решить, что вам надлежит делать. Предоставляю себе судить о том, к чему обязывают меня чтимая мною память моего родителя, интересы России и мир на Востоке"<sup>26</sup>.

В качестве комментариев к ответу Александра Ш необходимо привести оценки русской общественной мысли. Одна из них принадлежала А.А.Кирееву, известному историку славянофильства. В своей статье "Ответ русского царя принцу Александру Баттенбергскому" он писал об ошибочности выбора на болгарский трон князя, который будучи ставленником королевы Виктории начал устраивать "европейский Афганистан". Считая единственной заботой России сохранение веры и своей народности балканскими славянами, Киреев в духе панславизма подчеркивал, что "Россия может и должна не допускать в жизнь этих народов чуждых им начал... Мы будем находиться в Болгарии в том же положении, в каком находятся австрийцы в Боснии и Герцеговине, с той разницей, что мы будем призваны в Болгарию самим болгарским народом и поэтому не будем нуждаться в войсках и жандармах для того, чтобы вводить "порядок"; по окончании нашего дела - мы удалимся, пусть тогда и другие последуют нашему примеру, пусть и они окажутся столь же честными"<sup>27</sup>. Вторая оценка вынесена исто-

риком и философом Б.Н.Чичериным. В своих воспоминаниях Чичерин, резко критикуя русскую политику в Болгарии, иронически вопрошал, как мог Александр III осуждать возвращение "законного же, самой Россией поставленного князя, подвергшегося наглому насилию и вновь призванного своими верными подданными". Обобщая все провалы русской политики в таких странах как Румыния, Сербия, Болгария, Чичерин, будучи сторонником конституционной монархии, указывал, что "приобретенное вековыми усилиями и жертвами было потеряно вследствие вие безрассудной политики, которая отвергнув предания осторожности в международных сношениях, пыталась замаски русскому самовластию проявить и в отношении к освободенным нами народам"<sup>28</sup>.

Говоря о своей оценке телеграммы Александра III, то я вижу закономерную связь ее содержания со всем предшествовавшим курсом русской дипломатии с ее активными с 1883 г. попытками устранения князя от власти. Иного ответа трудно было ожидать, так как какой-либо компромиссной программы действий, которая могла бы послужить основой для урегулирования положения дел не было у русской дипломатии во главе с Александром III.

Для правящих кругов самой Болгарии ответ царя был совершенно неожиданным, так как Стамболов и его окружение ничего не знали о телеграммах Баттенберга в Петербург. По свидетельству Радева ярость Стамболова не знала границ. "Для этого человека, — как он говорил своим друзьям, — мы подняли на ноги всю Болгарию... брат против брата обнажил нож, и он принимает такое судьбоносное решение не спрашивая нас; бросает свою корону к ногам иноземного монарха и скрывается от нас?"<sup>29</sup> Негодование Стамболова сменится в конечном итоге разочарованием. По его мнению, с Баттенбергом "едва ли станет для них возможным привести Болгарию к благополучному исходу"<sup>30</sup>.

Напряженная политическая обстановка усугублялась начавшимися гонениями против лиц, замешанных в перевороте 9 ав-

густа. В стране было объявлено военное положение, произведены аресты офицеров-детронаторов и некоторых политических деятелей, входивших в состав правительств. Из русских консульств в Петербург летели телеграммы о произволе местных властей и об избиениях и арестах сторонников России<sup>31</sup>. Русские консулы прямо предлагали оккупацию как единственное средство спасения страны и сохранения своего влияния в ней<sup>32</sup>.

Вопрос об оккупации оставался и в центре внимания князя, готовившегося покинуть Болгарию. В своей беседе с Богдановым, состоявшейся 22 августа, он просил передать царю, чтобы "партия преданная ему была гарантирована, что с отъездом его не будет нарушена самостоятельность народа, точно также, чтобы партия противная ему была убеждена, что Россия согласна на форму, в которую поставлен уход его"<sup>33</sup>. Ненавидящий князя Александр III оставил характерную помету на этом донесении из Софии: "Я на все согласен, лишь бы он убирался скорее из страны"<sup>34</sup>.

23 августа Баттенберг созвал совещание видных политических деятелей, где наряду с приверженцами князя присутствовали Цанков и Каравелов. На этой встрече был выработан вопросник, переданный 24 августа императорскому правительству через русское консульство. Признавая отречение князя совершившимся фактом, участники совещания поставили в нем ряд вопросов: о поддержке временного коалиционного правительства, о порядке выбора и кандидатуре князя, о деле Союзения<sup>35</sup>. Ответ из Петербурга был получен незамедлительно. 26 августа политическим лидерам страны было сообщено следующее: "1. Россия будет поддерживать временное правительство, лишь бы оно являлось представителем интересов не отдельной политической партии, а руководилось общим благом страны, требующей прежде всего прекращения распри и восстановления спокойствия.

2. Не считая своевременным предлагать кандидатуру на княжество, Россия отлагает это до того времени, когда ус-

покоится страсти и восстановится порядок.

3. Россия готова будет содействовать соединению, но с условием, чтобы болгаре отказались от замыслов и попыток достигнуть это насильственными мерами, которые могут только подвергнуть страну новым тяжким испытаниям.

4. Восстановление прежних тесных сношений Болгарии с Россией будет зависеть от искренних усилий временного правительства, которые заставят забыть прошлое. Всякие теперь условия с нашей стороны признаем бесцельными. По всем другим вопросам произнесем, когда минует кризис<sup>36</sup>.

Радев был прав в оценке этого документа, когда подчеркивал условность его формы, отсутствие твердых гарантий и легкость, с которой эти обещания могли быть ликвидированы<sup>37</sup>. По своей сути его содержание соответствовало политике Александра III, стремившегося удержать Болгарию в орбите своего влияния, как государя России. Гарантии требовались не от Петербурга, а от Софии. Первым таким актом должен был стать съезд князя.

Для Стамболова и его политики решение Баттенберга оставить страну было, как уже подчеркивалось, ощутимым ударом. Согласившись на отречение Баттенберга, он тем не менее попытался в последний момент удержать его от подобного шага<sup>38</sup>. Вероятно, Стамболов рассчитывал, что существовавшие противоречия и напряженность в отношениях между европейскими державами предотвратят угрозу оккупации и смену князя. Прежде всего это относилось к русско-английским и русско-австрийским отношениям. Особенно сильны были ряды сторонников князя в Англии, давнего противника усиления России на Балканах. Здесь трудно прогнозировать развитие событий в случае принятия Баттенбергом предложения Стамболова, но одно несомненно — безопасность князя была бы под угрозой. Убийства по политическим мотивам были не редкость в истории 19 века.

Надо сказать, что предложение Стамболова было отвергнуто. Разуверившись в армии, из рядов которой вышли заговор-

тики 9 августа, брошенный в конечном итоге Европой, давши обещание царю сложить болгарскую корону, князь был тверд в своем решении. 26 августа он подписал обращение к народу о своем отречении и назначении регентства из Стамболова, Мункурова и Каравелова. Введение последнего в регентство должно было показать России, что в Болгарии стремятся следовать ее советам о формировании власти-из представителей различных партий. В то же время, для Стамболова Каравелов как один из регентов был менее опасен, как если бы он находился во главе оппозиции<sup>39</sup>. В тот же день Александр Батенберг уехал из Софии. 27 сентября он пересек границу Болгарии<sup>40</sup>.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Новое Время. I/13 октября. № 3804. Автор этого примечательного заявления - Дмитриев (Димитриев) Радко (Русско Д. Русков) (1859-1918) - участник русско-турецкой войны, завершил Софийское военное училище и Военную академию в России. Активный деятель движения за воссоединение Болгарии. После событий, связанных с детронацией Александра эмигрировал в Россию, где служил на Кавказе. Вернулся в Болгарию в 1898 г., где занял пост начальника штаба армии. Во время балканской войны 1912 г. III армия, которой он командовал, одержала крупные победы над турецкими войсками. В межсоюзнической войне был помощником главнокомандующего. После проигрыша войны был послан в Петербург в качестве болгарского полномочного министра. Во время I-ой мировой войны из-за несогласия с политикой короля Фердинанда вышел в отставку и поступил на службу в русскую армию. Командовал III и II сибирскими корпусами, III и XII армиями на Юго-Западном и Северо-Западном фронтах. Расстрелян эсером Сорочкиным в 1918 г.

2. АВПР, ф. Канцелярия, д. 107, л. 408, Н.К.Гирс - П.М. Богданову, 9 августа 1886 г.

3. Радев С. Строителите на съвременна България. София, 1973. Т. 2, С. 19-20. (Состав временного правительства был следующим: майор Никифоров - военный министр, Д.Цанков - министр внутренних дел, Т.Бурмов - министр финансов, Хр. Стоянов - министр иностранных дел и исповеданий, В.Радославов - министр правосудия, К.Величков - министр просвещения). Предложенный в правительство Каравелов отвел свою кандидатуру под предлогом что "не может принять никакого участия в деле, при выполнении которого он слышал только голоса "Да здравствует Россия", но не слышал криков и "Да здравствует България" - Радев С. Там же.)

4. АВПР, ф. Канцелярия, д. 92, л. 532, П.М.Богданов - МИД, 10 августа 1886 г.

5. АВПР, ф. Канцелярия, д. 107, л. 405об.-406. Н.К.Гирс - П.М.Богданову, 11 августа 1886 г.

6. АВПР, ф. ЦА, д. 2178, л. 30, Г.В.Игельстром - МИД, 12 августа 1886 г.

7. Сава Мугкуров (1852-1891) - образование получил вначале в Военно-медицинском училище в Константинополе, затем в Одесском инженерном пехотном училище. Будучи офицером русской армии участвовал в сербо-турецкой и русско-турецкой войнах. После завершения последней войны продолжил профессиональную карьеру военного на своей родине. Приверженец князя. Женат на сестре Стамболова, с которым был знаком еще по Одессе.

8. Радев С. Строителите... С. 82.

9. Предложения Стамболова по составу временного правительства были таковы: согласно ст. 19 конституции образовывалось наместничество из Стамболова, Славейкова, Никифорова; в правительство входили Каравелов - председатель Совета министров и министр финансов, Радославов - министр внутренних дел, Панов - военный министр, Начович - министр иностранных дел, Орошаков - министр правосудия. - Радев С. Там же, с. III.

10. В обращении Каравелова к болгарскому народу от 12 августа говорилось о составлении правительства под его председательством и членами: председателем Народного собрания Стамболовым и майором Никифоровым. В кабинет министров входили: Стоилов - министр иностранных дел и исповеданий, Радославов - министр внутренних дел, Иванчов - министр народного просвещения, Решов - министр финансов, Орошаков - министр правосудия, майор Панов - военный министр. - Радев С. Там же, с. III-III4.

11. АВПР, ф. Канцелярия, д. 92, л. 576, П.М.Богданов - МИД, 12 августа 1886 г.

12. Радев С. Там же, с. 137-139.

13. АВПР, ф. Канцелярия, д. 92, л. 609, П.М.Богданов - МИД, 14 августа 1886 г.

14. В МИД сообщали из Белграда, что "Неминуемой опасности для Болгарии со стороны Сербии нет. Финансовые затруднения и внутреннее положение связывают руки правительству" - АВПР, ф. ЦА, д. 2178, л. 21, М.Поджио - МИД. 13 августа 1886 г.

15. АВПР, ф. Канцелярия, д. 92, л. 609, П.М.Богданов - МИД, 14 августа 1886 г.

16. Радев С. Там же, с. 134-135.

17. Каравелов, сообщая по телеграфу о своей неудачной попытке договориться с софийским гарнизоном, подчеркивал, что офицеры не видят для себя спасения в случае обнаружения обращения Стамболова. Поэтому они будут готовы к отчаянной защите. - Радев С. Там же, с. 150.

18. Там же, с. 158.

19. Наместничество состояло из Стамболова, Славейкова,

Странского. Главнокомандующим оставался Мугниев. И кабинет министров входили: В. Радославов - премьер-министр и министр внутренних дел, Начович - министр иностранных дел и исповеданий и временно управляющий финансами, Николаев - военный министр, Тончев - министр правосудия, Живков - министр народного просвещения. - Радев С. Там же, с. 160.

20. АВПР, ф. Канцелярия, д. 107, л. 397, Н.К. Гире - П.М. Богданову, 16 августа 1886 г.

21. Радев С. Там же, с. 158-160.

22. АВПР, ф. Канцелярия, д. 107, л. 397, Н.К. Гире - П.М. Богданову, 16 августа 1886 г.

23. Судя по воспоминаниям командира пограничной стражи в г. Рени, в ответ на его запрос в Петербурге об инструкциях относительно князя, переданного ему заговор икнами 13 августа, ему приказывалось: "Объявить князю Александру Баттенбергскому, что он может свободно возвратиться в Болгарию через ближайший пункт австрийской границы, если же князь пожелает направиться в Петербург, то сообщить ему, что на сие не последует высочайшего соизволения". Эта телеграмма перечеркнула намерение князя выехать в Петербург экстренным поездом. Вместо Петербурга он был вынужден направиться в Австрию. - Гошинский Г. Г. Князь Александр Баттенбергский в России. - Исторический вестник, 1896. Т. 63. С. 942. Телеграмма, подписанная Гирсом, ставила князя в почти безвыходное положение. Телеграмма Стамболова, посланная ему 15 августа, внушила ему определенную надежду.

24. Горяинов С. М. Разрыв России с Болгарией в 1886 г. Исторический вестник, 1917. т. 147. № 1. С. 189.

25. АВПР, ф. Канцелярия, д. 92, л. 641, Б. Шатохин - МИД, 19 августа 1886 г.

26. Горяинов С. М. Там же, С. 189-190.

27. Киреев А. А. Ответ русского царя принцу Александру Баттенбергскому. Отдельный оттиск из ИСБО. СПб., 1886.

С. 2, 5.

28. Чичерин Б. Н. Воспоминания. М., 1934. Т. 4. С. 296-297.

29. Радев С. Там же, с. 201.

30. Там же.

31. АВПР, ф. Канцелярия, д. 92, л. 627 и об., П. М. Богданов - МИД, 18 августа 1886 г.; там же, ф. ПА, д. 2178, л. 63, Б. Шатохин - МИД, 21 августа 1886 г.; там же, д. 64, Пахитонов - МИД, 22 августа 1886 г.; там же, ф. Канцелярия, д. 92а, л. 140б., Г. В. Игельстром - МИД, 21 августа 1886 г.

32. АВПР, ф. Канцелярия, д. 92, л. 627 об., П. М. Богданов - МИД, 18 августа 1886 г.; там же, д. 92а, л. 7, Г. В. Игельстром - МИД, 20 августа 1886 г.

33. АВПР, ф. Канцелярия, д. 92а, л. 170б., -18, П. М. Богданов - МИД, 22 августа/3 сентября 1886 г.

34. Там же, л. 17.

35. Там же, л. 37, П. М. Богданов - МИД, 24 августа 1886 г.; Радев С. Там же, л. 224.

36. Радев С. Там же, с. 225.

37. Радев С. Там же, с. 225.

38. Там же.

39. В регентство вошли Стамболов, Муткуров и Каравелов. В кабинет министров входили: Радославов - премьер-министр и министр внутренних дел, Начович - министр иностранных дел и исповеданий, Стоилов - министр правосудия, Гетов - министр финансов, Иванчов - министр народного просвещения, Николаев - военный министр. - Радев С. Там же, с. 235-236.

40. О дальнейшей судьбе бывшего болгарского монарха можно сказать следующее: после окончательного крушения надежд, связанных с возвращением на престол, он удалился в частную жизнь. Переименовал свой титул на титул графа Гартенау. Вступил в брак с артисткой в 1889 г. В 1890 г. поступил на австрийскую военную службу, где командовал полком.

### МИССИЯ ГЕНЕРАЛА Н.В.КАУЛЬБАРСА

После отъезда князя начался новый этап в истории русско-болгарских отношений, а вместе с ним и новые проблемы. Основная проблема, как и прежде, заключалась в вопросе о власти. В Петербурге отрицательно относились к регентству, составленному князем. Состав правительства не давал перевеса сторонникам русской ориентации, что также не вызывало доверия императора и Гирса. Беспокойство в Петербурге усиливалось по мере поступления дипломатических депеш из Болгарии о преследовании русофилов, о готовящемся процессе над участниками переворота 9 августа, о возможности возвращения в страну Александра Баттенберга<sup>1</sup>.

Нельзя сказать, что в Софии не понимали необходимости уступок. Органы центральной власти стремились достичь благоприятного впечатления на Петербург через отсрочку суда над заговорщиками и устранение враждебных России демонстраций. По вопросу же регентства как Стамболов, так и Каравелов считали, что его роспуск зависит от приезда будущего князя, увязывая с ним и пересмотр конституции в менее радикальном духе<sup>2</sup>. Но подобные политические шаги не удовлетворяли русскую дипломатию во главе с императором. Вначале МИД предполагал согласиться на временное признание регентства с условием созыва БНС для избрания законного регент-

ства<sup>3</sup>. Однако этот план не принимал в расчет того, что регентство Стамболова было фактически признано большинством держав, а созыв ВНС мог быть обыгран, по мнению посла в Константинополе Нелидова, властями для требования скорейшего выбора князя, каковым может быть выдвинут Баттенберг. Для того чтобы избежать подобной опасности Нелидов предлагал старую тактику оттяжек и проволочек, а именно, затянуть выборы в ВНС и, соответственно, избрание князя. Для болгарского смутного времени подобная тактика, по его мнению, послужила бы укреплению влияния России в разнородной среде регентства. При возникновении же разногласий и осложнений в правящих кругах можно было бы, как он подчеркивал, уже требовать выборов в ВНС для формирования нового регентства с гораздо большими шансами на успех сторонников России<sup>4</sup>.

Возможно, что такая политика была бы принята, но поток тревожных донесений из болгарской столицы нарастал. 3/15 сентября Неклюдов телеграфировал, что оппозиция ничего не может сделать: "робкие умоляют о прибытии русских войск и комиссара, бойкие - просят денег для тайной организации имеющей целью свергнуть нынешних правителей. Но все соглашались с тем, что на выборах в ВС можно влиять лишь держа в руках власть"<sup>5</sup>. С каждым последующим донесением Неклюдов рисовал все в более мрачных красках положение в стране, особенно по вопросу предстоящего суда над офицерами-детронаторами. В сообщении от 6/18 сентября он решительно писал, что "если не добьется отсрочки суда, то будет угрожать спуском флага и отъездом из Болгарии"<sup>6</sup>.

Неклюдов, безусловно, понимал, что в случае суда авторитет России среди ее сторонников в Болгарии пошатнется. Поэтому Неклюдов был сторонником самых жестких мер, лишь бы не допустить упадка русского влияния.

Штопальщик дипломатических прорех Гирс решил поспешить с отправкой в Болгарию генерала Н.В.Каульбарса. Направляя Каульбарса не в качестве имперского комиссара, как это

предполагалось вначале, а дипломатическим представителем с особыми полномочиями, в Петербурге преследовали две цели. Во-первых, показать Софии готовность к разбирательству и разрешению вопросов русско-болгарских отношений. Во-вторых, командировка именно военного лица, а не штатского дипломата, должна была, по моему мнению, увязываться в сознании болгар с могуществом России, освободившей Болгарию и имеющей определенные права еще раз воспользоваться своей мощью.

Срочно выехав из Вены, Каульбарс 13 сентября прибыл в Софию, куда уже поступила секретная телеграмма с инструкциями для него. В них не содержалось ничего нового. Все тот же взгляд на регентство как на фактическое правительство, а не как на законное. Как и его коллегам Каульбарсу предписывалось помешать суду над детропаторами. Излагалась старая позиция о том, что Россия не может предложить кандидата на престол "при настоящем возбужденном состоянии болгар" и никогда не согласится на переизбрание Баттенберга. Подчеркивалось, что избрание и созыв ВНС при существующем военном положении в стране считается незаконным, равно как и будущие его решения<sup>7</sup>. Таким образом, на Каульбарса возлагалась задача решать сложные и жгучие вопросы старыми средствами. Облеченный доверием императора Каульбарс с жаром принялся за работу. Хотя по признанию самого Каульбарса, то что он прибыл без имени кандидата на престол, сразу поколебало к нему доверие со стороны политических партий Болгарии<sup>8</sup>.

15 сентября Каульбарс вручил болгарскому правительству две ноты. В первой из них, представлявшей ответ царя на телеграмму Народного собрания (открыто 1 сентября - В.М.) с выражениями преданности и надежды на исчезновение натянутых отношений между правительствами двух стран, говорилось о том, что прежние отношения могут быть восстановлены лишь при выполнении императорских указаний через Каульбарса. Во второй ноте были сформулированы советы, а фак-

тически требования к правительству: перенос выборов в ВНС на более отдаленный срок, снятие военного положения и освобождение всех участников заговора 9 августа<sup>9</sup>.

Эта вторая нота вызвала широкий резонанс в европейских столицах. В ней ясно увидели стремление России установить единоличный протекторат над Болгарией. Особенно активно раздалась протесты в Англии и Австро-Венгрии, заинтересованных в отрыве Болгарии от России. В связи с этим шумом, поднятом в Европе, Каульбарс писал в МИД, что настоятельность требования отсрочки выборов в ВНС до начала ноября, снятия военного положения и освобождения офицеров проистекает из убеждения, что только таким путем можно освободить "умы от гнета" и дать народу время на свободе выбрать своих депутатов<sup>10</sup>. Каульбарс подчеркивал, что если выборы в ВНС будут проведены без учета высказанных им советов, то будет избран Александр Баттенберг. В Петербурге и Софии русские дипломаты были до такой степени убеждены в выборе Баттенберга, что совершенно не хотели верить Стамболову, который 17 сентября сообщал через Неклюдова русскому правительству свои предложения, а именно: безусловный отказ от кандидатуры Баттенберга на пре тол, немедленное освобождение офицеров-детронаторов под поручительство, откладывание выборов в ВНС до 20 октября, ожидание ВНС кандидатуры на болгарский трон в течение неопределенного времени<sup>11</sup>.

Игнорирование предложений Стамболова надо расценивать в контексте всех событий после 9 августа. В Петербурге не желали идти на переговоры с этим политическим деятелем, который фактически уничтожил дело 9 августа. Сама политика Стамболова не ориентированная на безоговорочное выполнение условий России не внушала доверия. Даже снятие военного положения 16 сентября не изменило ни на йоту отношения Петербурга к правительству Стамболова. Там продолжали придерживаться в своей политике в Болгарии курса на возвращение этой страны под свой контроль. Слишком был высок выигреш в случае победы. Только в военно-стратегическом плане Рос-

сия обеспечивала за собой важный плацдарм для ведения крупномасштабных операций. Говоря о государственных соображениях нельзя не упомянуть и еще раз подчеркнуть личную вражду царя к Александру Баттенбергу. Для того чтобы окончательно устранить его с болгарского горизонта Александр III переступил границы разумного компромисса.

Твердая политика Каульбарса, продиктованная Петербургом, встречала не менее твердый отпор со стороны софийского правительства, которое не желало поступаться главным — своей властью. Сторонники Стамболова и его политического курса знали, что в случае прихода к управлению страной оппозиции и их лидера Цанкова, им придется расстаться не только со своими постами и влиянием, но и с надеждой установить независимый режим без генералов и комиссаров самодержавной России, внушавшей им страх.

Между Каульбарсом и министром иностранных дел Начовичем началась, по меткому выражению Радева, война нот. На уже указанные требования Каульбарса Начович отвечал, что болгарское правительство будет следовать всем советам, которые "не противоречат существующим законам"<sup>12</sup>. Информированный об этом упорстве царь оставил на одном из донесений Каульбарса характерную помету "Если болгарское правительство будет продолжать упорствовать, то остается еще средство пугнуть их оккупацией"<sup>13</sup>. Сам же Каульбарс, раздраженный подобным ответом Начовича, в своей очередной ноте от 22 сентября предупреждал, что "ответственность за последствия, которые бы последовали от неисполнения упомянутых желаний императорского правительства, падает всецело на настоящих водителей болгарского правительства"<sup>14</sup>.

Если в этой ноте содержался прозрачный намек на оккупацию, то в письме к царю от 22 сентября Каульбарс прямо говорил, что только оккупация поможет окончательно снять вопрос о Баттенберге как претенденте на престол<sup>15</sup>. Кроме мыслей об оккупации как простейшем средстве урегулирования сложнейшей ситуации с помощью военной силы, у русских "ми-

ротворцев" была надежда на свержение правительства оппозиционно настроенными болгарскими офицерами. В Петербурге были готовы удовлетворить запрос офицеров гарнизонов в Шумене и Русе и выдать требуемые ими 50 тыс. фр. на выступление в поддержку требований Каульбарса и похода на Тырново<sup>16</sup>.

Однако, осведомленный об офицерском заговоре Стамболов и его сторонники на местах приняли все меры для его нейтрализации. К концу сентября стало ясно, что идея о привлечении армейских гарнизонов подорвана вследствие отказа большинства военных участвовать в выступлении против правительства.

В то время, когда среди офицеров шло острое обсуждение выбора позиции, Каульбарс начал 22 сентября объезд страны с ознакомительно-агитационной целью. В посылаемых им депешах к императору по пути своего следования Каульбарс продолжал подчеркивать необходимость временной оккупации, основывая ее "просьбами самих болгар, которые только этим путем считают возможным избавиться от террора правительства"<sup>17</sup>. Но в бодрых рапорта об антиправительственных настроениях населения проглядывала и тревога, вызванная политической задавленностью народа. Информировав царя о боязни болгар репрессалий со стороны властей, Каульбарс предлагал придать им уверенность посредством посылки военных судов в Бургас и Варну<sup>18</sup>.

Подобная мера подняла бы и шансы на успех миссии самого Каульбарса, которого во время поездки преследовали неудачи. Так, вследствие активного противодействия местных властей, получивших указание из Софии помешать Каульбарсу в его встречах с населением и не допускать контактов с офицерами, поездка генерала была сорвана в конце сентября. Достаточно сказать, что по распоряжению из Софии вдогонку Каульбарсу были посланы два эмиссара с задачей устраивать по маршруту генерала враждебные манифестации<sup>19</sup>. Сам Каульбарс в своей ноте от 6/20 октября Начовичу подчеркивал,

что многих граждан, в том числе и русских подданных "арестовывали и наказывали" за сношения с ним, что "шайки, ободряемые правительственными агентами производили беспорядки перед русскими консульствами и притом в присутствии местных властей, которые оставались безучастными"<sup>20</sup>. Такие акции властей были в немалой степени вызваны и той антиправительственной агитацией, которую пытался проводить Каульбарс. В частности, во время встречи с оппозицией в Шлевене, генерал сказал буквально следующее: "Я могу лишь советовать вам как можно скорее освободиться от этого жалкого правительства и это вернейшее средство к предотвращению всех зол и бед, готовых разразиться над вашим бедным отечеством!"<sup>21</sup>.

После неудачи с поездкой Каульбарс в своей обширной телеграмме в Петербург выдвигает набор мер, каждая из которых могла, по его мнению, стать выходом из создавшегося положения, когда население терроризировано властями, а русские консульства находятся почти в осадном положении. В качестве радикальной - Каульбарс предлагал договориться с Европой о смешанной оккупации до утверждения нового князя. Россия бы вводила войска в княжество, Турция в Восточную Румелию. Паллиативной мерой, по мнению генерала, могло стать прекращение сношений и спуск флага. Третья мера сводилась к проведению выжидательной политики, а именно, дожидаться результатов созыва ВНС, чьи решения объявить незаконными. В случае выбора Баттенберга - спустить флаг, поставив тем самым князя в безвыходное положение"<sup>22</sup>.

Рассматривая предложенные Каульбарсом меры, надо сказать, что особый интерес вызывает предложение о смешанной оккупации. Дело в том, что в Константинополе русские дипломаты проводили зондаж турецкой стороны о возможности оккупации. Весьма интересной по этому вопросу представляется записка драгомана П.В.Максимова активно контактировавшего с турецкими дипломатами Гадбаном-эфенди и Риза-пашей. В частности, в записке подчеркивалось, что "Султан боялся бы русской оккупации. Но его уверили, что ее быть не может.

Во-первых, мы не готовы, во вторых, нас не пустят, и все может поэтому устроиться как нельзя более благоприятно, т. е. князь будет избран не из наших сторонников, правительство останется нам враждебным, и болгарская армия не будет в наших руках". В том случае, если русская оккупация сделалась бы неизбежной, рассуждали турецкие дипломаты, то Порта согласится на нее лишь на следующих условиях: "1. Румелия занимается турецкими войсками. 2. Болгария по ту сторону Балкан - русскими. 3. Санджак софийский занимается совместно". Нелидов, посылая эту записку Гирсу, подчеркивал, что подобная идея смешанной оккупации нереальна и грозит конфликтами и международными осложнениями<sup>23</sup>.

В Петербурге молчаливо согласились с мнением Нелидова, тем более что вновь мелькнула надежда на изменение ситуации с помощью армейского заговора. 4 октября Александр III от М.Н.Каткова и Гирс от И.А.Зиновьева получили сведения о намерении группы болгарских офицеров, находившихся в России, поднять движение в войсках с целью свержения правительства. Эта инициатива нашла при дворе самую горячую поддержку. Для проезда в Болгарию через Румынию 4 офицерам были выданы паспорта русских подданных. Соответственно, Димитров (это был - Р.Дмитриев) стал Евгением Даниловым, Тянков - Александром Трубниковым, Гергинов - Федором Степановым, Паков - Константином Мельниковым, Ковалов - Степаном Козловым<sup>24</sup>. Каульбарсу было подготовлено срочное письмо, в котором говорилось об их отъезде в Журжево и намерении вступить в "тайные сношения со своими единомышленниками в войсках, расположенных в Русуке, Видине или Шумле". Сообщая генералу их пароль "шесть и девять", МИД информировал его о желательности оказания им содействия, особенно по установлению связи между офицерами, а также в обеспечении их денежными средствами для целей движения. Отвергнута была лишь просьба болгар о назначении русского офицера для командования болгарскими войсками в случае успеха задуманного предприятия. На Каульбарса возлагалась

вся ответственность дальнейшей оценки действий заговорщиков. В случае безнадежности или вредности их акции он должен был предупредить заговорщиков о том, что им не следует рассчитывать на содействие России<sup>25</sup>.

Рассматривая этот мелкий эпизод, я склонен отметить, что несмотря на весь авантюризм поднять армию с помощью нескольких офицеров, осторожный расчет все-таки преобладал в стенах российского МИД. Русская дипломатия стремилась сохранить внешнюю благопристойность, чтобы не быть обвиненной в открытом вмешательстве.

Тем временем, пока заговорщики были в пути, внутренняя ситуация в Болгарии приобрела дополнительную остроту в связи с выборами в ВНС. 27 сентября Начович в своей решимости не допустить антиправительственной агитации со стороны тех болгар, которые имели русское подданство, направил Неклюдову ноту. В ней содержалось предупреждение об экстернировании всех иностранцев в случае их вмешательства в предвыборную кампанию. Для отвода глаз такие же ноты были направлены и в другие дипломатические агентства. Угрожающий тон, усмотренный Неклюдовым в ноте, послужил причиной приостановки сношений с болгарским правительством. Но эта мера носила символический характер. Уже 28 сентября в день выборов Неклюдов по приказанию Каульбарса возобновляет письменные сношения. В последующих нотах от 28 и 29 сентября Неклюдов заявляет о непризнании русским правительством законности выборов и вносит протест в связи с нападением на агентство и избиением крестьян. По официальной версии, приводимой Радевым, русофилы сагитировали около 150 молдов из окрестных софийских сел выступить против выборов. После столкновения на избирательном пункте с полицией они укрылись в русском агентстве. Вскоре между крестьянами, подогретыми алкоголем, и уличной толпой, находившейся перед оградой русского представительства, завязался обстрел камнями. С помощью подошедшей роты солдат толпа была разогнана. Само агентство окружено. К вечеру, когда крестья-

яне вышли из ограда агентства, они были загнаны солдатами в казарму и опять избиты<sup>26</sup>. Следует лишь добавить, что работники агентства выпустили крестьян лишь после заверения градоначальника, гарантировавшего их безопасность<sup>27</sup>.

Демонстративные ноты русского дипломатического агентства не возымели действия. Как я уже подчеркивал, Стамболов и его сторонники отдавали себе отчет, что в случае согласия на требования Каульбарса власть перейдет в руки русофилов и их державы-покровительницы.

Говоря о выборах в провинции, надо сказать, что там не обошлось без кровопролития. Так, в Дупнице крестьяне, инспирированные местными русофилами, выступили против выборов. В ходе столкновений с властями разбулевавшейся толпой было убито несколько человек, считавшихся якобы врагами России. В болгарском обществе видели в случившемся результат русской политики, плод агитации Каульбарса<sup>28</sup>. Но не надо забывать и то обстоятельство, что в своем подавляющем большинстве крестьянская масса верила России и в сложившейся чрезвычайной ситуации политического противоборства подобные кровавые эксцессы были возможны. И эта возможность открытых бунтов обретала реальность, когда руссофилы стремились прибегнуть к помощи масс в борьбе с правительством. Но силы были явно неравными, так как на стороне правительства была армия, жандармерия, пропагандистский аппарат. Зверства крестьян в Дупнице обернулись зверствами властей. По перехваченной русским агентством официальной телеграмме в Дупнице было "застрелено 3, в тюрьме забито до смерти - 40, сидят еще - 100"<sup>29</sup>.

В остальных районах властям удалось предотвратить антиправительственные выступления; ликвидировать опасный очаг возмущения в Шумене. Правительством было принято решение созвать ВНС 15 октября.

В этой неблагоприятной для русской политики обстановке Каульбарс продолжал держаться прежних основ своей тактики. 11 октября он убежденно писал в Петербург, что "гарнизоны

и наши сторонники здесь будут действовать только в том случае, если увидят решительную и фактическую нашу поддержку<sup>30</sup>. Там выняли неоднократным призывам своего представителя. 12 октября все европейские кабинеты были поставлены в известность о следовании двух клиперов черноморской эскадры в Варну. Политика скрытых угроз переходила в политику прямого устрашения.

Появление 13 октября на рейде Варны "Забияки", а 17 октября "Памяти Меркурия" тем не менее не изменило существенно позиций Стамболова, действия которого отличались как вызывающей смелостью, так и осторожностью. Руководимое им регентство немедленно телеграфировало управляющему Варненским округом, чтобы войска ни поддавались никакой провокации. В случае же высадки десанта приказывалось без боя отступить на Шумен<sup>31</sup>. Одновременно, правительственными агентам было приказано распространять слухи о том, что "будто бы прибывшие в Варну военные суда не имеют значения"<sup>32</sup>. Последнее распоряжение Стамболова вызвало тихую ярость у Каульбарса. В своей ноте от 15 октября к правительству он самым категорическим тоном предупреждал, что клипера "не замедлят весьма решительно доказать свое значение" в случае повторения фактов притеснения крестьян, встречавшихся с ним во время его объезда страны, и террора против русских подданных<sup>33</sup>.

С подходом клиперов Каульбарс резко активизировал свою деятельность. 14 октября Каульбарс в ультимативной форме предупредил правительство, что предание суду офицеров-детронаторов будет рассматриваться как вызов России и, соответственно, ее права прибегнуть к крайним мерам. 16 октября он уже требовал немедленного освобождения офицеров. Эта поспешность, как объясняли русские дипломаты, была вызвана слухами о готовящемся осуждении и немедленном расстреле заговорщиков<sup>34</sup>. Хотя такое объяснение воспринималось современниками скептически, правящие круги, тем не менее, поставленные перед угрозой оккупации уступили натиску Ка-

ульбарса. 17 октября офицеры были выпущены на свободу. Ободренный своим успехом Каульбарс решил в очередной раз вступить за русофилов и подданных своей державы. 18 октября он отправляет телеграфом ноту Начовичу в Тырново, где 19 октября открывалось ВНС. (Задержка была вызвана прибытием клиперов - В.К.). В ноте содержалось требование принятия в трехдневный срок энергичных мер по прекращению насильственных действий против русских подданных и лиц, пользовавшихся покровительством России<sup>35</sup>. Правительство Стамболова решило и здесь усугубить, срочно разослав требуемый приказ по округам. Информирова о принятых мерах Каульбарса, правительство просило известить его о случаях преследования указанной категории лиц для отдачи виновников под суд. Эта просьба показалась Каульбарсу оскорбительной, так как, по его мнению, болгарам были хорошо известны такие факты. Предупредив правительство о своем нежелании входить в объяснения, Каульбарс подчеркнул, что при первом случае насилия он вместе с агентством покинет страну. Болгарские власти были убеждены, что Каульбарс ищет только благовидный предлог для приведения своей угрозы в действие и, быть может, даже вызвать оккупацию страны<sup>36</sup>.

В определенной степени эта точка зрения нашла свое подтверждение в телеграмме Каульбарса в Петербург от 17 октября, где прямо говорится о том, что "выезд из Болгарии агентства мною признается нужным в том случае, если вслед за ним начнется военное вмешательство"<sup>37</sup>. Ведя войну нот, генерал Каульбарс понимал, что она не является тем средством, которое заставит встать на колени правительство. Соав ВНС был наглядным свидетельством упорства Софии. По-прежнему он возлагал большие надежды на армейский заговор. Он считал, что помощь офицеров-русофилов, выехавших в сентябре из Петербурга была бы очень кстати<sup>38</sup>. Русским дипломатам, как уже подчеркивалось, было хорошо известно, что в армии существовал ряд офицеров, не отдававших судьбу Болгарии от России. В частности, консул Игельстром из

Иловдива сообщал 22 октября в МИД о пятерке офицеров - Кисове, Дрогонове, Панове, Женеве и Матееве. Они надеялись склонить на свою сторону часть артиллерийского и кавалерийского полков и "этими частями, когда выяснится, что движение во всей армии подготовлено, произвести революцию"<sup>39</sup>.

Таким образом, надежды русской дипломатии выглядели весьма слабыми. У заговорщиков не было единой организации, а подавляющее большинство армии было на стороне правительства. Эта преданность может быть объяснена несколькими факторами. Во-первых, глубоко национальными чувствами офицерского корпуса, выступавшего за самостоятельность Болгарии и за ее независимость от России, чья политика, судя по действиям Каульбарса, вела к подчинению страны. Во-вторых, офицерство не желало быть игрушкой в руках оппозиционных правительству партий. Оно считало, что это приведет к политизации и деморализации армии. В-третьих, само поведение армии после событий 9 августа показывало, что ее большинство выступает против насильственных актов, сопровождаемых свержением монарха. Александр Баттенберг в его глазах был героем, осуществившим и защитившим Соединение княжества с Восточной Румелией.

В то время, когда Каульбарс продолжал размышлять о том, как выполнить свою миссию, Стамболов не менее напряженно обдумывал план спасения страны от угрозы оккупации. Для выполнения этой цели глава регентства решил пойти на формирование новых смешанных составов регентства и правительства, включив туда лидера оппозиции Цанкова<sup>40</sup>. Но Цанков, находясь под влиянием своих партийных коллег, которые стремились к полному захвату власти, отказался от предложения Стамболова. Находясь, безусловно, под влиянием Каульбарса, Цанков 20 октября сам пишет Стамболову письмо. Рассуждая в нем о благе отечества, Цанков советует распустить как регентство, так и правительство. Причем, депутаты ВНС должны были бы высказать желание о формировании нового прави-

тельства без регентства с согласия и одобрения России<sup>41</sup>. Для Стамболова принятие подобных предложений было равнозначно политической смерти. Поэтому, он не мог принять условий Цанкова. Напряженность ситуации в связи с проходившими переговорами несколько увеличилась при известии о восстании в Перуштыце. Руководство этого небольшого и подавленного без кровопролития восстания хотело поднять население родопских сел и двинуть его на захват Пловдива, чтобы там провозгласить Каульбарса диктатором. Не исключая появления других, но уже кровопролитных бунтов, Стамболов сознавал, что они могут стать удобным предлогом для оккупации. Для предотвращения подобной угрозы и в целях консолидации политических партий под лозунгом национальной независимости он решил на повторное обращение к Цанкову. Но и эта попытка была безуспешной. Лидер оппозиции в своем ответе от 23 октября откровенно подчеркивал, что только формирование правительства лицом, непосредственно пользующимся доверием России, т.е. Каульбарсом, может гарантировать стране покровительство императора<sup>42</sup>.

Проблема отношений с Россией горячо обсуждалась и депутатами ВНС. Если Стамболов, поддержанный большинством депутатов, выступал за отказ от жесткой политики, то крайние националисты, как З. Стоянов, считали, что только полный разрыв с Россией может освободить страну от опасного опекунства. Среди правительства лишь министр финансов Ив. Ев. Гешов, будучи русофилом, был за полное принятие требований Каульбарса<sup>43</sup>.

В этой обстановке дискуссий и попыток найти приемлемое решение вспыхнуло 22 октября восстание в Бургасе. Его руководителем был русский подданный капитан запаса болгарской армии Набоков. Восстание было быстро потушено. Сам Набоков после суда был передан русским властям. Судя по рассказу Радева, решение о восстании было принято Набоковым и болгарскими-русософилами после получения депеши от Каульбарса о предстоящей революции в стране<sup>44</sup>. Неудачей за-

кончилась и попытка восстания в Сливене (26 октября) под руководством офицеров-русофилов Енчевича и Пакова.

Надежды Каульбарса на смену власти с помощью армейских заговорщиков потерпели полный провал. Соответственно поднялись шансы у Стамболова, который предпринял еще раз попытку добиться расположения императора во время начавшегося в ВНС обсуждения кандидатуры князя. Болгарские депутаты реальными претендентами считали князей Вальдемара Датского и Александра Ольденбургского, Оба они находились в родстве с русской императорской фамилией, что по мнению болгар уже могло в какой-то мере удовлетворить Александра III. Однако этим предположениям болгарской стороны не было суждено осуществиться.

Александр Ольденбургский, узнав о своем выдвижении, полусерьезно заметил императору: "Одно из двух; я должен быть или болгарским князем, или верноподданным Вашего Величества, но соединять одно с другим является немислимым. Поэтому я предпочитаю остаться вашим верноподданным"<sup>45</sup>. После твердого отказа князя Ольденбургского оставалась кандидатура Вальдемара Датского, чья сестра была женой Александра III. Предварительный зондаж греческого короля Георга, который был братом Вальдемара, показал, что князь не мог принять корону без разрешения императора<sup>46</sup>. Официальное обращение, датированное 25 октября, к представителям великих держав с просьбой указать кандидата также закончилось неудачей. Этот своеобразный заговор молчания объяснялся нежеланием европейских кабинетов и Порты входить в болгарские дела без предварительной договоренности с Россией.

Говоря же о реакции Александра III на запрос болгарской стороны необходимо привести две его пометы на донесении об этом Каульбарса: "Своевременно узнают", "Если бы послушали нас и отложили бы созыв Велик. Собраниа, мы успели бы спокойно выбрать и предложить им князя, а теперь сами виноваты"<sup>47</sup>. Трудно судить, какой потаенный смысл вкладыв-

вал царь в эти слова? Глухая угроза, прозвучавшая в них, позволяет предположить, что Александр III намеревался по-прежнему решать болгарский вопрос о позиций активного или пассивного диктатора.

В самой Софии его полномочный представитель Каульбарс был настроен решительно. 27 октября он обратился к царю с просьбой о временном занятии Варны "до тех пор, пока не составится министерство из лиц, которым мы можем доверять". Однако, ни император, ни глава МИД не дали согласия. Они считали, что захват Варны без предварительного соглашения с великими державами приведет еще к большим осложнениям. Александр III мог лишь посочувствовать Каульбарсу, написав на полях его донесения: "Положение Каульбарса действительно ужасное и так как мы только задушиваем регентов и правительство, но ничего серьезного не предпринимаем, то легко может быть, что действительно они будут смеяться над нами или будут продолжать упорствовать"<sup>49</sup>.

В западноевропейской печати действительно встречались ироничные и ядовитые замечания в адрес Каульбарса.

Тем временем в ВНС продолжали идти горячие дебаты о кандидатуре князя и судьбах страны. Стамболов прямо заявил многочисленным сторонникам Александра Баттенберга, что его выбор означал бы прямое приглашение России к оккупации. В случае же избрания Вальдемара Датского, даже, как говорил Стамболов, эта кандидатура и не будет одобрена Петербургом, болгары "покажут России свои чувства, а Европе - свою умеренность"<sup>50</sup>. Доводы главы регентства возымели свое действие. 29 октября Вальдемар Датский был провозглашен князем Болгарии, о чем ему была послана телеграмма на Французскую Ривьеру. Как и следовало ожидать, новый избранник отклонил предложение ВНС. Обращение болгар к его отцу королю Христиану IX также не дало результатов. Датский двор явно не хотел усложнять отношения с Александром III<sup>51</sup>.

Таким образом проблема болгарского престола, тесно увязанная с вопросом о власти, оставалась открытой. И в то же

рив же отношений с правительством княжества считался, вероятно, Александром III необходимым злом для последующего удержания Болгарии в орбите своей политики. Однако он все же колебался. Это видно из его пометы на письме Каульбарса: "Если последует отъезд Каульбарса со всеми нашими консулами, то подобное заявление совершенно правильно"<sup>56</sup>.

Тем временем в Софии Каульбарс ухватился за случай избиения и ареста служителя пловдивского консульства. Это произошло с 29 на 30 октября в связи с нарушением им комендантского часа. 31 октября Каульбарс информировал Александра III, что этот инцидент прямо подпадает под его ультиматум от 18 октября и сообщил о своем решении не объявлять отъезда до его повеления<sup>57</sup>.

Настойчивость Каульбарса, прежняя безуспешность попыток свержения правительства самими болгарами, все больше и больше утверждали императора в необходимости разрыва. Фактически, он был предопределен. Именно поэтому Александр III не дал своего согласия на мирное урегулирование кризиса при посредничестве Порты, к чему так стремилось болгарское регентство и правительство. Конкретно, посредничество Турции должно было привести - без прямого участия России - к формированию нового регентства, в котором большинство состояло бы из лиц, пользовавшихся доверием Петербурга. Регентство же должно было постепенно изменить правительство и обеспечить новые выборы в ВНС. Резюме Александра III на этом сообщении Нелидова от 1 ноября было коротким: "После отъезда Каульбарса и наших консулов из Болгарии мы можем принять предложение Турции и тогда увидим насколько оно искренне и возможно"<sup>58</sup>.

События стремительно приближали запрограммированный финал. 2 ноября Каульбарс отправил ноту Начовичу с рядом требований, а именно: уволить бригадного командира и военного коменданта Пловдива, наказать прямых виновников избиения служителя консульства, отдать официально честь русскому флагу на здании консульства. На выполнение давалось три

дня. В противном случае, как доносил 3 ноября Каульбарс в Петербург, "я вынужден буду восьмого или девятого спустить флаг и выехать из Болгарии со всеми консулами"<sup>59</sup>. Отослав эту телеграмму, Каульбарс, по-видимому, все же заколебался. Вдогонку летит вторая телеграмма. В ней он неожиданно ставит вопрос о мирном улаживании дела при помощи великих держав: их воздействии на регентство и министров с целью заставить подать в отставку<sup>60</sup>. Мотивация посылки этой второй телеграммы, не отвечавшей характеру его тактической линии, неизвестна. Можно лишь предположить, что после провала ВНС с выбором Вальдемара Датского Каульбарс на какое-то время поверил в действенность не только пассивной, но и активной поддержки Европы, которая должна быть заинтересована в скором и мирном решении болгарской проблемы. Однако в Петербурге были хорошо осведомлены о невозможности такой общеевропейской акции, хотя бы только потому, что Англия решительно поддерживала Стамболова и его правительство. Предложение Каульбарса было отвергнуто в Петербурге, равно как и его просьба противоположного характера от 7 ноября, где он высказывал мысль о возможности возвращения клиперов в Варну после перевозки консульского состава<sup>61</sup>.

6 ноября, несмотря на просьбу Начовича продлить срок до 10 ноября, отношения были прерваны. В ответе Каульбарса болгарскому министру от 7 ноября было два слова "Trop tard" (слишком поздно)<sup>62</sup>. 8 ноября Каульбарс покинул Софию. В Одессе его встретили цветами почитатели той политики, проводником которой он был в Болгарии. В Петербурге было проведено заседание начальников корпусных штабов под председательством начальника генштаба Н.И.Обручева, где обсуждался вопрос об оккупации. Заключение было неутешительным - оккупация невозможна. Александр III, узнав об этом, сказал, что теперь "за Болгарию не дам я и пятиалтынного"<sup>63</sup>. Резкость и грубость этой фразы чаше искать в убеждениях императора, считавшего, что правительство Стамболова сделало из страны "очаг анархии, революции и вражды к Рос-

Тем не менее в своем циркуляре к великим державам правительство России заверяло, что оно будет стремиться к изменению создавшегося положения мирными средствами<sup>65</sup>. Действительно, Болгария и после разрыва отношений была долгое время предметом политических комбинаций, переговоров и консультаций России на международном уровне. Но все усилия императорского правительства вернуть утраченные позиции были тщетными. В 1887 г. болгарский трон занял австрийский протеже князь Фердинанд Кобургский. Лишь в 1896 году после смерти Александра III и Стамболова официальные связи между двумя странами возобновились.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. АВПР, ф. Канцелярия, д. 92а, л. 76, П.М.Богданов - МИД, 28 августа 1886 г.
2. Там же, л. 99-100, Неклюдов - МИД, 31 августа/12 сентября 1886 г.
3. Там же, ф. Канцелярия, д. 107, л. 383, МИД - П.М. Богданову, 30 августа 1886 г.
4. Там же, д. 27, л. 417-419, А.И.Нелидов - МИД, 31 августа/12 сентября 1886 г.
5. Там же, д. 92а, л. 133, Неклюдов - МИД, 3/15 сентября 1886 г.
6. Там же, л. 170, Неклюдов - МИД, 6/18 сентября 1886г.
7. Там же, ф. ПА, д. 2178, л. 16, Н.К.Гирс - русское агентство в Софии, 11 сентября 1886 г.
8. Новое время, 1890. 22 октября/3 ноября. Интересно отметить, что в своем ответе С.С.Татищеву Каульбарс пишет о своей встрече в 1885 году в Вене с будущим князем Болгарии Фердинандом Кобургским. По словам Каульбарса, Фердинанд во время беседы "несколько раз повторял, что если бы он был на месте Баттенберга, то прежде всего позаботился бы о самых лучших отношениях к России". Тем самым как заключал генерал, информировавший Петербург об этой встрече, "правительство наше давно до низложения Баттенберга было предупреждено о том, что на место его выступит кандидатом принц Кобургский ... и я мог только удивляться той полной с нашей стороны неготовности, когда эта кандидатура в 1887 году сделалась общим достоянием света" - Там же.
9. Рядев С. Строители ... Т.2. С.292.
10. АВПР, ф. Канцелярия, д. 92а, л. 277 и об., Н.В.Каульбарс - Петербург, 18 сентября 1886 г.
11. АВПР, ф. Канцелярия, д. 92а, л. 287, Неклюдов -

МИД, 18 сентября 1886 г.

12. Радев С. Там же, С. 369. Вопрос о законности позиций болгарского правительства подробно освещался в печати, особенно в открытом письме Каульбарса С.С.Татищеву. Там говорилось, что русская дипломатия, не признавая законным временное правительство, считала, что оно не имеет законных оснoв, ни нравственного права судить и преследовать офицеров-детронаторов. Далее, Каульбарс утверждал, что офицеры должны быть освобождены по амнистии, данной Александром Баттенбергом и самим Стамболовым. Касаясь вопроса о сроке созыва ВНС и тесно связанного с ним вопроса о выборе князя, Каульбарс подчеркивал, что болгарские власти не могут исключительно основываться на Тырновской конституции, где определен срок выбора. По мнению Каульбарса болгары должны приравниваться к Берлинскому трактату. Здесь он делал оговорку, признавая несогласованность статей договора с редакцией болгарской конституции, обвиняя в этом составителей названных документов. - Новое время. 1886. 21 сентября/3 октября. № 3794; Там же, 1890. 22 октября/3 ноября. № 5262.

13. АВПР, ф. Канцелярия, д. 92а, л. 299, Н.В.Каульбарс - Александру Ш, 20 сентября 1886 г.

14. Радев С. Там же, С. 323.

15. АВПР, ф. Канцелярия, д. 92а, л. 318, Н.В.Каульбарс - Александру Ш, 22 сентября 1886 г.

16. АВПР, ф. Канцелярия, д. 92а, л. 305, Н.В.Каульбарс - Александру Ш, 21 сентября 1886 г.; Радев С. Там же, с. 329.

17. АВПР, ф. Канцелярия, д. 92а, л. 358, Н.В.Каульбарс - Александру Ш, 25 сентября 1886 г.; там же, л. 334, Н.В.Каульбарс - Александру Ш, 27 сентября 1886 г.

18. АВПР, ф. Канцелярия, д. 92а, л. 352, Н.В.Каульбарс - Александру Ш, 24 сентября 1886 г.

19. Радев С. Там же, С. 333.

20. Новое время. 1886. 9/91 октября. № 3812.

21. Новое время. 1886. 10/22 октября. № 3813.

22. АВПР, ф. Канцелярия, д. 107, л. 305об. - 317, Н.В.Каульбарс - Петербург, 3 октября 1886 г.

23. АВПР, ф. ПА, д. 965, л. 451 - 452, 456 и об., записка 2 драгомана П.Б.Максимова, А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 9/21 октября 1886 г.

24. АВПР, ф. Канцелярия, д. 107, л. 441-442об., М.Н.Катков - Александру Ш, 4 октября 1886 г.; там же, л. 445-446, 457, Н.К.Гирс - Александру Ш, 4 октября 1886 г.

25. АВПР, ф. Канцелярия, д. 107, л. 461-464, проект секретного письма Н.В.Каульбарсу, 1886 г.

26. Радев С. Там же, С. 355-357.

27. Новое время. 1886. 21 октября/2 ноября. № 3824.

28. Радев С. Там же, С. 358-360.

29. АВПР, ф. Канцелярия, д. 107, л. 183, Н.В.Каульбарс - Петербург, 15/27 октября 1886 г.

30. Там же, л. 231об., Н.В.Каульбарс - Петербург, II

- октября 1886 г.
31. Радев С. Там же. С. 384.
32. АВПР, ф. Канцелярия, д. 107, л. 176, Н.В.Каульбарс - Петербург, 15 октября 1886 г.
33. Там же, л. 176об., Н.В.Каульбарс - Петербург, 15 октября 1886 г.
34. Радев С. Там же. С. 385-387.
35. Там же. С. 391.
36. Там же. С. 391-393; В стремлении обеспечить требуемое спокойствие в стране и предотвращение антиправительственных выступлений власти арестовывали и подвергали истязаниям как болгарских, так и русских подданных. В частности, были подвергнуты побоям Ив. Гешов, д-р Хаканов, Дм. Попов, арестованны по делу о восстании, подготавливаемого под руководством пловдивского консула Игельстрема. Русский подданный Дм. Целев подвергся подобной участи за передачу дефет русского консульства. - Новое время. 1886. 20 октября/1 ноября. № 3823; Радев С. Там же, С. 366.
37. АВПР, ф. Канцелярия, д. 107, л. 166, Н.В.Каульбарс - Петербург, 17 октября 1883 г.
38. Там же, л. 135, Н.В.Каульбарс - Петербург, 21 октября 1886 г.; в архивных документах АВПР мною не обнаружены материалы о дальнейшей судьбе офицеров и их связях с Каульбарсом в указанное время.
39. Там же, л. 126 и об., Г.В.Игельстром - МИД, 22 октября/3 ноября 1886 г.
40. Каравелов, находясь в составе регентства, фактически был отстранен от власти. Во время обсуждения ноты Каульбарса от 15 сентября возник спор между Каравеловым, выступавшим за принятие ноты, и Радославовым, придерживавшимся противоположного мнения. Давние неприязненные отношения между этими двумя видными политическими деятелями во время горячего обсуждения вылились в столкновение, когда Каравелов чуть было не прибил Радославова палкой. После скандала Каравелов фактически был лишен и своей призрачной власти. Совет министров решил больше не допускать его на свои заседания. - Радев С. Там же. С. 300-301, 394-395. На политическую авансцену выходит Цанков, известный мастер политических комбинаций.
41. Радев С. Там же. С. 402-404.
42. Там же. С. 406-408.
43. Там же. С. 408-409.
44. Там же. С. 416.
45. Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке, 1879-1886. СПб., 1906, С. 384.
46. Радев С. Там же. С. 441.
47. АВПР, ф. Канцелярия, д. 107, л. 114, Н.В.Каульбарс - Петербург, 25 октября/5 ноября 1886 г.
48. АВПР, ф. Канцелярия, д. 107, л. 29, Н.В.Каульбарс - Александру III, 27 октября 1886 г.
49. Там же.
50. Радев С. Там же, С. 444.

51. Здесь надо заметить, что согласно Берлинскому трактату выбор князя производится из числа кандидатов, предложенных официально и консенсусом великими державами. Срок подобного оглашения не был определен в трактате. Поэтому названные кандидаты не стремились воспользоваться предложением болгарской короны. Как отмечал Каульбарс, налицо было резкое расхождение между Берлинским трактатом и Тырновской конституцией. - Новое время. 1890. 22 октября/3 ноября. № 5262.

52. АВПР, ф. Канцелярия, д. 107, л. 342-343об., Петербург - Н.В.Каульбарсу, 29 октября 1886 г.

53. Там же, л. 43, Н.В.Каульбарс - Александру Ш, 30 октября 1886 г.

54. Там же.

55. Там же, л. 58-59, Н.В.Каульбарс - Александру Ш, 30 октября 1886 г.

56. Там же, л. 58.

57. Там же, л. 17, Н.В.Каульбарс - Александру Ш, 31 октября 1886 г.

58. АВПР, ф. Канцелярия, д. 28, л. 18 и об., А.И.Мелидов - Петербург, 1/13 ноября 1886 г.

59. Там же, д. 107, л. 74об., Н.В.Каульбарс - Петербург, 3 ноября 1886 г.

60. АВПР, ф. Канцелярия, д. 107, л. 77об., Н.В.Каульбарс - Александру Ш, 3 ноября 1886 г.

61. Там же, л. 7, Н.В.Каульбарс - Александру Ш, 7 ноября 1886 г.

62. Радев С. Там же, С. 469.

63. Карцов Ю.С. Семь лет... С. 363.

64. Новое время. 1890. 5/17 сентября. № 5215.

65. Там же.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разрыв отношений, растянувшийся почти на десять лет, в конечном итоге можно рассматривать как своеобразное "освобождение" Болгарии от России и, соответственно, прощание Петербурга с иллюзиями и надеждами. Русско-болгарский узел оказался слишком запутанным, чтобы при существовавшей тогда расстановке сил и взаимной подозрительности можно было бы его развязать, не прибегая к крайним мерам.

В Петербурге подозревали болгар в недостаточной преданности России, чьи солдаты пролили немало крови за высвобождение болгарского народа. В Софии же при всей благодарности к братьям-освободителям весьма настороженно относились

к плотной опеке над своей страной.

Можно выдвинуть тезис о том, что основной причиной кризиса русской политики в Болгарии была разница в характере государственной власти: в России - самодержавие с его преданиями и традициями византизма, в Болгарии - конституционная монархия, созданная, в сущности, искусственным путем.

В определенной степени это будет верной, но все же несколько общей фразой. Искать корни кризиса надо глубже. Может быть они лежат в сложном процессе возрождающегося болгарского этноса с его neodолимым желанием вырваться на просторы европейской истории в качестве самостоятельной силы и русским этносом, уже отдавшим немалую часть своих сил как на создание своей истории, так и славянству.

Оставляя эту проблему будущим исследователям, и возвращаясь в конкретику политики России, надо подчеркнуть, что в ней весьма наглядно проявился кризис знаменитой славянской взаимности, столь усердно эксплуатировавшийся в политике. Сотни тысяч воинов, убитых на Балканах не могли служить тем своеобразным моральным фундаментом, на котором Россия хотела бы строить свою политику в освобожденных с ее помощью балканских землях, а славяне покорно ее принимать.

Нужна была иная политика, иные методы, иная тактика. Для этого как минимум необходима была твердая обратная связь. В данном случае либо с Александром I, либо с определенной политической партией. А этого фактически не было и не могло быть, так как вопрос о власти в самом молодом государстве находился лишь на первом этапе своего разрешения. Действия же русских представителей в значительной степени осложняли его. Политика "качелей" не оправдывала себя. В этой ситуации, явно неудовлетворительной для Петербурга, иного выхода как смены князя не было. Русскому императору нужен был надежный слуга на болгарском престоле, князь же таковым себя не зарекомендовал уже по той причине;

что хотел быть независимым больше того, чем желал царь.

И здесь всплывает еще одна тема. Многие исторические события происходят не вследствие каких-либо закономерностей общественно-политического характера, а по причине, связанной с характером той или иной личности, с так называемым волевым подходом к решению проблемы. Последствия ненависти Александра III к своему болгарскому тезке служат реальным доказательством того распространенного явления, когда то или иное чувство берет верх над собственно государственной политикой.

Говоря же в целом о русской политике, надо подчеркнуть ее целесообразность и действенность лишь до определенной черты, за которой начинался ряд ошибок и провалов. Они происходили из все увеличивавшейся разности между форсированным маршем болгарской национальной политики и растущим в той же степени сопротивлением русской дипломатии, стремящейся удержать за собой функции контроля. И последнее, что чрезвычайно для понимания русской политики в Болгарии. Как ни парадоксально звучит, не Болгария являлась своеобразной заложницей России, а сама империя оказалась "жертвой" тех многочисленных политических сюрпризов, подготавливаемых различными болгарскими государственными и политическими деятелями, уверенными, что в Петербурге выдержат все, лишь бы не допустить потери Болгарии.

## СОДЕРЖАНИЕ

От автора	1-2
Международно-правовое положение Болгарского княжества и Россия	3-14
Первые проблемы управления и русская политика	15-33
Государственный переворот 1881 г. Сюз Александра I и Эрарота	33-49
Русская дипломатия и генеральское правление во время режима полномочий	50-70
Миссия А.С.Ионина	70-89
Дипломатическая деятельность А.И.Кояндера. Мнимые успехи и явные провалы	89-108
Время испытаний. От Румелийского переворота до военного прокунциамента	109-138
Последние иллюзии	
Переворот, контрпереворот и окончательное отречение князя	139-154
Миссия Н.В.Каульбарса	154-177
Заключение	177-179

Заказ 1212    Подписано к печати 24.10.90г.    Печ.л.11,25    Тираж 300

Типография ВИА имени В.В.Куйбышева    Цена 1 руб 93 коп.